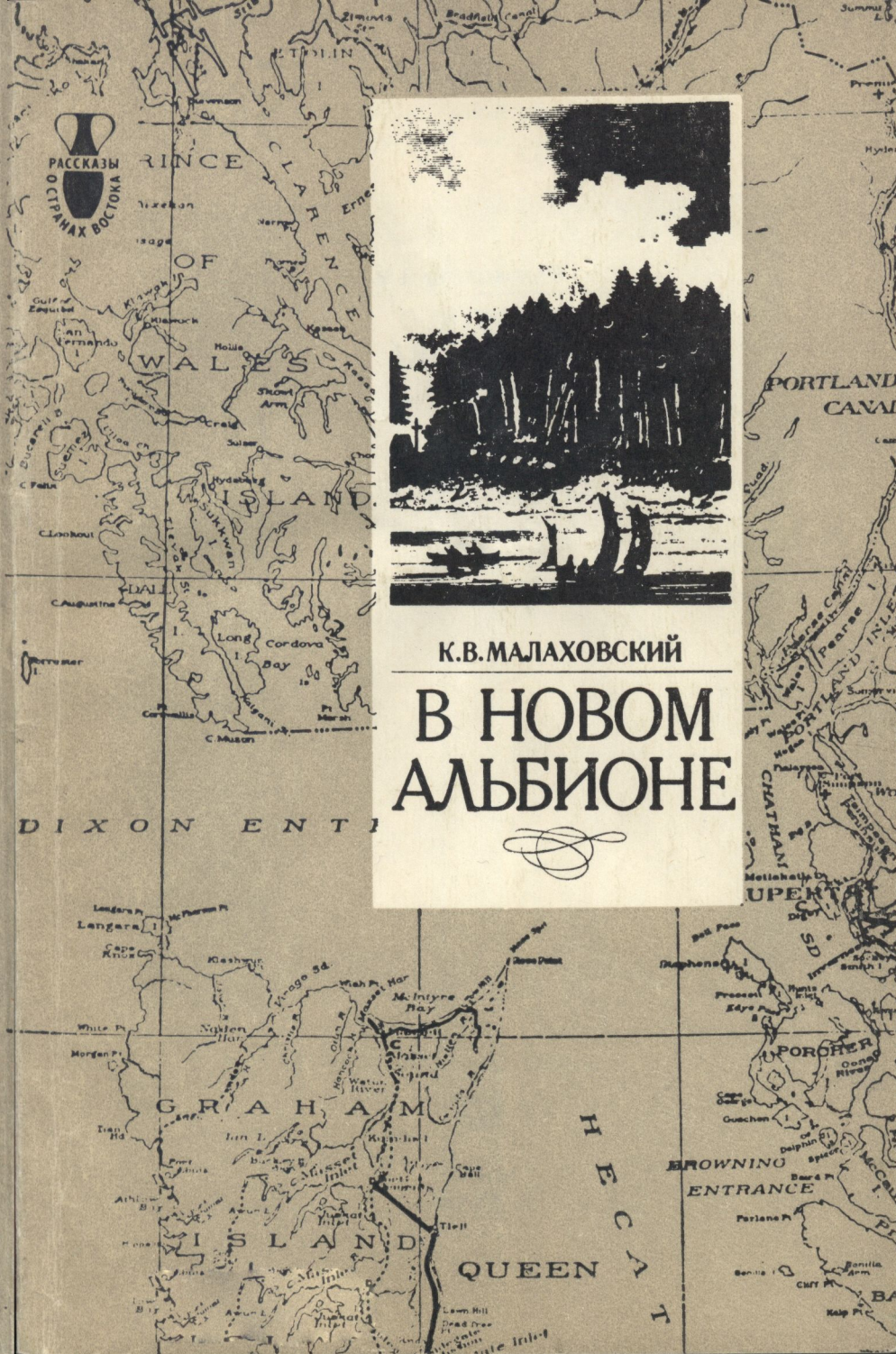
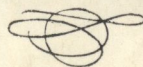

К.В. МАЛАХОВСКИЙ

В НОВОМ АЛЬБИОНЕ

К.В. МАЛАХОВСКИЙ

**В НОВОМ
АЛЬБИОНЕ**

**Москва
«НАУКА»**

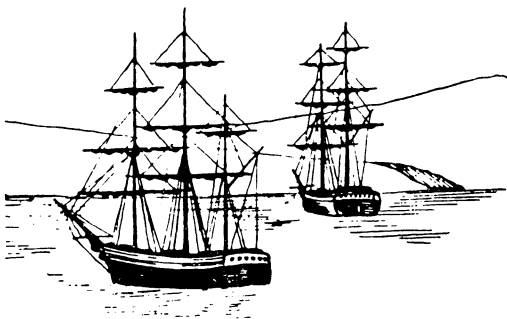
Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Серия
основана
в 1957 году

К.В. МАЛАХОВСКИЙ

В НОВОМ АЛЬБИОНЕ

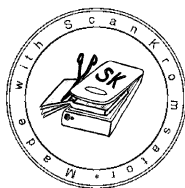
Главная редакция восточной литературы
1990

Редакционная коллегия

*К.В. Малаховский (председатель), Л.Б. Алаев,
Л.М. Белоусов, А.Б. Давидсон, Н.Б. Зубков,
Г.Г. Котовский, Р.Г. Ланда, Н.А. Симония*

Утверждено к печати

*Редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Scan AAW

Малаховский К.В.

М18 В Новом Альбионе. — М.: Наука. Главная редакция
восточной литературы, 1990. — 125 с. (Рассказы о
странах Востока).

ISBN 5-02-016901-3

Книга посвящена мореплавателю XVIII в. капитану Джорджу Ванкуверу, который прославился своим кругосветным путешествием — самым длительным в истории мореходства. Во время этого плавания были исследованы берега Австралии, острова Океании, картографировано западное побережье Северной Америки — от Калифорнии до Аляски.

М 1805030000-060 71-90
013(02)-90

ББК 26.89

ISBN 5-02-016901-3

© К.В. Малаховский, 1990

ИНЦИДЕНТ В НУТКА-САУНДЕ

Во вторник, 5 мая 1790 г., тридцатилетний премьер-министр Великобритании У. Питт вошел в зал палаты общин с посланием короля Георга III.

Когда спикер огласил документ, раздались возмущенные крики. Не часто в этом зале царило такое единодушие: и виги и тори были солидарны в своем негодовании.

В послании короля говорилось, что испанцы захватили британские суда, находившиеся в заливе Нутка-Саунд, на северо-западном побережье Америки, и экипажи этих судов отправлены в тюрьму в один из испанских портов в Мексике как военнопленные.

Наконец спикеру удалось добиться тишины, и Питт, явно волнуясь, начал речь: «Подданные Его величества были насильственно и незаконно отстранены от торговли, которую они ведут уже несколько лет. Британские суда, плавающие под британским флагом, с британскими моряками на борту, были захвачены в момент полного мира и без какого-либо предупреждения. Офицеры и команды этих судов были объявлены военнопленными». Снова в зале раздались неистовые крики. Питт смог продолжить свою речь лишь спустя несколько минут. «Сообщенных фактов, — сказал он, — достаточно, чтобы палата общин потребовала восстановления прав потерпевших британских подданных и полного возмещения».

После выступления Питта было предложено выделить средства на подготовку к войне с Испанией. Это предложение было сразу же поддержано лидером оппозиции Ч. Фоксом. «Надеюсь, — заявил он, — что решение палаты будет единодушным. Я не менее премьер-министра чувствую необходимость вооружения. Мое негодование по поводу неспровоцированной агрессии Испании не меньше, чем негодование почтенного джентльмена. Я ничего не добавлю к его словам по поводу прав нашей страны торговать в этих морях и создавать поселения на их берегах. Испания без всяких

оснований заявляет о своих исключительных правах на это... В наш просвещенный век абсолютное право на территорию, предоставленную решением папы римского, беспочвенно, так же как и право на территорию, основанное лишь на факте ее открытия, без последующего заселения. В настоящее время не существует ни одного законного основания для требований, выдвигаемых испанским двором».

Но вместе с тем Фокс обвинил Питта в том, что при обсуждении государственного бюджета в парламенте он ничего не сообщил о столь возмутительных действиях Испании: «Премьер-министр заявлял о возможности сохранения нерушимого мира с Испанией в течение длительного времени, уже зная, что Испания незаконно захватила британские суда, конфисковала их груз и объявила военнопленными их команды. После получения первого же сообщения об этих фактах, как и о военных приготовлениях Испании, премьер-министр не имел права говорить о перспективе длительного мира. Я считаю, что премьер-министр не выполняет своих обязанностей перед народом, если пытается скрыть от него очевидную опасность».

На это обвинение Питт ответил, что еще несколько дней назад в распоряжении правительства не было никакой достоверной информации.

Палата общин приняла предложение о выделении правительству средств на военные приготовления, после чего Фокс опять потребовал слова. «Я все-таки хочу знать, — заявил он, — когда правительство впервые получило сведения о враждебных действиях Испании. Идут разговоры, что самое раннее сообщение поступило еще 10 февраля. Почему была скрыта эта информация? Народу должно быть известно, предпринимаются ли слугами Его величества действенные шаги для предотвращения войны. Я заявляю, что если начнется война, то это будет результатом доверчивости или пассивности премьер-министра».

Этот выпад Фокса не смутил Питта. Несмотря на молодость, он был достаточно опытен: уже семь лет он возглавлял правительство. Питт ответил, что не может сообщить достопочтенному джентльмену того, что тот желает знать, ибо это государственная тайна. Вскоре затем заседание палаты общин было закрыто.

В стране начались спешные приготовления к войне.

Для того чтобы понять, что произошло в Нутка-Саунде, необходимо немного вернуться назад.

Испания, властвовавшая в Тихом океане в XVI—XVII вв. и называвшая его своим «озером», тем не менее сосредото-

точивала все свое внимание на южной части Тихоокеанского бассейна. Только в 1542 г. испанец Хуан Родригес Кабрильо достиг мыса Мендосино (40° с.ш.), в Северной Америке, но дальше идти не решился и повернул к югу. Не заходили туда и мореплаватели других западноевропейских государств.

Лишь британский капитан Ф. Дрейк прошел в 1579 г. вдоль западного побережья Северной Америки до 48° с.ш. Дрейк искал легендарный пролив Аниан, якобы соединяющий Тихий и Атлантический океаны. Не найдя пролива, он повернул назад. Корабль Дрейка стал на якорь в бухте, которая впоследствии была названа заливом Дрейка. Она расположена на 38° с.ш., к северу от современного Сан-Франциско. Там англичане высадились на берег. Не теряя времени, Дрейк объявил обнаруженную землю собственностью британской королевы, назвав ее Новым Альбионом. Покидая новое «королевство», он установил на берегу высокий и узкий столб с прикрепленной к нему медной доской, на которой было написано: «Да будет известно всем людям, что 17 июня 1579 г. по милости господ и от имени Ее величества королевы Елизаветы Английской и ее преемников я взял во владение это королевство, чей король и народ по своему желанию передали Ее величеству их права на всю землю, названную мною, к сведению всех людей, Новым Альбионом.

Фрэнсис Дрейк».

В качестве печати в вырезанную в столбе дырку была вставлена шестипенсовая монета с изображением королевы и ее герба.

Испанцы расценили это как символический жест и не придали ему никакого значения, тем более что затем на протяжении двух столетий в тех краях не появлялись мореплаватели Туманного Альбиона. Только в 1778 г. вдоль северо-западных берегов Северной Америки прошел Дж. Кук, который, как и Дрейк, искал пролив Аниан. Не обнаружив его, Кук вернулся в южную часть Тихого океана.

Гораздо больше беспокоили испанцев активные действия русских в северной части Тихого океана. И это вполне объяснимо. В 70-х годах XVIII в. Россия прочно утвердилась в этом районе. Русские люди начали освоение Сибири и Дальнего Востока еще в XVI в. Это происходило не столько по указанию центральной власти, сколько по личной инициативе. В восточные районы шли промышленники, служилые люди, крестьяне, бежавшие от гнета помещиков и царской власти. При поддержке купцов-промышленников Строгановых донской казак Ермак Тимофеевич с дружиной начал

в 1581 г. из Перми свой знаменитый поход. Перейдя через Уральский хребет, он в 1582 г. завоевал татарский город Сибирь и покорил обширнейшую область, имевшую то же название.

Тихий океан русские люди увидели впервые во второй половине 30-х годов XVII столетия. Посланный из Томска в 1636 г. отряд атамана Д. Копылова через два года подошел к берегам Охотского моря.

Затем началось изучение Тихоокеанского побережья к северу и югу от Охотского моря. Отряды В. Пояркова и Е. Хабарова в 1643—1651 гг. исследовали бассейн реки Амур.

В 1648 г. С. Дежнёв и Ф. Попов с группой в 100 человек на кочах (палубных судах до десяти метров в длину, ходивших на веслах, а под парусом только при попутном ветре) вышли с Колымы и обогнули Азиатский материк с северо-востока. Они прошли из Ледовитого океана в Тихий через Берингов (Анианский) пролив, доказав этим, что Азиатский материк отделен от Американского. Дежнёв открыл Чукотский полуостров, оставил описание двух островов Диомиды, называющихся теперь островами Ратманова и Крузенштерна (острова эти находятся в середине Берингова пролива). Весьма вероятно, что часть экспедиции Дежнёва побывала на Аляске, открыв, таким образом, Тихоокеанское побережье Северной Америки, а сам Дежнёв достиг Камчатки.

Дежнёв собрал интересные этнографические сведения. Он первый описал жителей островов Диомиды.

Исследования на Дальнем Востоке все ширились. Логическим завершением многочисленных путешествий русских людей к берегам Тихого океана в XVII в. была сибирская экспедиция. Петр I незадолго до своей смерти, 23 декабря 1724 г., подписал указ о снаряжении этой экспедиции и собственноручно написал инструкцию, в которой говорилось, что «экспедиции подлежит особо искать, сошлась ли Азия с Америкой».

Особое значение придавалось обнаружению прохода из Ледовитого океана в Тихий. Открытие Дежнёва было к тому времени забыто. В России и Европе не было ясного представления о том, соединяется ли Азия с Америкой, или между ними есть пролив.

Руководителем экспедиции Петр назначил В. Беринга. Экспедиция продолжалась до 1741 г. В ней участвовало несколько тысяч человек. Были сделаны важные географические открытия, о чем свидетельствовала карта, подготовленная участником экспедиции Г. Миллером и напечатанная в 1758 г.

«Ланд-карта сия, — говорилось в специальном правительственном докладе, подготовленном в начале XIX в., — свидетельствует о первых, сделанных россиянами открытиях, из коих важнейшее заключает в себе бытие в 1741 году у северо-западных берегов Американского материка под 49° северной широты капитана Чирикова, состоявшего в команде у Беринга. С сего времени началась эпоха Российской промышленности на означенном море».

В докладе говорилось, что Миллер допустил на карте ошибку. Место посещения Чириковым Американского материка он указал на 55°, а не на 49° с.ш. «Известно, что сей капитан, высылая с своего корабля на матерой берег Америки для проводывания о жителях и о прочем шлюпку с штурманом Авраамом Дементьевым и 12 человеками гребцов, имел несчастье не видеть оной возвращения. Посему на другой день послал туда же ялик с 3 человеками узнать о участи шлюпки, но ни та, ни другой к нему не возвратились. А из реляции о путешествии в Калифорнию одного гишпанского судна, посланной при донесении бывшего в Мадриде российского посланника Г. Зиновьева от 28 февраля 1789 года, явствует, что пакетбот, именуемый "Сент-Шарль" под командой г. Гаро, отправившись с пристани Сент-Блас к северному берегу Америки, нашел там пристань, населенную русскими, кои, как из последствия сей экспедиции видно, имеют на сей части берега около 8 селений по 48° и 49° широты норда и от 16 до 20 семейств, составлявших 462 человека русских. Равным образом ученый муж г. Флерис в своем введении к Маршандову путешествию вокруг света говорит: "Капитан Чириков разлучился с командором Берингом, искал еще тщетно по 25 июня и, обозрев себя на параллели 48°, направил свой путь к востоку". Из сего видно, что Чириков открытие сделал не там, где г. Миллер ошибкою и, может быть, от незнания навигации положил на своей карте Чирикова мыс в 55°. По сей последней причине и Правительство наше начало почитать свою принадлежность к Северу от того же 55°, а не южнее, как вероятно из вышеприведенных достоверностей».

Путешествия Беринга и Чирикова серьезно встревожили западноевропейские государства. «Если русские продолжат эти открытия, — писал Дж. Кэмбелл в 1748 г., — они, возможно, смогут сделать открытия величайшей важности и, вероятно, также скроют это к большей пользе для себя и большому вреду для остального мира, и особенно для британской нации».

Дорогие меха, привезенные экспедицией Чирикова, «оболь-

стили и воспламенили дух многих не только русских и сибирских купцов, но и некоторых служилых людей».

Именно «служилый человек» Е. Басов стал основоположником российской торговли в северной части Тихого океана, отправившись в 1743 г. на промыслы «к ближнему от Камчатки острову, Беринговым названному».

Вторую и третью экспедиции он предпринимал уже «в общем складстве» с купцом А. Трапезниковым. В 1747 г. они вывезли мехов на 112 220 рублей и в 1750 г. — на 39 376 рублей. «Тогда морской бобр, самой высокой доброты, продавался не выше 50 копеек, песец — 50 копеек и лисица — 1 рубля 50 копеек. Посему можно судить, сколь велик был весь промысел».

Большая доходность этой торговли привлекла многих российских предпринимателей. Они действовали не в одиночку, а объединялись в компании. Всего за шестьдесят лет (1743—1803) было создано 65 таких компаний. За это время они приобрели большое количество пушнины, продав ее на общую сумму 6 млн. рублей.

Российское правительство всячески поощряло этот промысел, ибо определенная доля доходов шла и ему. В 1764 г. исключительное право вести торговлю было предоставлено купцам Югову и Трапезникову, «с тем чтобы кроме собирания с Алеут в казну ясошной подати платили бы они и из своего промысла десятую часть», охотскому и камчатскому начальству предписывалось, чтобы «не токмо не делать ни малейшего промышленникам препятствия в отправлении судов, но еще снабжать их мореходами, а из казны деньгами корабельными, такелажами и припасами с тем, чтобы платеж от них получать по возвращении судов из промысла». Соответствующие указания давались, например, сенатом в апреле 1764 г. камчатской канцелярии, а в сентябре 1764 г. — и тобольскому губернатору.

Екатерина II награждала купцов, успешно осуществлявших промысел, специальными золотыми медалями на голубой ленте. В числе награжденных были великоустюгский купец Шилов, сольвычегодец Лапин, тобольский купец Снегирев, вологодец Буренин, тульский купец Орехов.

В 1784 г. купец Г. Шелихов организовал компанию по торговле с северо-западным побережьем Америки и Алеутскими островами. За тринадцать лет существования компания, созданная Г. Шелиховым, дала казне более 1 млн. 700 тыс. рублей.

В дальнейшем весь этот промысел был передан Российско-Американской компании, созданной в 1797 г. Уже к 1818 г.

компания продала пушных товаров на сумму более 16 млн. рублей.

Для сохранения своих торговых интересов в северной части Тихого океана Россия после открытий Чирикова объявила о своем суверенитете над Американским материком до 55° с.ш., провозгласив своей собственностью все пространство от этого места, включая «Алеутские и другие на север клонящиеся острова и берега».

На островах этого района Тихого океана русские имели, как тогда говорили, оседлости. По данным 1817 г., оседлости были на Андреяновских островах (50 человек), на Лисьих островах (30 человек), на островах Святого Павла и Святого Георгия (8 человек), на Командорских островах и Кадьяке (119 человек).

Российско-Американской компании были предоставлены широкие полномочия. Она получила право «пользоваться всеми промыслами и заведениями, находящимися на северо-западном берегу Америки от 55° северной широты до Берингова пролива и далее, также на островах Алеутских, Курильских и др., лежащих по Северо-Восточному океану, и всем тем, что доньше в этих местах как на поверхности, так и в недрах земли было отыскано или впредь отыщется, без всякого со стороны других притязаний». Кроме того, она могла делать открытия «не только выше 55° северной широты, но и далее к югу и занимать открываемую землю в Российское владение, если эти земли никакими другими народами не заняты и не вступили в их зависимость». Компания имела право вести с разрешения правительства торговлю со всеми близлежащими державами.

Российско-Американская компания усиленно расширяла свою деятельность. На территории Америки возникали все новые поселения русских людей, добывавших пушнину, моржовый клык, китовый ус, которые продавались затем во многих странах Северной и Южной Америки, Европы и Азии.

В 70-х годах XVIII в. Испания организовала несколько экспедиций к берегам Америки севернее Калифорнии. Первая экспедиция на корабле «Сантьяго», капитаном которого был Х. Перес, достигла в июле 1774 г. 55° с.ш., по пути испанцы исследовали побережье и давали названия встречавшимся островам и мысам. Затем «Сантьяго» повернул обратно и 7 августа вошел в бухту, расположенную на 49° 35' с.ш., которую Перес назвал Сан-Лоренцо. Позднее она получила название Сан-Лоренцо де Нутка.

Следует сказать, что спустя четыре года после плавания в

Тихом океане провел в этой бухте месяц (с 29 марта по 26 апреля 1778 г.) капитан Кук.

В 1788 г. испанское правительство послало к северо-западным берегам Северной Америки капитана Э.Х. Мартинеса для сбора сведений о деятельности русских в этом районе. По возвращении Мартинес советовал вице-королю Мексики Флоресу срочно захватить и укрепить прежде всего район Нутка-Саунда, чтобы не допустить «распространения» русских на юг, к Калифорнии.

Вице-король уполномочил Мартинеса сделать это. Позднее его решение было одобрено испанским правительством.

В начале мая 1789 г. Мартинес прибыл в Нутка-Саунд, но столкнулся с непредвиденным обстоятельством: в заливе стояли чужие корабли.

Дело в том, что после общей демобилизации на флоте, последовавшей за заключением Версальского мирного договора 1783 г., по которому Великобритания признала независимость североамериканских колоний, многие британские офицеры и матросы остались не у дел. Поэтому публикация в 1784 г. отчета о третьем, последнем плавании Дж. Кука привлекла внимание многих из них. «Морские волки» увидели возможность хорошо заработать на торговле мехами, вывозимыми с северо-западного побережья Северной Америки в Китай.

Первым британским капитаном, прибывшим в Нутка-Саунд после освобождения североамериканских колоний, был Д. Хэнна. Это произошло в 1785 г.

Весьма выгодный вояж расторопного англичанина привел к тому, что Нутка-Саунд вскоре стал самым известным и наиболее часто посещаемым портом на северо-западном побережье Америки.

В 1786 г. уже более пяти британских судов принимало участие в пушной торговле. Один из кораблей — «Нутка» — под командованием капитана Д. Миреса, бывшего лейтенанта британского военно-морского флота, прибыл из Индии в залив Аляска в марте 1786 г. В течение лета Д. Мирес скупал меха на побережье и зазимовал там. В мае 1787 г. в заливе появились еще два британских судна — «Квин Шарлотт» и «Кинг Джордж». Капитаном первого был Диксон, второго — Портлок. Они, как и Мирес, в недавнем прошлом были морскими офицерами, а теперь занимались пушной торговлей.

Встреча с соотечественниками оказалась для Миреса крайне неприятной. Капитаны, правда, помогли ему починить корабль и снабдили продовольствием, но взяли с него обя-

зательство прекратить торговые операции и покинуть американский берег, что Мирес и сделал в июне 1787 г.

Портлок и Диксон имели основания это потребовать. Дело в том, что любому британскому судну для легальной торговли на северо-западном побережье Америки и в Китае требовались две специальные лицензии, выдававшиеся крупнейшими британскими компаниями, осуществлявшими заморскую торговлю. Устав Компании Южных морей 1711 г. предоставлял ей исключительные права на торговлю с жителями западного побережья Северной Америки на расстоянии трехсот лиг от берега. Хотя компания и потерпела финансовый крах в 1720 г., от которого уже никогда не оправилась, ее устав оставался в силе на протяжении всего XVIII века. Для торговых операций на американском западном побережье британские корабли обязаны были получать соответствующие разрешения от компании.

Могущественная Ост-Индская компания обладала аналогичными правами в торговле с Китаем. Компания требовала, чтобы корабли, получавшие лицензии, полностью находились под ее контролем и чтобы все торговые операции в Китае проводились через ее агентов. Не беря на себя риска, связанного с торговлей, компания получала огромные доходы от каждого успешного рейса.

Мирес никаких лицензий не имел, в то время как капитаны Портлок и Диксон, действовавшие от имени группы влиятельных лондонских купцов, были ими снабжены.

Судья Ф. Хауей, посвятивший свою жизнь изучению истории Тихого океана в XVI—XVIII вв., уже в нашем веке разбирая дело Миреса, пришел к выводу, что в глазах англичан он был «браконьером и его корабль мог быть захвачен как законный приз».

После случившегося Мирес даже и не пытался получить лицензии, а решил плавать под чужим флагом. В Макао он зарегистрировал свое новое судно «Фелис» как португальское.

В начале 1788 г. Мирес на корабле «Фелис» и капитан Дуглас на «Ифигении» отправились из Китая в Нутка-Саунд. В качестве партнера они взяли с собой португальца Кавалью из Макао, который помог им оформить необходимые документы у португальских властей.

«Фелис» прибыл в Нутка-Саунд в мае, а «Ифигения» пошла дальше, к берегам Аляски.

На борту «Фелиса» находилось несколько китайцев-мастеровых, были здесь и материалы, необходимые для постройки в Нутка-Саунде небольшого торгового судна. Люди Миреса соорудили на берегу залива жилой дом и мастерскую.

Пока строился новый корабль, Мирес отправился в торговый рейс, из которого вернулся в июле.

Новый корабль, названный «Норд-вест Америка», был первым судном, построенным в этой части мира. Он был спущен на воду в сентябре.

«Ифигения» и «Норд-вест Америка» отправились на Гавайи, чтобы там перезимовать, а «Фелис», на борту которого находился Мирес, вернулся в Китай. Там Мирес договорился с капитанами двух британских судов, имевшими лицензии на торговлю как в Китае, так и на западном побережье Америки, провести совместные торговые операции на американском побережье. Этими капитанами были Колнетт, командир судна «Аргонавт», и Хадсон, командовавший «Принцесс Ройял».

В начале 1789 г. оба корабля должны были направиться в Нутка-Саунд для устройства там постоянного поселения. Мирес же оставался пока в Китае.

«Ифигения» и «Норд-вест Америка», перезимовав на Гавайях, вернулись в Нутка-Саунд за две недели до прибытия туда Мартинеса.

«Норд-вест Америка» вскоре ушла в торговый рейс, а «Ифигения» под португальским флагом осталась в порту, где ее и застал Мартинес. Он обнаружил там и американское судно «Колумбия», капитаном которого был Роберт Грей.

Мартинесу показалась подозрительной национальная принадлежность «Ифигении». Его подозрения еще более усилились, когда он познакомился с инструкциями, данными капитану корабля Дугласу, где говорилось, что если какой-нибудь русский, испанский или английский корабль попытается помешать плаванию, то ему надлежит оказать вооруженное сопротивление и при возможности захватить этот корабль как приз.

Мартинес объявил о задержании подозрительного судна, но через две недели решил направить его в Мексику. «Ифигения» покинула Нутка-Саунд, но в июне в порту появился сначала корабль «Норд-вест Америка», закончивший свой торговый рейс, а через несколько дней — «Принцесс Ройял», пришедший из Китая. Мартинес захватил «Норд-вест Америку», а капитана «Принцесс Ройял» Хадсона ознакомил с документами, объявлявшими Нутка-Саунд испанским владением. Через несколько дней Хадсон покинул порт. Но вечером того же дня здесь появился корабль «Аргонавт». Его капитан Колнетт был обескуражен, узнав об объявлении Нутка-Саунда владением Испании, ибо на-

меревался согласно плану Миреса основать в этом районе британское поселение.

Сообщения Колнетта и Мартинеса о том, как разворачивались дальнейшие события, резко расходятся, каждый из них стремится показать себя в наиболее выгодном свете. Колнетт говорил, что по прибытии в Нутка-Саунд он получил письмо от Хадсона, извещавшего о захвате судна «Норд-вест Америка». Он утверждал, что хотел лишь просить разрешения собрать бот из частей, находившихся на борту его корабля, но получил отказ. По словам Колнетта, Мартинес обвинил его в пиратстве и арестовал.

По утверждению же Мартинеса, Колнетт заявил ему, что является британским морским офицером и имеет приказ своего правительства создать британское поселение на берегу залива. Колнетт вначале якобы отказался предъявить какие-либо документы, но затем показал лицензию, выданную Ост-Индской компанией. Он требовал свободного выхода из порта, угрожая применением оружия. Разговор, по словам Мартинеса, становился все более горячим, а после того, как Колнетт назвал его «богом проклятым испанцем», Мартинес арестовал Колнетта и захватил корабль вместе со всем экипажем.

В середине июля «Аргонавт» был отправлен в мексиканский порт Сан-Блас. На борту корабля в качестве военнопленных находились Колнетт и члены его экипажа.

Вскоре после ухода «Аргонанта» в Нутка-Саунд вернулся корабль «Принцесс Ройял», который сразу же был задержан Мартинесом и также отправлен в Сан-Блас.

Флорес, получив от Мартинеса сообщение о захвате «Аргонанта» и «Принцесс Ройял», информировал об этом испанское правительство, но он уже заканчивал свою деятельность на посту вице-короля Мексики. Его место занял граф Ревилла Гигедо, который, прождав несколько месяцев ответа из Мадрида и не получив его, решил что-то предпринять, поскольку чувствовал, что Мартинес не имел достаточных оснований для захвата британских судов. Но его действия были весьма неуверенными. Суда были освобождены лишь в начале мая 1790 г., причем их капитанов вынудили дать обязательства не торговать и не создавать поселений на американском побережье. Следует сказать, что и к этому времени вице-король не получил никаких инструкций от испанского правительства.

Сообщение Флореса о захвате британских судов было доставлено в Мадрид в начале января 1790 г. Об этом стало сразу же известно британскому поверенному в делах в Мадриде А. Меррею, и он сообщил об этом в Лондон. Британское

правительство узнало о событиях в Нутка-Саунде 21 января 1790 г. Испанцы, говорилось в этом и более поздних сообщениях А. Меррея, объясняют захват английских судов тем, что англичане пытались создать поселение в районе Нутка-Саунда, который принадлежит Испании по Тордесильяскому договору 1494 г., подтвержденному последующими договорами и соглашениями между европейскими державами, а также на основании доктрины смежной оккупации. Правда, А. Меррей подчеркивал, что знает об инциденте в Нутка-Саунде по слухам и пока не имеет возможности собрать более точные сведения. В своем ответе от 2 февраля 1790 г. министр иностранных дел Великобритании герцог Лидс потребовал, чтобы Меррей представил более полную информацию, особенно о состоянии испанской обороны в Новом Свете, и подчеркивал незыблемость позиции Англии в отношении ее прав на торговлю с Северной Америкой и оккупации ее северо-западных берегов. 11 февраля 1790 г. испанский посол в Лондоне маркиз дель Кампо передал в британское министерство иностранных дел ноту, в которой сообщалось о событиях в Нутка-Саунде и указывалось, что Испания требует, чтобы британское правительство запретило своим подданным вторгаться на испанскую территорию. Нутка-Саунд, говорилось в ноте, был открыт испанцами в 1774 г., за четыре года до появления там Дж. Кука. Хотя в документе содержалось обещание освободить захваченных британских моряков, тон его был вызывающим, без малейшего намека на возможность примирения. Ответ британского правительства, врученный испанскому послу 26 февраля, был столь же недружелюбен: он не оставлял никаких надежд на то, что Англия признает Нутка-Саунд испанской территорией. Британские подданные, говорилось в ответном послании, и впредь будут торговать на северо-западном побережье Америки, более того, Англия намерена создать там свои постоянные поселения. Британское правительство требовало, чтобы немедленно, до того, как будет начато обсуждение претензий и прав на американские берега, были освобождены захваченные суда и их экипажи, возвращены грузы, британскому флоту принесены извинения за оскорбления.

Следует отметить, что правительство Питта проявляло столь большой интерес к северо-западным берегам Америки еще и потому, что рассматривало в то время проект о создании там ссыльной колонии.

В 1788 г. компаньон Миреса Р. Этчес предложил Д. Бэнксу, активно участвовавшему тогда в создании ссыльной коло-

нии в Порт-Джексона в Австралии, обратиться к правительству с рекомендацией образовать аналогичную колонию на северо-западном побережье Америки. Сначала Бэнкс скептически отнесся к этой идее, но вскоре изменил свое отношение к ней. К концу 1789 г. планы создания колонии в Америке активно обсуждались в правительственных кругах. Сначала, как видно из проекта письма государственного секретаря лорда Гренвиля генерал-губернатору австралийской колонии Новый Южный Уэльс А. Филлипу, написанного в марте 1790 г., к северо-западному побережью Америки предполагалось послать два корабля. Одному из них, который назывался «Горгон», предписывалось по прибытии в Сидней взять на борт офицеров, солдат и не менее 30 ссыльных, захватить необходимые грузы и идти к американским берегам, с тем чтобы создать там новую колонию, «способную отразить любое нападение туземцев и способствовать британским подданным в пушной торговле на северо-западном побережье Америки». Другой корабль — «Дискавери» — должен был тщательно исследовать это побережье.

Письмо Гренвиля не было отослано Филлипу, и колония не была создана, но проект письма свидетельствует от том, что до получения сообщения о событиях в Нутка-Саунде планы создания постоянного британского поселения на северо-западном побережье Америки были на пороге реализации.

Следует отметить, что одной из причин объявления Нутка-Саунда в 1789 г. испанским владением было опасение, что Великобритания, опираясь на свою колонию в Австралии, может приступить к захвату территорий на западном побережье Северной Америки.

В марте 1790 г. «Горгон» направился в Австралию, а «Дискавери», специально подготовленный для исследовательской работы, в апреле 1790 г. был почти готов к выходу в море.

Но обострение англо-испанских отношений, вызванное инцидентом в Нутка-Саунде, заставило британское правительство повременить с осуществлением намеченной экспедиции. «Горгон» был возвращен в Англию, а плавание «Дискавери» отложено.

Испанское правительство не спешило с ответом на британскую ноту от 26 февраля и проводило интенсивные военные приготовления, усиливая свои гарнизоны в Северной Америке и концентрируя там флот. Одновременно Испания вступила в переговоры с Францией, Россией и Австрией о союзе против Великобритании.

20 апреля испанский посол передал британскому правительству ответ на ноту от 26 февраля. В нем сообщалось, что

команды британских судов освобождены, но подчеркивалось, что это лишь дань уважения к британскому королю, а не признание законности действий англичан. Более того, в ноте вновь говорилось о правах Испании на северо-западное побережье Америки и о том, что подданные Великобритании должны уважать эти права.

В конце апреля 1790 г. в Лондон прибыл Д. Мирес, который передал британскому правительству записку, содержащую его интерпретацию событий в Нутка-Саунде. Весной 1788 г., говорилось в записке, он договорился с местным вождем Маквинной о том, что последний уступит участок земли для строительства дома, в котором разместится небольшой штат служащих, занятых в торговых операциях. В мае 1788 г. дом был построен. Как подчеркивал Мирес, он намеревался организовать здесь не постоянное поселение, а временную базу. Прибыв в Нутка-Саунд с торговыми кораблями весной следующего года, он подвергся неожиданному нападению испанцев, захвативших его собственность. Мирес призывал английское правительство стать на защиту интересов своих купцов. Общую сумму убытков он определял в 500 тыс. испанских долларов. Мирес сообщал также, что Мартинес заявил, будто все земли от мыса Горн до 60° с.ш. являются испанской территорией.

Британское правительство, рассмотрев записку Миреса, рекомендовало королю принять самые решительные меры против Испании, с чем король полностью согласился. О его послании и реакции палаты общин говорилось в самом начале книги.

Великобритания обратилась к Голландии и Пруссии поддержать ее в борьбе против Испании и получила их согласие.

Испании же не удалось заручиться поддержкой европейских держав. Естественно, что Испания прежде всего рассчитывала на Францию, учитывая родственные связи королевских дворов обеих стран и совместные действия против Англии в период борьбы североамериканских колоний за независимость. Но Франция была теперь в огне великой революции, трон Людовика XVI качался, власть в стране сосредоточивалась в руках Национальной ассамблеи, которая решала вопросы войны и мира. Поэтому Испания не могла рассчитывать на поддержку Франции в случае ее войны с Великобританией.

В этих условиях испанский премьер-министр Ф. Бланка в памятной записке от 4 июня 1790 г. согласился на возвращение британских судов и выплату компенсации за убытки,

но повторил, что Испания претендует на северо-западное побережье Северной Америки.

Видя, что Испания ослабила свои позиции, Англия усилила нажим. Вскоре Испания полностью капитулировала и 24 июля приняла все требования английского правительства. Она не только возвратила Англии ее суда и возместила причиненный ущерб, но и признала права Великобритании на мореплавание и торговлю в любом районе Тихого океана, а также на захват незанятых земель.

Конфликт в Нутка-Саунде знаменовал поражение Испании как владычицы Тихого океана. Действия Англии показали, что колониальная держава должна не только отыскивать неизвестные земли и объявлять их своей собственностью, но и уметь управлять ими и отражать попытки других держав проникнуть туда. Поражение испанцев серьезно укрепило позиции английских предпринимателей в Тихом океане.

Конвенция о Нутка-Саунде была подписана в Мадриде 28 октября 1790 г. Британское правительство теперь могло осуществить отложенную из-за конфликта экспедицию к северо-западным берегам Америки, тем более что в ее задачу должно было войти и восстановление британских прав на земли, захваченные Мартинесом в 1789 г.

Командиром экспедиции был назначен лейтенант Дж. Ванкувер. Так во всемирную историю мореплавания в начале последнего десятилетия XVIII в. вошло новое имя, оставшееся в ней навсегда.

С КУКОМ ВОКРУГ СВЕТА

Джордж Ванкувер родился 22 июня 1757 г. в Кингс-Линне, старинном порту в Норфолке, находящемся на побережье Северного моря, в 100 милях от Лондона. Он был последним, пятым ребенком в семье. Его отец, Джон Гаспар Ванкувер, занимал должность заместителя сборщика налогов.

О детстве Джорджа почти ничего не известно. В пятнадцать лет он ушел в море. И не на каком-то суденышке, ведомом безвестным капитаном, а на корабле Дж. Кука «Резолюшен». Это было второе кругосветное плавание знаменитого капитана.

Во время первого плавания (1768—1771) Кук прошел 2400 миль вдоль берегов Новой Зеландии и составил карту островов с изумительной точностью, поражавшей многие поколения мореплавателей. Он исследовал восточное побережье Австралии, прошел Торресовым проливом, окончательно доказав, что Новая Голландия (как тогда называли Австралию) отделена от Новой Гвинеи.

Однако, несмотря на блистательные результаты первого плавания Кука, вопрос о местонахождении Таинственной Южной Земли (*Terra Australis Incognita*), гигантского материка, занимавшего, по представлениям еще античных картографов, большую часть Южного полушария, оставался открытым.

Британское правительство к тому же было обеспокоено возросшей с конца 60-х годов XVIII в. активностью Франции в исследовании Южных морей. Поэтому Кук не задержался в родных краях. 13 июля 1771 г. его корабль «Индевр» бросил якорь в Даунсе, закончив почти трехлетнее изнурительное плавание, а 28 ноября того же года Кук получил новое назначение и начал готовить суда «Резолюшен» и «Адвенчер» к следующему кругосветному путешествию. Инструкция Адмиралтейства предписывала ему пройти как можно ближе к Южному полюсу, чтобы обнаружить наконец таинствен-

ный материк. «Вы должны, — говорилось в инструкции, — с согласия туземцев (необходимый фарисейский атрибут колониализма. — *К.М.*) объявить страну владением короля Великобритании и распространить среди туземцев медали, которые послужат в дальнейшем доказательством того, что Вы там были. Но если Вы найдете страну незаселенной, то объявите ее владением Его величества, установив видимый знак с надписью, удостоверяющей право первооткрытия и владения».

Ванкувер был зачислен в состав экипажа «Резолюшен» в качестве «обученного матроса». Определение это было условным, ибо юноши включались в состав команд именно для обучения морскому делу. Принятый должен был отслужить на флоте шесть лет (из них по крайней мере два года как гардемарин), после чего допускался к экзаменам на чин лейтенанта.

В те времена капитан лично отбирал всех членов экипажа корабля. Возможно, юный Ванкувер был тоже отобран им, но никаких сведений на этот счет не сохранилось. Известно, вел ли Ванкувер дневник во время плавания: никаких его записей найдено не было. Но несомненно, он получил отличную подготовку, участвуя в экспедиции, которая продолжалась с 12 июля 1772 до 30 июля 1775 г.

За это время юноша из Норфолка прошел на корабле «Резолюшен» из Плимута в Кейптаун, впервые в истории мореплавания пересек Южный полярный круг, побывал на Новой Зеландии, на островах Тихого океана, вторично пересек Южный полярный круг, дойдя до $71^{\circ}10'$ ю.ш. и $106^{\circ}54'$ з.д. Тогда «Резолюшен» находился всего лишь в 200 километрах от материка Антарктиды. Затем вновь посетил южнотихоокеанские острова и Новую Зеландию, осуществил переход через Тихий океан к Огненной Земле и, обогнув ее, вернулся в Англию, посетив по пути остров Святой Елены и Азорские острова.

Когда «Резолюшен» бросил якорь в Спитхед, на южном берегу Англии, Ванкуверу оставался один месяц до восемнадцатилетия. Он покинул отчий дом мальчиком, а вернулся опытным моряком, прошедшим школу у лучшего мореплывателя планеты Джемса Кука.

На всю жизнь Кук оставался для Ванкувера образцом человека и моряка. Когда в конце жизни Ванкувер писал книгу о своем самостоятельном плавании, оставившем заметный след во всемирной истории мореплавания, он посвятил Куку слова, которые и сейчас нельзя читать без глубокого волнения.

За три года плавания Ванкувер многому научился и у замечательного ученого-астронома У. Уолса, участвовавшего в экспедиции.

Не прошло и года после возвращения Кука из второго плавания, как он отправился в третье. Основной целью этого путешествия было исследование северной части Тихого океана, где до тех пор плавали лишь русские. Британский парламент назначил премию в 20 тыс. фунтов стерлингов за открытие легендарного северо-западного прохода из Тихого океана в Атлантический, который тщетно искал еще Ф. Дрейк за два столетия до этого. Экспедиции были выделены два судна «Резолюшен», на котором Кук совершил второе плавание, и «Дискавери». Первым кораблем командовал Кук, вторым — Ч. Кларк, участвовавший во втором плавании в качестве помощника капитана на «Резолюшен». Гардемарин Ванкувер плыл на «Дискавери».

«Резолюшен» вышел из Плимута 12 июля 1776 г., а «Дискавери» — несколько позже. Корабли, как было условлено, встретились в Кейптауне.

Покинув Кейптаун 30 ноября, экспедиция побывала на Земле Ван Димена (Тасмании), Новой Зеландии, островах Тонга и Таити. 18 января 1778 г. с кораблей увидели незнакомую землю. Это были Гавайские острова. Кук назвал их Сандвичевыми — в честь первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича. Возможно, что кто-то из европейских мореходов, скорее всего испанцев, побывал на островах до Кука, ибо Гавайи расположены недалеко от традиционного пути испанских галионов из Акапулько в Манилу через Гуам, но никаких свидетельств на этот счет нет, и Кук считается их первооткрывателем.

На Гавайях Кук пробыл недолго, менее двух недель, и отправился к берегам Северной Америки. 24 апреля 1778 г. корабли Кука подошли к заливу Нутка-Саунд. Экспедиция пробыла там почти месяц. По мнению Кука, Нутка-Саунд — лучшая гавань на северо-западном побережье Америки. Во время стоянки Ванкувер использовал время для знакомства с языком коренных жителей, что ему впоследствии очень пригодилось.

Далее Кук двинулся на север и исследовал залив, названный потом его именем. Затем вдоль побережья Аляски Беринговым проливом он дошел до 70° 29' с.ш., т.е. находился в 130 милях от мыса Барроу, самой северной точки Аляски. Льды не пустили корабли дальше. Потом, идя вдоль берегов Чукотки, Кук искал северо-западный проход, но и там льды преградили ему путь.

В конце ноября 1778 г. экспедиция Кука вернулась на Гавайи на зимовку. Кук исследовал восточные острова архипелага, а в начале декабря направился к самому крупному из них — острову Гавайи. Обойдя остров, корабли 17 января 1779 г. стали на якорь в бухте Кеалакекуа, находящейся на западном берегу острова. Там 14 февраля Дж. Кук нашел свою смерть.

История смерти Кука многократно описана, поэтому нет необходимости ее повторять. Остановимся на том, что делал во время этих трагических событий герой нашего повествования Дж. Ванкувер. Молодой гардемарин показал личную храбрость, защищая шлюпки, с которых британские моряки высадились на берег. На следующий день после убийства Кука лейтенант Д. Кинг и Ванкувер с вооруженными матросами на пяти шлюпках были посланы к берегу, чтобы попытаться отобрать у гавайцев тело Кука. Им удалось обнаружить лишь отдельные части тела капитана, которые были погребены в море 22 февраля 1779 г.

Командование экспедицией принял на себя Ч. Кларк. Пробыв на Гавайях до середины марта, корабли пошли к Камчатке. В Петропавловске англичане были столь гостеприимно встречены начальником округа майором Бемом, что Ванкувер, совершая через четырнадцать лет плавание у берегов Аляски, назвал один из проходов его именем «в память значительных услуг, оказанных майором Бемом офицерам и экипажам "Резолюшен" и "Дискавери" на Камчатке в году 1779».

В начале июля корабли экспедиции вновь направились на север, но были остановлены льдами почти в том же самом месте, что и год назад. В течение нескольких дней англичане пытались пробиться, но безуспешно, лишь повредили корабли. Экспедиция вернулась в Петропавловск для починки судов. Через два дня умер Ч. Кларк, который уже давно был сильно болен. Лейтенант Д. Гор принял командование «Резолюшен», а лейтенант Д. Кинг — «Дискавери».

После починки корабли пошли на юг, вдоль берегов Японии и Китая, в начале декабря они достигли Макао. Дальнейший путь на родину протекал без особых событий. 4 октября 1780 г., обогнув мыс Доброй Надежды, корабли вернулись домой. Плавание продолжалось более трех лет, на год больше первоначально намеченного срока.

Ванкуверу было уже двадцать три года. Семь с половиной лет он провел в море. История знает немногих моряков, которые в его возрасте имели бы столь богатый навигационный опыт. Особенно важно то, что почти все это время он

провел в плаваниях с великим Куком. 19 октября 1780 г., через две недели после того, как корабли стали на якорь на Темзе, Ванкувер сдал экзамены на звание лейтенанта.

Но Англии пришлось надолго отложить исследовательские плавания. Страна была в тяжелом положении. Начавшееся еще в 60-х годах массовое движение против Великобритании в ее североамериканских колониях переросло в 1775 г. в революционную войну.

За два с половиной месяца до окончания первого плавания Кука II Континентальный конгресс представителей колоний констатировал состояние войны с Англией. Армия во главе с Дж. Вашингтоном, созданная конгрессом 15 июня 1775 г., сумела не только успешно противостоять британским войскам, но и наносила им чувствительные удары. Когда вернулась на родину третья экспедиция Кука, поражение Англии было уже делом недалеким.

Международная обстановка складывалась для нее крайне неблагоприятно. Франция, проводившая в начале войны колоний с Англией политику нейтралитета, после поражения британской армии у Саратоги подписала в феврале 1778 г. союзный договор с американцами и вступила в войну с Англией. Большинство европейских держав вошло в Лигу нейтральных стран, которую возглавила Россия. Нейтральные державы провозгласили политику вооруженного нейтралитета, их вооруженные эскадры охраняли морские пути.

Боевые операции приобретали все более широкий размах. Они проходили у Гибралтара и в Вест-Индии, у Атлантического побережья Англии и Индии. Великобритания утратила превосходство на море, ей противостояли объединенные военно-морские силы Франции, Испании и Нидерландов.

В этой обстановке Ванкувер менее чем через два месяца после получения лейтенантского патента начал службу на военном корабле «Мартин», командиром которого был У. Уордлоу. «Мартин» нес патрульную службу в Северном море, конвоируя торговые суда, совершавшие рейсы между портами на восточном побережье Англии и бельгийским портом Остенде. В 1782 г. «Мартин» был послан в Карибское море. Вскоре по прибытии на Ямайку он отправился конвоировать судно, на борту которого был груз для британского гарнизона, дислоцированного на небольшом острове Суон, расположенном в 350 милях к западу от Ямайки и 100 милях к северу от Гондураса. Но плавание оказалось бесполезным, так как за месяц до этого остров был захвачен испанцами и все находившиеся там люди, за исключением нескольких рабов, скрывшихся в лесу, были вывезены.

Возвращаясь на Ямайку, англичане захватили испанское судно, шедшее из Картахены в Гавану, и доставили его в Порт-Ройял, главный военно-морской порт Великобритании в западной части Карибского моря.

В мае 1782 г. Ванкувер был назначен четвертым лейтенантом на 74-пушечный корабль «Рейм».

«Рейм» нес службу в Карибском море до апреля 1783 г., когда была получена прокламация короля Георга III, извещавшая о заключении мира с Испанией, и корабль в июле вернулся в Плимут.

В течение последующих шестнадцати месяцев Ванкувер находился не у дел, получая, как и многие тысячи других офицеров, половинное жалованье. В условиях общей демобилизации после прекращения войны это было обычным явлением. О его занятиях в этот период ничего не известно. Ясно только, что он прилагал все силы, чтобы вернуться на флот. Конкуренция была огромная. Многие гардемарины, сдавшие экзамены на лейтенантское звание, за неимением вакансий шли рядовыми матросами, уповая на то, что им удастся продвинуться по службе, ведь смертность среди экипажей судов была очень высокой. Тот, кто не имел шансов устроиться на военную службу, уходил в торговый флот или поступал волонтером в военно-морской флот какой-нибудь иностранной державы. Но Ванкувер добился своего. Он стал служить на 40-пушечном судне «Европа», капитаном которого был Р. Фишер. Корабль готовился отплыть в Карибское море под флагом контр-адмирала А. Иннеса, только что назначенного командующим флотом на Ямайке.

В конце 1784 г. «Европа» покинула британские берега, а в феврале 1785 г. пришла в Порт-Ройял.

В мирное время, когда в гавани находилось лишь несколько судов, которые в основном демонстрировали британское присутствие в этой части света, служба была рутинной, особенно на флагманском корабле, стоявшем по большей части на якоре в Порт-Ройяле, в то время как другие суда крейсировали вдоль берегов Ямайки, выискивая контрабандистов.

В середине 1786 г. в Порт-Ройял прибыл коммодор сэр А. Гарднер, который был назначен командующим вместо умершего в январе Иннеса. Примерно в это же время Э. Марш стал вместо Р. Фишера капитаном «Европы». Приезд Гарднера на Ямайку был счастливым событием для Ванкувера. Командующий флотом заметил его большие способности, подружился с ним и впоследствии помог продвижению Ванкувера по службе.

С прибытием Гарднера, одного из наиболее прогрессивно

настроенных морских офицеров своего времени, во флоте, базировавшемся на Ямайке, произошли значительные изменения. Были приняты меры, направленные на улучшение питания и быта матросов. Экипажи судов уже не томились без дела. Переноса свой флаг с одного судна на другое, Гарднер заставлял их поочередно крейсировать вдоль побережья Ямайки и тщательно исследовать все бухты. В этих исследованиях Ванкувер принимал самое активное участие. В библиотеке Адмиралтейства в Лондоне хранятся великолепные карты гавани Порт-Ройял, выполненные Ванкувером вместе со штурманом «Европы» Д. Уидби.

В конце ноября 1787 г. Гарднер назначил Ванкувера вторым, а через два месяца первым помощником капитана «Европы».

В июне 1789 г. в Порт-Ройял прибыл новый командующий флотом контр-адмирал Эффлек. Коммодор Гарднер на «Европе» отправился в Англию и был назначен одним из лордов Адмиралтейства. 15 сентября 1789 г. Ванкувер получил расчет и покинул «Европу», на которой прослужил почти пять лет.

На этот раз нового назначения он ждал относительно недолго. В мае 1790 г. Ванкувер был зачислен третьим помощником капитана на 74-пушечный корабль «Кураж», захваченный у французов еще 30 лет назад, но считавшийся одним из лучших судов в своем классе в британском военноморском флоте. В сентябре Ванкувер стал первым помощником капитана.

Все эти счастливые для Ванкувера события произошли не случайно. «Кураж» был флагманским кораблем А. Гарднера. До середины декабря 1790 г. «Кураж» находился в Ла-Манше. «Дискавери» использовался в это время как вспомогательное судно.

15 декабря 1790 г. Ванкувер, получив чин капитана, был назначен Адмиралтейством руководителем экспедиции, обесмертившей его имя.

К БЕРЕГАМ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Приготовления к экспедиции шли быстро. К марту 1791 г. выделенные Адмиралтейством два судна — «Дискавери» и «Чатем» — были почти готовы к выходу в море. Корабли были снабжены продовольствием на длительный срок, вооружены, в трюмах находились товары на случай торговых операций, инструменты для исследовательских работ. Был учтен опыт плаваний Кука: на судах имелся запас вина и спирта в качестве дополнительного средства для предупреждения цинги.

«Дискавери», построенный в 1789 г., имел 340 тонн водоизмещения, 99 футов в длину и 28 футов в ширину. Команда состояла из 100 человек. Впоследствии судно показало себя прекрасно приспособленным для опасного и длительного плавания. Корабль сопровождения «Чатем», водоизмещением 135 тонн, построенный на год раньше, напротив, доставил много забот: он оказался совершенно непригоден для таких плаваний. Тем не менее «Чатем» обошел вокруг света и доставил на родину без потерь свой экипаж, состоящий из 45 человек.

По мере приближения дня отплытия увеличивалось число неприятных инцидентов на судах: неподчинение приказам, драки, кражи, пьянство и т.п. Все это продолжалось и в ходе плавания, так что порка провинившихся была обычным делом, о чем свидетельствовал судовой журнал на «Дискавери». Вот некоторые извлечения из него:

«Среда, сентябрь, 14, 1791 г. Наказан Джон Регболт, пушкарь, 10 ударами плетью за неподчинение приказаниям.

Суббота, сентябрь, 24, 1791 г. Наказан Джеймс Бейли, матрос, 10 ударами плетью за небрежное исполнение своих обязанностей и Джон Картер, матрос, дюжиной ударов за воровство.

Январь, 18, 1792 г. Стефенс и Лонгли, оба матросы, посланы на борт "Чатема" и наказаны за сон на посту.

А вот извлечения из судового журнала «Чатема»:

«Пятница, сентябрь, 7, 1792 г. Наказан Девид Доннел, бондарь, 12 ударами плетью за сон на вахте и Чес Макелл, матрос, 12 ударами за пьянство.

Среда, май, 1, 1793 г. Наказан Дэвид Доманд, матрос, 12 ударами плетью за небрежное выполнение своих обязанностей.

Суббота, 1 июня 1793 г. Наказан Джо Рикрафт, матрос, 12 ударами плетью за попытку кражи.

Среда, 18 июня 1793 г. Наказаны Уильям Хоуард, матрос, и Джон Ленгли, морской пехотинец, 12 ударами плетью каждый за скандальное поведение».

Члены экипажей, систематически нарушавшие дисциплину, получали значительно более серьезные наказания. Так, в судовом журнале «Дискавери» записано, что Уолтер Диллон, матрос, получил 24 июня 1791 г. три дюжины ударов плетью за пьянство и драку, а на следующий день за то же самое — еще две дюжины. Джон Глисспол, морской пехотинец, по видимому постоянно воровавший, 24 мая 1791 г. получил 24 удара за кражу, а 31 июля был наказан 12 ударами за это же. Воровали главным образом спиртное. Так, 27 июля 1791 г. два матроса были наказаны за «кражу ликера».

Капитан Ванкувер был строг и взыскателен. Он прошел тяжелую школу: в XVIII в. условия службы в британском военном флоте были весьма суровы. Следует заметить, что плеть была в те времена обычным орудием наказания. Отдавая распоряжения о порке, Ванкувер руководствовался установленными правилами.

Среди матросов, участвовавших в экспедиции, были люди разных национальностей: англичане, шотландцы, ирландцы, выходцы с Ямайки и Бермудских островов, четыре американца; по большей части это были типичные «морские бродяги», которых капитану нужно было держать «в узде», чтобы предотвратить серьезные неприятности.

В подготовке экспедиции активное участие принял Д. Бэнкс, считавший себя как бы научным патроном подобных плаваний. После кругосветного путешествия на корабле Дж. Кука его звезда в научном мире взошла очень высоко, чему он и сам немало способствовал, используя свои великосветские связи, ибо принадлежал к богатому и знатному британскому семейству.

Однако, как пишет современный английский автор Э. Маклин, «длительное пребывание Бэнкса в роли баловня лондонского света явно сказалось на его способностях трезво оценивать обстановку». Так, предполагалось, что во второй

экспедиции Дж. Кука Бэнкс будет отвечать за научную часть. Но он стал держать себя как руководитель экспедиции. К тому же Бэнкс решил взять с собой свиту из пятнадцати человек, включая двух музыкантов. Увидев «Резолюшен», он заявил, что для настоящего джентльмена такой корабль не подходит, и потребовал, чтобы было приобретено судно большего размера. Когда же Адмиралтейство отклонило это требование, Бэнкс предложил расширить кают-компанию корабля и надстроить в кормовой части еще одну палубу, для того чтобы разместить своих спутников и научное оборудование. Адмиралтейство с этим согласилось. Когда же перестройка «Резолюшен» была завершена, оказалось, что судно стало непригодным к плаванию: переместился центр тяжести, и корабль мог перевернуться даже в относительно спокойную погоду. Пришлось вернуть его в док и снять все надстройки. Разгневанный Бэнкс оставил корабль.

В период подготовки экспедиции Ванкувера он был более сдержан, но тем не менее считал себя вправе разрабатывать научную программу плавания. Бэнкс рекомендовал А. Мензиса в качестве ботаника на «Дискавери» и составил соответствующую инструкцию для его научной работы. На корабле было устроено специальное помещение, спроектированное Бэнксом, для хранения образцов флоры, которые будут собраны в ходе экспедиции.

Ванкувера, как в свое время Кука, очень раздражало вмешательство Бэнкса в подготовку плавания. К тому же он считал, что целый ряд исследований в состоянии выполнить сам. Но Ванкувер не всегда был прав. Так, он отказался зачислить в состав экспедиции астронома, надеясь на свои знания, но уже в начале плавания убедился в своей ошибке и писал с острова Тенерифе, одного из Канарских островов, чтобы с кораблем, который должен был в следующем году доставить экспедиции необходимые грузы, прислали астронома.

Недолюбливал Ванкувер и Мензиса. Последний жаловался Бэнксу на придирки Ванкувера и просил защитить его. В ответном письме Бэнкса содержалась угроза: «По тому, как капитан Ванкувер будет относиться к Вам, я буду судить, как он относится ко мне... Поскольку с его стороны было бы крайне неблагоразумно чинить Вам какие-либо препятствия на пути выполнения Ваших обязанностей, я надеюсь, что у него хватит здравого смысла не делать этого». Жаль, что поначалу отношения между Ванкувером и Мензисом были напряженными, ведь последний оказался одним из наиболее полезных членов экспедиции. Впоследствии Мензис стал

выдающимся естествоиспытателем, занимал пост президента Линнейского общества. Но раздражение Ванкувера, собственно говоря, вызывал не Мензис, а Бэнкс, бесцеремонно вмешивавшийся в дела экспедиции.

По предложению Бэнкса в состав экипажа «Дискавери» был включен также гаваец Товероо, привезенный в Англию в 1789 г. капитаном Ч. Дунканом на корабле «Принц Уэльский».

На рассвете 1 апреля 1791 г. корабли экспедиции, пользуясь попутным ветром, вышли в море. Ванкувер вел «Дискавери», капитаном «Чатема» был лейтенант У. Броугтон. В качестве штурмана на «Дискавери» Ванкувер взял Д. Уидби, с которым он плавал в Карибском море.

Британские берега остались позади. Ванкувер, закаленный моряк, казалось бы чуждый сентиментальности, записал в дневнике: «В полночь мы надолго распрощались с родными берегами. К утру 2 апреля при южном ветре мы повернули на запад и ясно увидели Английский канал, что навело на серьезные размышления. В течение ряда лет местом нашего пребывания будут далекие и дикие районы, где вряд ли представится какая-либо возможность связаться с родиной, семьями, друзьями, которых мы теперь оставили».

Ванкувер, как и Кук, намеревался войти в Тихий океан, обогнув мыс Доброй Надежды. На этом пути он предполагал сделать остановку на островах Мадейра, для того чтобы пополнить запасы продовольствия и вина. Но когда неблагоприятные ветры помешали этому, Ванкувер решил зайти на Канарские острова. Остановка была теперь необходима еще и потому, что «Чатем» был так перегружен, что с большим трудом шел за «Дискавери».

28 апреля экспедиция прибыла в Санта-Крус, главный порт острова Тенерифе. На следующий день, в воскресенье, Ванкувер в сопровождении своего второго помощника лейтенанта П. Паджета и А. Мензиса отправился на берег, чтобы нанести визит генерал-губернатору Канарских островов дону А. Гитьерресу. Затем англичане побывали в живописном городке Лагуна, расположенном в пяти милях от Санта-Круса. По возвращении их пригласил на обед проживавший в городе ирландец по фамилии Роней. Когда обед подходил к концу, англичане услышали шум драки на набережной. Ванкувер и его спутники вышли из дома и увидели большую группу испанцев, которые вели настоящее сражение с матросами «Дискавери» и «Чатема». Как потом выяснилось, виновниками происшествия были английские моряки. Они сидели в кабачке на берегу, когда один из гардемаринов прибыл за ними на шлюпке. Матросы отказались вернуться на суда, бо-

лее того, один из них разоружил стоявшего на посту испанца и кинул отобранный мушкет в воду. Часовой побежал в караульное помещение за помощью. Завязалась кровавая драка.

Ванкувер и его спутники были в штатском. Не разобравшись, испанцы накинулись и на них. Несколько человек схватили английского капитана и бросили в воду. Хотя Ванкувер был ранен, он тем не менее удержался на поверхности до прихода одной из шлюпок с «Чатема», которая доставила его на судно. Тем временем сражение продолжалось. Несколько британских моряков получили серьезные ранения. В конце концов англичане пробились, причем некоторым из них пришлось прыгать в воду, спасая свою жизнь. Там их подобрали шлюпки.

На следующий день Ванкувер послал генерал-губернатору довольно резкое письмо, в котором требовал наказать испанцев, нанесших побои его морякам и оскорбивших его самого.

В ответном письме Гитьеррес принес извинения и обещал наказать виновных, но в то же время обратил внимание Ванкувера на серьезную вину самих британцев и выразил сожаление, что Ванкувер был не в форменной одежде во время происшествия. Ванкувер счел справедливым упрек генерал-губернатора и распорядился выпороть нескольких матросов с «Дискавери» и «Чатема».

Описывая впоследствии ход экспедиции, Ванкувер нигде не упоминал об этом неприятном случае. Но его спутники в дневниках и письмах на родину описывали его во всех подробностях.

Кстати, через шесть лет на Тенерифе произошло уже настоящее сражение между англичанами и испанцами. Вице-адмирал Г. Нельсон высадился тогда на острове и пытался захватить Санта-Крус, но безуспешно. Это было единственное поражение прославленного флотоводца. Тогда же он потерял правую руку: ее оторвало пушечным ядром. После ухода англичан с острова испанцы весьма заботливо обращались с оставленными ранеными. Утверждают, что первое письмо, написанное Нельсоном левой рукой, было адресовано именно дону А. Гитьерресу и содержало благодарность за помощь раненым матросам.

Пополнив свои запасы, «Дискавери» и «Чатем» покинули Канарские острова и направились к мысу Доброй Надежды.

Ванкувер хорошо усвоил опыт плаваний с Куком и постоянно следил за состоянием здоровья экипажей судов, принимая меры для предупреждения распространения болезней, особенно цинги. При появлении малейшего подозрения на цингу лю-

дям выдавались две-три пинты сладкого сусла. На кораблях старались держать свежие овощи и фрукты; везде, где только можно, собирали сельдерей и другие полезные растения; тщательно просушивали одежду, постельное белье и гамаки.

Плавание шло без каких-либо неприятностей. Одно лишь обстоятельство — медленный ход «Чатема» — беспокоило Ванкувера. «"Чатем"», — писал он в своем дневнике, — к нашему огорчению, продолжал плыть медленно как при спокойном, так и при волнующемся море».

Еще до того как корабли подошли к мысу Доброй Надежды, Ванкувер наметил дальнейший путь плавания: в инструкции Адмиралтейства ему была предоставлена свобода выбора маршрута.

Он решил плыть к юго-западному побережью Новой Голландии, чтобы детально исследовать навигационные качества прибрежных вод, а также подтвердить или опровергнуть то, что Земля Ван Димена является островом. Местом зимовки экспедиции Ванкувер наметил Гавайские острова, хорошо изученные во время плаваний Дж. Кука. Он сообщил о своем намерении лорду Гренвиллю в письме, посланном с мыса Доброй Надежды. Ванкувер совершенно справедливо указывал на важность «изучения этого протяженного берега на юго-западе Новой Голландии, который в настоящее время является белым пятном в географии». Учитывая медлительность «Чатема», Ванкувер за десять дней до подхода к мысу Доброй Надежды решил, что оставшийся путь корабли пройдут раздельно. Но 11 июля, когда «Дискавери» достиг Кейптауна, Ванкувер, к своему удивлению, увидел в заливе «Чатем», который пришел на день раньше. Во время экспедиции «Чатем» еще не раз демонстрировал непредсказуемость своего движения. Путь от Тенерифе до мыса Доброй Надежды в 5,7 тыс. миль корабли прошли за 63 дня, делая в среднем более 90 миль в день.

Мыс Доброй Надежды был тогда наиболее оживленным морским перекрестком. Ванкувер увидел там не менее семнадцати судов — британских, голландских, датских, американских. Три корабля везли каторжников в Новый Южный Уэльс.

Голландцы вели широкую и доходную торговлю, снабжая проходившие суда продовольствием и оказывая различные услуги. Пока команды «Дискавери» и «Чатема» находились в Кейптауне, они ежедневно ели свежее мясо, овощи, мягкий хлеб. Поскольку Кейптаун был последним портом цивилизованного мира, на корабли было погружено столько продовольствия, сколько они могли вместить. На «Диска-

вери» образовался запас еды на восемнадцать, на «Чатеме» — на пятнадцать месяцев.

Кроме того, на «Дискавери» было доставлено семь овец и шесть баранов. Мензис запасся виноградными лозами, саженцами плодовых деревьев, семенами, намереваясь распространить их среди жителей тихоокеанских островов.

Были произведены необходимые ремонтные работы. Одним словом, было сделано все необходимое для предстоящего длительного плавания, в течение которого экспедиция могла рассчитывать только на свои ресурсы. Четверо матросов, серьезно болевшие, были отправлены на английском судне «Уоррен Хастингс» на родину. Их заменили моряки с британских транспортных судов, находившихся в Кейптауне.

Неожиданным и крайне неприятным событием была начавшаяся среди экипажей обоих судов эпидемия дизентерии. Среди заболевших был врач на «Дискавери» Кренстоун. Сам Ванкувер и его офицеры тоже были больны, хотя и в легкой форме. Выздоровление шло медленно. Выход в море откладывался.

Наконец 17 августа «Дискавери» и «Чатем» покинули Кейптаун. На случай, если корабли потеряют друг друга, Ванкувер передал капитану «Чатема» У. Броугтону копию своих инструкций о маршруте плавания «Дискавери», наметил места встреч, договорился о проведении исследований в период раздельного плавания судов.

Болезни на кораблях продолжались. Ранним утром 8 сентября умер матрос Нейл Койл. «Прекрасный человек, потеря которого была весьма чувствительна», — записал в тот день Ванкувер в своем дневнике. Это была первая смерть во время экспедиции.

9 сентября корабли прошли между островами Амстердам и Сен-Поль. Но плохая видимость не позволила обнаружить землю. Это было большим разочарованием для Ванкувера, который надеялся исправить ошибку, допущенную Куком в одной из его карт.

В своем дневнике он писал: «На следующее утро... мы прошли между островами Сен-Поль и Амстердам расстояние до последнего было около пяти или шести лиг. Видимость была плохая, шел дождь, но я продолжал надеяться, что, может быть, на какое-то время видимость улучшится и даст нам возможность увидеть один или оба эти острова, идя на восток, и исправить ошибку, обнаруженную на картах Южного полушария, составленных Куком. В них остров Сен-Поль находится на широте 37° 50' ю.ш. ... и к северу от этого остро-

ва, около широты 30°40' ю.ш., расположен другой, названный островом Амстердамом. На острове останавливался капитан Кокс с корабля "Меркурий", который и назвал его Амстердамом, определив его местонахождение в 17 лигах к югу от острова Сен-Поль. Капитан Блай с корабля "Баунти" тоже видел этот остров и определил, что он находится примерно там, где указал Кокс. По этой причине можно предположить, что остров, находящийся к северу от Сен-Поля, на широте 30°40', является не вторым, а третьим островом».

Эта запись весьма характерна для Ванкувера. Всегда, когда он замечал ошибки других мореплавателей, он делал это с большим тактом, высказывая глубокое уважение к своим предшественникам. Так, зная, что У. Дампир допустил неточности в определении западного побережья Новой Голландии, Ванкувер говорил о нем как о «замечательном таланте». Когда же он обнаруживал ошибку Кука, то сообщал об этом со смущением, пытаясь объяснить, чем она могла быть вызвана. Например, увидев, что Кук неточно определил местонахождение залива Даски-Саунд, Ванкувер замечает: «Широта гавани была установлена на одну минуту южнее определения, сделанного Куком, или на 45°45'36". Его определение, однако, похоже, более правильное, так как мое было сделано после только одного дня наблюдения с искусственным горизонтом».

26 сентября, пополудни, с верхней мачты была замечена земля. Это была юго-западная оконечность Новой Голландии. На следующее утро оба судна подошли ближе к берегу и прошли вдоль него. Ванкувер назвал это место мысом Чатем — в честь первого лорда Адмиралтейства. Ванкувер дал более двухсот названий открытым им землям. Похоже, что ему очень нравился сам процесс «крещения». В дальнейшем мыс получил другое название, сохранившееся до сих пор, — мыс Д'Антркасто — в честь французского мореплавателя Антуана д'Антркасто, посланного в 1791 г. в Южные моря на поиски пропавшего Ж.Ф. Лаперуза.

Поскольку на «Дискавери» и «Чатеме» болезни продолжались, Ванкувер разрешил команде сойти на берег, надеясь, что перемена обстановки и отдых помогут больным выздороветь.

С этого места Ванкувер, идя вблизи берега, исследовал южное побережье Новой Голландии на протяжении 350 миль. Ванкувер обнаружил прекрасную бухту, которую назвал Кинг-Джордж-Саунд в честь британского короля Георга III. Это название сохранилось до наших дней. Внутреннюю гавань бухты, где сейчас расположен город Олбани, Ванкувер

назвал Принцесс-Ройял-Харбор. Исследованные им места он объявил владениями британской короны.

Немногим больше месяца провел Ванкувер на южном побережье Новой Голландии. Составленная им карта поражает своей точностью. Перед тем, как идти дальше, Ванкувер распорядился собрать на берегу бухты Кинг-Джордж-Саунд груды камней, в которых была оставлена бутылка с запиской, где были указаны названия кораблей, имена их капитанов, название, данное бухте, время пребывания здесь экспедиции. Другая бутылка с такой же запиской была оставлена в гряде камней на вершине холма на острове Зил. После этого были подняты якоря, и корабли вышли в море. 26 октября экспедиция, пройдя в 12 лигах от юго-западного побережья Земли Ван Димена, направилась к острову Южный Новой Зеландии, где Ванкувер по совету судового врача Кренстона решил сделать остановку на пути к Таити: болезни среди экипажей судов продолжались, и пребывание на суше было необходимо для отдыха и восстановления сил.

Для стоянки Ванкувер выбрал залив Даски-Саунд, хорошо знакомый ему по экспедициям Кука. Вечером 2 ноября «Дискавери» бросил якорь у входа в залив, а два часа спустя там появился «Чатем». Переход через Тасманово море протяженностью 900 миль занял только шесть дней.

На следующий день Ванкувер решил исследовать внутреннюю гавань залива, которую Кук в свое время назвал Фесайл-Харбор. Он отправился туда на катере в сопровождении Броугтона, Уидби и нескольких матросов. Ванкувер нашел, что эта гавань — самое удобное место для стоянки судов. Неожиданно раздались два выстрела из пушек. Это был сигнал тревоги, который давали только в случае серьезной опасности. Пройдя вблизи нескольких островов, находящихся в заливе, англичане увидели «Дискавери»: он плыл к берегу, подгоняемый крепчайшим ветром, предвещавшим сильный шторм. Вернувшись на судно, Ванкувер понял, в чем дело: оборвался второй якорь. С трудом удалось поднять паруса и направить корабль в бухту Фесайл-Харбор. Шторм уже начался, и мощный порыв ветра серьезно повредил мачты, но судно все-таки поставили на якорь недалеко от входа в гавань, рядом с одним из находящихся там островов. Для устойчивости корабля с его борта протянули на берег канаты и привязали их к деревьям.

Шторм продолжался всю ночь. Капитан «Чатема» У. Броугтон ничего не знал о судьбе своего корабля, и это его очень тревожило. Поэтому утром он вместе с Ванкувером

сошел на остров. Выйдя на его противоположную сторону, он увидел свой корабль целым и невредимым. Но попасть на него Броугтону не удалось из-за сильного волнения на море. Вернувшись вместе с Броугтоном на «Дискавери», Ванкувер принял дополнительные меры, обеспечивающие безопасность судна. Это было сделано своевременно, ибо на рассвете следующего дня поднялся ураганный ветер, сопровождавшийся проливным дождем. Бушующие волны били о берег прямо за кормой судна, якорная цепь и канаты, держащие «Дискавери», готовы были вот-вот оборваться. Около 9 часов утра страшнейший вихрь почти сорвал корабль с места. Но скоро ураган стал стихать, погода улучшилась. Спустили шлюпку, на которой Броугтон, несмотря на все еще большие волны, сумел обойти вокруг «Чатема» и осмотреть его. К величайшему удивлению капитана, его судно совсем не пострадало от урагана, и через полчаса он уже был на его борту. Впоследствии Ванкувер, описывая происшедшее, заметил: «Хотя я, конечно, видел много раз скверную погоду, но никогда до этого не встречался с таким страшным штормом».

Ванкувер не знал, что аборигены называют остров Южный Новой Зеландии «краем нефритов». Потом европейцы действительно находили месторождения нефрита вблизи Милфорд-Саунда, Греймута и во многих других местах.

Экспедиция пробыла в заливе Даски-Саунд три недели. В это время матросы ремонтировали суда, ловили рыбу, охотились, отдыхали. Ванкувер же тщательно исследовал залив, который Кук осмотрел весьма поверхностно. Часть залива, названную на карте Кука Ноубоди ноуз уот (Никто не знает, что это), Ванкувер после исследования шутливо обозначил как Самбоди ноуз уот (Кто-то знает, что это).

Запасшись дровами и свежей водой, экспедиция 22 ноября покинула Даски-Саунд. Настроение членов экипажей судов было хорошее. Люди оправились от болезней, отдохнули, на кораблях были необходимые запасы. Одно только обстоятельство вызывало недоумение англичан: они нигде не встречали местных жителей. Единственным признаком присутствия человеческих существ было несколько примитивных жилищ, обнаруженных офицерами «Чатема» недалеко от залива Фесайл-Харбор. Но было очевидно, что они уже давно заброшены.

Сильные штормы постоянно сопровождали корабли на их пути. Во время одного из них они потеряли друг друга. На следующее утро с «Дискавери» увидели семь скалистых островов, расположенных южнее острова Стьюарт, самой

южной точки Новой Зеландии. Ванкувер никак этого не ожидал: «Нам не было известно о существовании земли вблизи мыса Юго-Западный... Это было большим сюрпризом. Как могли эти острова не обратить внимания капитана Кука? Но, рассматривая составленную им карту Новой Зеландии, я обнаружил, что его путь все время проходил по крайней мере в десяти лигах от них». Эти острова Ванкувер назвал Снэрс (Ловушки), «ибо, — объяснил он, — кажущиеся легкими подходы к ним создавали для беспечного моряка большую опасность».

Когда экспедиция прошла острова Снэрс, умерла последняя овца из тех, что были куплены в Кейптауне; это очень огорчило Ванкувера.

22 декабря с «Дискавери» опять увидели остров. Ванкуверу он казался кораблем, несущимся на всех парусах. Эта земля, записал он, «находится на значительном расстоянии от маршрутов плаваний мореходов, проходивших здесь раньше».

У острова корабль сразу же был окружен каноэ, и, когда страх сидевших в них людей «великой нации Южных морей», по выражению Ванкувера, прошел, они стали охотно брать подарки, а наиболее отчаянный забрался на борт судна. «Он дрожал и был сильно возбужден, — писал Ванкувер, — его лицо выражало одновременно опасение, удивление и восхищение».

Незнакомые предметы вызывали живое любопытство островитян. Но скоро их внимание было целиком поглощено железными изделиями. Они отказывались принимать какие-либо другие подарки.

Находившийся на борту гаваец Тoveroo совершенно не понимал языка островитян и не мог служить переводчиком. Все, что Ванкувер смог узнать, — это то, что остров назывался Опаро*, а вождя звали Корие. Ванкувер был первым из европейских мореплавателей, увидевшим этот остров. Его очаровали «отвесные, скалистые горы, достающие своими вершинами до солнца» и создающие самые романтические виды».

30 декабря «Дискавери» стал на якорь в бухте Матаваи, на северном побережье острова Таити. К своему величайшему удивлению и радости, команда корабля увидела стоявший здесь «Чатем», пришедший на три дня раньше.

Счастьем сияли все лица, когда капитан Броугтон, сопровождаемый несколькими членами экипажа, появился на борту

* Современное название — остров Рапа.

«Дискавери». Потом он записал в своем журнале: «Будучи предупрежден туземцами, что показался корабль, немедленно отправился на берег и был невыразимо обрадован, увидев на востоке "Дискавери", входящий в залив».

«Чатем», как оказалось, прошел мимо островов Снэрс в тот же день, что и «Дискавери», но затем пошел прямо к Таити. На пути был обнаружен неизвестный остров. Броугтон с небольшой группой матросов высадился на берег, но, встретив недоброжелательное отношение островитян, поспешил назад к шлюпке. Когда он и его люди уже почти достигли ее, несколько островитян бросили в них дротики. Один из матросов, не дожидаясь команды капитана, выстрелил и убил островитянина, другие сразу же разбежались. Это была первая из двух трагических схваток с аборигенами за все время плавания.

Обнаруженный остров, находившийся в 450 милях к западу от новозеландского острова Южный, был назван Чатем, причем скорее в честь первого лорда Адмиралтейства, чем в честь корабля, его обнаружившего. На острове были оставлены свинцовое блюдо с надписью и запечатанная бутылка с запиской, извещавшие о пребывании здесь «Чатема».

Броугтон, зайдя в залив Матаваи, заранее условленное место встречи, и не обнаружив «Дискавери», имевшего «превосходство в скорости», был очень удивлен.

С Таити, куда Ванкувер плавал с Куком, у него было связано немало воспоминаний. 1 января 1792 г., вскоре после прибытия на остров, он записал: «Солнечное утро известило о наступлении Нового года... Каждый получил столько свежей свинины и пудинга с изюмом, сколько мог съесть; и, несмотря на все роскошество Таити, которое могло заставить нас забыть наших друзей в старой Англии, все дважды выпили грога за здоровье своих возлюбленных и друзей на родине. В экипаже "Дискавери" был лишь один женатый человек — пушкар».

Первое, о чем позаботился Ванкувер по прибытии на Таити, была регламентация отношений с островитянами, с тем чтобы избежать неприятных и опасных инцидентов.

Экспедиция Ванкувера — яркий пример дальнего морского плавания в конце XVIII в. В наши дни на «Дискавери» никто не решился бы отправиться в плавание даже вокруг западноевропейского побережья. Его длина составляла 100 футов, а ширина — 30. Санитарные условия были, по нынешним меркам, чудовищны. Сто человек были втиснуты в крошечные помещения, где отсутствовала вентиляция, не было и печей на случай холодной погоды. При такой скученности монотонное

многомесячное плавание приводило к повышенной нервозности, ссорам, вражде. Никакой связи с внешним миром не было. Ушедшие в плавание как бы переставали существовать не только для своих родных и знакомых, но и для начальства. Никаких указаний капитаны получить не могли и в самых сложных обстоятельствах действовали на свой страх и риск. Если и удавалось послать письменное сообщение, то оно достигало адресата через много месяцев. Делеши, отправляемые с Тихого океана, попадали в Лондон в большинстве случаев через год или еще позже, и только при благосклонном отношении властей испанских поселений на побережье Америки. Плавание по неизведанным морям с крайне ограниченными навигационными средствами требовало от капитана напряжения всех духовных и физических сил. Это рано старило людей. Неудивительно, что верховный вождь, или «король», Таити Помаре, который встречался с Ванкувером в 1777 г., увидев его спустя четырнадцать лет, нашел, что он сильно постарел с тех пор.

Ванкувер требовал, чтобы экипажи судов относились к островитянам дружелюбно. Он запретил торговлю с аборигенами до тех пор, пока на суда не будут погружены необходимые запасы продовольствия. На берег отпускались лишь те матросы, которым давались какие-либо поручения.

Вместе с тем Ванкувер, как и все мореплаватели его времени, совершенно не понимал внутренней жизни островитян, их психологии. Это проявлялось, в частности, в том, что он разделял распространенное мнение, будто жители тихоокеанских островов склонны к воровству. Еще Магеллан, первый из европейцев высадившийся на тихоокеанском острове, обвинил его обитателей в попытке украсть лодку с одного из судов и назвал открытую им землю Разбойничьим островом. Сейчас это остров Гуам.

Сохранилось любопытное свидетельство А. Пигафетты, спутника Магеллана и историографа его экспедиции, о реакции испанского капитана на это происшествие: «Тогда капитан-генерал в гневе высадился на берег с 40 или 50 вооруженными людьми, которые сожгли 40—50 хижин вместе с большим числом людей и убили семерых туземцев... Перед тем как мы высадились на берег, некоторые из больных нашего экипажа попросили нас принести им внутренности мужчины или женщины, в том случае, если мы кого-нибудь убьем, дабы они могли немедленно излечиться от своей болезни».

Островитяне не имели понятия о частной собственности, обожествленной европейцами. Простодушные и любопыт-

ные, они хватали все, что привлекало их внимание, и им в голову не могло прийти, что они совершают величайшее святотатство.

Ванкувер тоже принял меры против «воровства» таитян. Матросам, работавшим на берегу, было поручено внимательно следить за островитянами и пресекать любые попытки краж. Наказание за воровство Ванкувер установил неожиданное. Впрочем, оно было в духе пенитенциарной системы «доброй старой Англии».

В судовом журнале «Дискавери» 7 января сделана такая запись: «Два туземца украли шляпу, которую им удалось вытащить через люк. Но когда была обнаружена пропажа, за ними вдогонку послали лодку. Она вскоре вернулась вместе с ворами... шляпа была возвращена ее владельцу. Но поскольку много мелких воришек было замечено в лагере, возникла необходимость сделать наказание публичным. С этой целью преступники, конвоируемые отрядом матросов, были доставлены в лагерь. В присутствии вождей острова мы обрили их головы, после чего один из них получил две дюжины ударов плетью за кражу шляпы, а другой — дюжину за то, что помогал».

Т. Менби, помощник шкипера на «Дискавери», в тот же день записал в своем дневнике: «Два туземца, которые украли шляпу с корабля, доставлены на берег к капитану, который приказал одному обрить голову, обрезать бороду и дать две дюжины плетей, а другому обрить наполовину голову и дать дюжину плетей... Был объявлен приказ стрелять в каждого, кто будет замечен в краже».

Может показаться, что эти факты свидетельствуют об особой жестокости Ванкувера. На самом же деле он был просто сыном своего времени. Ванкувер жил в тот век, когда на его родине вешали за кражу пяти шиллингов.

И все же невольно спрашиваешь себя: кто же из встретившихся тогда представителей двух миров был более диким?

«Голые дикари», как называли островитян европейские пришельцы, еще в древние времена поняли то, что лишь сейчас с большим трудом усваивают многие «цивилизованные народы».

«Другие народы, — пишет известный итальянский кинорежиссер, писатель и общественный деятель Ф. Куиличи, — создали философские либо религиозные системы, воздвигли грандиозные дворцы, основали могучие империи. Полинезийцы же всегда стремились к единению с природой. На Западе эту проблему долго считали второстепенной, пока вдруг не

осознали всю важность экологии. Лишь теперь и там начали понимать, что человек погибнет, если не сможет спасти окружающую среду. Культура полинезийцев, сумевших отыскать гармонию с природой и сделавших ее основным законом своей жизни, заслуживает серьезного подхода».

Надо сказать, что знаменитые европейские мореплаватели прошлого, попадая в Океанию, восхищались не только красивой природой, но и укладом жизни островитян. Так, Ф. Коммерсон, который был натуралистом в экспедиции французского мореплавателя Л.А. де Бугенвиля, посетившей Таити в 1768 г., отмечал: «Остров этот предстал предо мною в таком свете, что я назвал его Утопией или Страной счастливых, то есть так, как окрестил свою идеальную республику Томас Мор... Рожденные под прекраснейшим небом, вскормленные плодами несметно богатой земли, которая щедра, даже не будучи возделанной, управляемые скорее отцами семейства, чем королями, жители этой страны знают одного только бога, и имя ему — Любовь».

Ванкувер в своих дневниках также описывает жизнь островитян как беззаботное и счастливое существование людей, управляемых иерархией вождей во главе с королем, которых они искренне и глубоко почитают.

Такие описания и создали у европейцев устойчивое представление о тихоокеанских островах как о «райских островах», бытующее и в наше время. На самом деле жизнь населения тихоокеанских островов не была «райской» ни до, ни после прихода европейцев. Эти мужественные народы, заселяя неведомые, безлюдные острова, несли громадные потери. Они полюбили свою новую родину, хотя подчас она представляла собой крохотный коралловый островок, лишь на несколько футов поднятый над океанскими волнами, лишенный каких-либо минеральных ресурсов, с крайне ограниченной флорой и фауной, да еще находящийся в зоне действия тайфунов. Высокий патриотизм островитян передавался из поколения в поколение и помог им выстоять, перенести невзгоды, выпавшие на их долю.

Через несколько дней после кражи шляпы произошло исчезновение сумки с бельем капитана Броугтона из лагеря, расположенного на берегу залива. Ванкувер потребовал немедленного возвращения украденных вещей, угрожая применить силу и, более того, сжечь все дома и уничтожить вся каноэ в Матаваи. Местные вожди обещали привести вора. Один из подозреваемых в краже был доставлен на борт «Дискавери». Когда же была доказана невиновность этого человека, Ванкувер освободил его. Но в это время произошло

новое событие: исчез гаваец Товероо. Ванкувер, чтобы воодушевить вождя на поиски вещей Броугтона, а теперь и Товероо, сказал, что думал перед отплытием одарить каждого из них очень хорошими подарками, но до возвращения и вещей и гавайца он им ничего не даст.

Пока шли переговоры, находившиеся на берегу обсерватория и палатки были погружены на «Дискавери» и сделаны все приготовления к отплытию. Товероо был возвращен на корабль, а вещи так и не нашлись. Ванкуверу объяснили, что вор был из отдаленной деревни.

С Товероо же произошло следующее. Он без памяти влюбился в дочь местного вождя Поено, которой он, как оказалось, подарил все свое имущество. «Оно было немалой ценности, — писал Ванкувер. — Кроме многочисленных подарков, полученных в Англии, ему дарили вещи и во время плавания. К этому он сделал существенные дополнения, свободно обращаясь с вещами, принадлежащими пушкарю, с которым вместе питался до своего бегства».

В дневнике одного из спутников Ванкувера, Т. Менби, рассказывается, как Товероо, передав вещи возлюбленной, потом под покровом темноты вплавь добрался до берега и как матросы, посланные на его поиски, доставили на корабль «несчастливого и унылого обожателя после двух дней отсутствия». Несомненно, что симпатии всех на судне были на стороне гавайца.

24 января, во вторник, корабли покинули Таити, направляясь к Гавайским островам. Два человека скорбели об этом: Товероо, потерявший возлюбленную, и Помаре, лишившийся бренди, практически неограниченно получаемого на «Дискавери».

Ванкувер полагал, что на Гавайях встретит корабль, который снабдит их необходимыми грузами для продолжения экспедиции, как то было предусмотрено инструкцией Адмиралтейства.

По пути к Гавайям Ванкувер намеревался посетить остров Рождества для ловли черепах, но когда «Дискавери» достиг широты, на которой находился остров, то оказался в 150 милях восточнее его. К тому же корабль опаздывал почти на месяц против графика, составленного в Лондоне.

В течение всего пути на судах регулярно проводились измерения широт, вносились необходимые уточнения и исправления, причем этим занимались не только шкиперы и их помощники, что в те времена было их обязанностью, но весь офицерский состав. Это являлось частью разработанной Ванкувером программы тренировок для подготовки экипажей к

предстоящей сложной картографической работе на северо-западном побережье Северной Америки.

1 марта с кораблей увидели Гавайские острова. Суда медленно пошли на запад и через два дня достигли бухты Кеалакекуа, на острове Гавайи, где тринадцать лет назад Ванкувер участвовал в схватке с островитянами и где погиб Кук. Теперь, охваченный заботами о предстоящем сложном плавании, он не мог предаваться воспоминаниям о прошедших днях.

Несколько островитян стояли на берегу, предлагая свиней, овощи и, что было приятной неожиданностью, арбузы, выращенные, как оказалось, из семян, оставленных одним капитаном, побывавшим на острове. Островитяне запрашивали за свои продукты необычно высокие цены. Ванкувер быстро нашел этому объяснение: им нужно было огнестрельное оружие, с могуществом которого они уже достаточно хорошо познакомились.

Первым важным для Ванкувера посетителем был Каиана, один из вождей острова Кауаи, плававший с Миресом в Китай. По возвращении на родину он стал поддерживать Камеамеа, вождя острова Гавайи, ставшего впоследствии королем всего архипелага под именем Камеамеа I.

Каиана рассказал Ванкуверу о ходе междоусобной войны на Гавайях и значении Камеамеа, звезда которого тогда стремительно всходила на местном горизонте. Позднее Ванкуверу о том же самом рассказывал Кееаумоку, вождь острова Оаху, но в совершенно другой интерпретации. Каиана также сообщил, что острова недавно посетили четыре американских и один британский корабль. Корабля с грузом для экспедиции Ванкувера еще не было. Когда же Каиана узнал, что Ванкувер намерен побывать и на других островах архипелага, включая Кауаи, он попросил Ванкувера взять его с собой, на что Ванкувер охотно согласился. Но на следующий день Каиана изменил свое намерение. Он предложил оставить на острове и Товероо, поскольку его родной остров Молокаи находился в руках врагов Каианы.

Ванкувер не взял с собой Товероо и поручил ему передать письмо капитану судна, которого ждала экспедиция, в случае если оно придет на Гавайи.

Вскоре после того как корабли покинули бухту Кеалакекуа и медленно двинулись вдоль берега, на борт «Дискавери» забрался островитянин, говоривший на ломаном английском языке. Он назвался Джеком и сказал, что хотел бы достичь американского побережья. Ванкувер согласился взять его с собой, полагая, что тот будет полезен в качестве переводчика.

При чтении «Плавания на "Дискавери" в северной части Тихого океана и вокруг света» создается впечатление, что у Ванкувера с самого начала возникло желание присоединить к владениям Великобритании Гавайские острова из-за их важного стратегического положения, хотя в своей книге он об этом не говорит. Уж слишком большой интерес он проявлял к событиям, происходившим на островах архипелага, к личности Камеамеа.

К концу первой недели марта корабли подошли к южной части острова Оаху и стали на якорь в бухте Ваикики. Здесь Ванкувер хотел набрать свежей воды и одновременно произвести небольшой ремонт судов. Высадившись, он увидел почти совсем опустевшие деревни. Жители отправились на остров Молокаи, чтобы помочь отстоять его от готовящегося вторжения воинов Камеамеа. Оставшиеся держались весьма настороженно, недружелюбно. К тому же пригодная для питья вода оказалась слишком далеко от берега. Ванкувер решил немедленно отправиться на Кауаи, где он надеялся достать все, что нужно. Через день корабли пришли в бухту Ваимеа, на юго-западном берегу острова.

Корабли стали на якорь, Ванкувер и несколько его офицеров на трех лодках подошли к берегу и высадились на нем. Местные жители были столь же настороженны, как и на Оаху. Но вождь, узнав, что требуется пришельцам, отрядил нескольких островитян показать, где можно набрать воды, а также распорядился снабдить их провизией.

Поскольку на все это требовалось несколько дней, а островитяне были настроены теперь достаточно миролюбиво, многие офицеры большую часть времени проводили на берегу, охотясь и осматривая остров. Им сообщили, что здесь находятся трое англичан. На следующий день после прихода кораблей в бухту один из них появился на борту «Дискавери» с двумя местными вождями. Он сообщил, что все трое англичан с американского торгового корабля «Леди Вашингтон», которым командует капитан Кендрик. Шесть месяцев назад их оставили на соседнем острове Нихоа. Им было приказано вернуться на Кауаи для сбора сандалового дерева и жемчуга, которые пойдут на китайский рынок. «Леди Вашингтон» заберет их с острова, когда вернется из Китая после продажи там мехов.

Люди с американского судна предупредили Ванкувера, чтобы он был осторожен с островитянами: те не так давно похитили на острове Гавайи американскую шхуну «Феа Американ» и пытались захватить американский бриг на острове Мауи. Они обвиняли Каиану в том, что именно

он был инициатором захвата шхуны. Вспомнив, что Каиана проявил большой интерес к «Дискавери» при встрече в бухте Кеалакекуа, Ванкувер заключил, что его действия «по природе своей были недружественны и корыстны». Многие же офицеры прямо говорили, что намерение Каиана вернуться на Кауаи вместе с Ванкувером было составной частью его плана по захвату обоих английских судов.

Ванкувер вообще относился весьма подозрительно к гавайцам, помня давнее кровавое столкновение в бухте Кеалакекуа. Когда во время высадки на берег он заметил горевшие на холмах костры, то заподозрил недоброе. Ни Джонстон, ни Мензис, объяснявшие, что островитяне по своему обыкновению жгут траву, чтобы очистить землю для посадок сахарного тростника, не убедили Ванкувера. «Капитан Ванкувер просто мучил себя тяжелыми подозрениями. Видя большие костры, горящие на отдаленных холмах, он считал их сигналом к войне», — писал в своем дневнике Менби.

Ванкувер также заподозрил островитян в намерении разделиться с ним, когда добирался на свой корабль в каноэ, поскольку из-за высокой волны на шлюпке это было сделать трудно. На буруне он не удержался и выпал из каноэ. Злого умысла островитян здесь не было. Тем не менее Ванкувер, вернувшись на берег, приказал своему помощнику, лейтенанту П. Паджету, находившемуся на суше с 20 вооруженными матросами, быть в полной боевой готовности, а сам отправился на корабль уже в шлюпке. Ванкувер также распорядился, чтобы две шлюпки с «Дискавери» с вооруженными матросами всю ночь находились как можно ближе к берегу.

Ночью ничего не случилось, но на следующий день подозрения Ванкувера еще больше усилились: на холмах вновь запылали костры, к тому же не явился сын верховного вождя острова (сам вождь отсутствовал), которого он накануне пригласил к себе. Ближе к вечеру Ванкувер приказал вооруженному отряду, остававшемуся на берегу, вернуться на корабль. Паджет передал, что в темноте из-за высокой волны переправляться очень опасно, и просил разрешить остаться на берегу до утра. В ответ на свою резонную просьбу Паджет получил приказ плыть немедленно. Он оставил часть вещей на берегу, попросив вождей охранять их, и те наложили табу на это имущество. Остальное погрузил на каноэ, но доставить все на корабль не удалось: часть ружей, инструменты и другие вещи упали в море. Узнав, что какое-то имущество оставлено на берегу под надзором вождей, Ванкувер заявил, что англичане больше его не увидят.

На следующее утро Паджет был послан на берег за остав-

ленным. Все, включая ружья и другие предметы, выброшенные волнами на берег, было в полной сохранности. На берегу Паджет встретил также сына главного вождя с телохранителем, которые явились на встречу с Ванкувером.

Но теперь уже вождей охватили подозрения, и они не разрешили молодому человеку отправиться на «Дискавери», пока пришельцы не оставят своего заложника. На берег были посланы два помощника шкипера, а на корабль отправился сначала телохранитель вождя. Если с ним ничего плохого не случится, то вожди отправят на «Дискавери» сына вождя. Телохранитель заявил, что хорошо помнит Ванкувера со времен плавания Кука и что у него сохранилась даже прядь волос Ванкувера, которую тот ему якобы подарил. Ванкувер не помнил этого, но тем не менее одарил островитянина богатыми подарками. Тот покинул корабль, пообещав возвратиться с «принцем».

Последний прибыл на «Дискавери» и произвел очень приятное впечатление на Ванкувера. Подозрения оставили капитана, и вечером он устроил фейерверк для островитян, зная по прежнему опыту, какой сильный восторг вызывает у них это зрелище. С тех пор Ванкувер с глубоким доверием и уважением стал относиться к жителям Кауаи.

Корабли покинули Кауаи и отправились к острову Ниихау, где оставались несколько дней, в течение которых были сделаны запасы ямса.

16 марта экспедиция взяла курс на Америку.

Даже короткий визит на Гавайи показал Ванкуверу, как сильно изменилась там ситуация по сравнению с тем, что он наблюдал во время прежних посещений островов. На архипелаге удалось приобрести очень мало провизии, это объяснялось тем, что островитяне не брали за свои товары те вещи, которые пользовались у них огромным спросом раньше. Каиана привез из Китая ружья, что вызвало зависть всех других вождей. Очень скоро главным предметом, который требовали вожди за предоставляемые пришельцам продукты, стало огнестрельное оружие. Ванкувер категорически отказался дать островитянам оружие, что весьма затруднило пополнение запасов продовольствия.

Впоследствии он писал: «Все зло ощутят на себе невооруженные суда, которым представится случай посетить эту страну для торговли с ее обитателями; и теперь ясно видно, что вред от продажи островитянам оружия будет все больше и больше возрасть, ибо уже тогда, когда мы были на Гавайях, торговцы мехами рассказывали, что островитяне пытались захватить несколько торговых судов и уничтожить

их экипажи... Как стремление к собственной безопасности... так и общие принципы человечности могли бы, мне кажется, обуздать эту торговлю, поощряемую лишь алчностью вопреки всем моральным обязательствам».

Ванкувер убедился в том, что все вожди, с которыми он встречался, были разочарованы, получая от него в подарок голубые камзолы и куски красной ткани. Все они страстно желали иметь ружья. Ванкувер отказывал им, ссылаясь на «табу», якобы установленное королем Георгом III на этот счет. Имея дело лишь с главными вождями и щедро их одаривая, Ванкувер смог во многих случаях получить необходимые экспедиции продукты именно в качестве ответных даров вождей.

Ванкувер на этот раз увидел Гавайи в пожаре междоусобной войны, унесшей немало жизней. Многие деревни опустели. Численность населения, по-видимому, серьезно сократилась.

Вскоре после того как экспедиция покинула Ниихау, на «Дискавери» была сломана одна из рей, да так, что ее нельзя было починить. Ванкувер приказал плотнику Филлипсу сделать новую. Тот сделал, но Ванкуверу не понравилась его работа. Это привело Филлипса в ярость, и он ответил своему капитану грубостью. Ванкувер распорядился отстранить его от исполнения обязанностей и посадить под арест, а занимаемую им каюту передать помощнику. Позднее Филлипс был посажен на корабль, прибывший из Англии для пополнения запасов экспедиции, и отправлен на родину для суда за дерзость и непочтительность.

Через три недели плавания, в солнечное воскресенье, Мензису удалось подстрелить одного из альбатросов, пролетавших над кораблем. Вообще-то убить альбатроса считалось плохим знаком. Тем не менее «Дискавери» при благоприятном ветре быстро шел вперед, и 17 апреля 1792 г., в четыре часа пополудни, команды обоих судов увидели американское побережье. В полдень следующего дня «Дискавери» и «Чатем» подошли к берегу на 39° 27' с.ш. К заходу солнца они достигли мыса Мендосино, находящегося в 110 милях от современного Сан-Франциско. Ванкувер, как и все британские моряки его времени, называл эту землю Новым Альбионом, помня, что именно так называл ее два столетия назад Дрейк.

Отсюда Ванкувер начал гидрографическое исследование американского побережья, выполненное с невиданным размахом, основательностью и точностью. В инструкциях, данных Ванкуверу Адмиралтейством, ему поручалось исследовать побережье Северной Америки между 60° и 30° с.ш. Указы-

валась и первоочередная задача исследования: «Сбор точных сведений в отношении природы и размеров любого водного прохода, который может в какой-то мере способствовать сообщению в коммерческих целях между северо-западным побережьем и страной, расположенной на противоположной стороне континента и заселенной или оккупированной подданными Его величества».

Короче говоря, Ванкуверу поручалось отыскать северо-западный проход, но, даже если он не будет найден, «делом огромной важности, — указывалось в инструкциях, — будет обнаружение значительных морских заливов или даже больших рек, соединяющихся с озерами внутри континента, с помощью которых можно будет осуществить такое сообщение... При исследовании следует выяснить не только общую линию побережья, но также направления и размеры всех значительных заливов — как возникших в результате деятельности моря, так и являющихся устьями больших рек».

Достаточно взглянуть на карту Тихоокеанского побережья Северной Америки от Северной Калифорнии до залива Аляска, чтобы понять сложность задания, полученного Ванкувером от Адмиралтейства. Ведь в то время существовали лишь общая карта побережья, сделанная во время третьего плавания Кука, и несколько фрагментарных карт, составленных британскими торговцами пушниной, на которых были показаны отдельные участки побережья. Имелась еще фантастическая карта в отчете Д. Миреса о его плавании, на которую был нанесен пролив Хуан-де-Фука. В своем отчете Мирес сообщал, во-первых, что сам видел этот пролив и, во-вторых, что американский капитан Р. Грей на судне «Леди Вашингтон» вошел в 1789 г. в пролив и возвратился в океан, обогнув обширную землю, расположенную к северу от входа в пролив.

Испанцы немало потрудились, исследуя северо-западное побережье, но все, что им удалось узнать, держали в строжайшем секрете.

Таким образом, американское северо-западное побережье оставалось малоизвестной территорией.

Ванкувер потратил на достижение поставленной перед ним цели три летних сезона, которые были наполнены очень тяжелой работой.

Чтобы оценить значение работы Ванкувера, остановимся кратко на состоянии гидрографии в те времена.

Выше упоминалось, что в 1788 г. Адмиралтейство распорядилось произвести исследование гаваней на Ямайке, что было сделано Ванкувером и штурманом «Дискавери» Д. Уидби.

Но лишь в 1795 г., после того как в Адмиралтействе уяснили важность этого дела, был создан департамент гидрографии, в задачи которого входило проведение гидрографических работ в широком масштабе. До этого подобные работы велись отдельными лицами, главным образом флотскими штурманами. Карты в Англии выпускали частные фирмы. Ост-Индская компания, напечатавшая большое число карт, имела собственного гидрографа и использовала для гидрографических исследований свои корабли.

В 1788 г. под эгидой Адмиралтейства был выпущен четырехтомный атлас «Атлантик Нептун», содержащий карты Атлантического побережья Северной Америки от реки Святого Лаврентия до островов Вест-Индии. В 1790 г. все часто посещаемые места на побережье Америки были достаточно хорошо изучены. Исключение составляло Тихоокеанское побережье: испанцы строго берегли его тайны.

Учебники по гидрографии начали издаваться с 1770 г. В это же время появились учебники по общей навигации. Наибольшей популярностью из них пользовалась книга Д. Моора «Практическая навигация и ежедневный помощник моряка», впервые опубликованная в 1772 г.; к 1798 г. вышло тринадцать изданий этой книги.

Методы исследований и картографирования берегов, предлагаемые в этих руководствах, требовали большого умения в обращении с приборами, навигационного искусства и огромного терпения. Например, в течение трех недель до начала работ по исследованию калифорнийского побережья Ванкувер, его офицеры и шкиперы провели 85 наблюдений луны, чтобы с достаточной точностью установить отправную точку исследований.

Конечно, у Ванкувера случались ошибки. Наиболее существенным его промахом было то, что он не обнаружил устья большой реки, впадавшей в океан и названной впоследствии Колумбией. Ему много раз ставили это в вину. Но были обстоятельства, его оправдывавшие, о чем будет сказано ниже.

От мыса Мендосино корабли экспедиции пошли на север, держась вблизи берега. Ванкувер приближался к тем местам северо-западного побережья Америки, которые он посетил вместе с Куком четырнадцать лет назад. Кук записал тогда в своем журнале: «7 марта долгожданный берег Нового Альбиона был увиден на расстоянии десяти или двенадцати лиг. Земля оказалась умеренно возвышенной, оживляемой холмами и долинами, почти повсюду покрытыми лесом. На крайнем севере был виден мыс, который я назвал мы-

сом Плохой Погоды, потому что вскоре после того, как мы его увидели, погода сделалась очень плохой». Это было на 44°31' с.ш.

Ванкувер продолжал двигаться на север. 27 апреля корабли подошли к мысу, который Мирес назвал мысом Дисаппойнтмент (Разочарования). Ванкувер эпически отметил в своем дневнике: «Море изменило свой обычный цвет на цвет речной воды; возможно, что это следствие того, что в залив или прямо в океан севернее залива впадают небольшие реки. Не считая обнаруженное достойным внимания, я продолжал наше движение на северо-запад, пользуясь господствующим теперь бризом и приятной погодой».

Из этой записи следует, что корабли прошли указанное место при благоприятной погоде. Но П. Паджет и другие участники плавания приводят более подробные данные о погоде. Накануне после полудня ветер стал крепчать, полил дождь с градом, на море поднялось волнение. Утром погода улучшилась, но было все еще облачно, и волнение на море продолжалось. На стороне, противоположной входу в бухту, у мыса Дисаппойнтмент, находилась пятимильная песчаная отмель. В тот день вихри поднимали высоко в воздух песчаную пыль, скрывавшую берег.

Что-то привлекло внимание Ванкувера, так же как Менби и Мензиса, но лишь на мгновение. Решили, не останавливаясь здесь, продолжать плавание. Так Ванкувер упустил возможность отыскать устье такой большой реки, как Колумбия. Ему было особенно неприятно узнать об этом буквально через два дня от капитана американского судна «Колумбия» Роберта Грея, который эту реку обнаружил.

Надо сказать, что открытие Грея дало возможность Соединенным Штатам в XIX в. в долгом и запутанном споре с Англией о границах штата Орегон претендовать на обширную территорию.

Такой опытный человек, как контр-адмирал Б. Андерсен, в книге «Пахарь моря», вышедшей в 1960 г., пытается оправдать Ванкувера: «Каждый, кто знаком с входом в реку Колумбия в различных погодных условиях, я уверен, встанет на защиту своего коллеги-моряка; даже сегодня, несмотря на то что вход в реку хорошо обозначен, корабли входят туда с большой осторожностью, когда море неспокойно».

29 апреля Ванкувер записал в дневнике: «В четыре часа на западе замечен парус. Это было большой неожиданностью, поскольку в течение последних восьми месяцев мы не видели ни одного судна, кроме сопровождающего нас "Чатема". Вскоре на корабле был поднят американский флаг и сделан

пушечный выстрел с подветренной стороны. В шесть часов мы узнали, что это судно «Колумбия» из Бостона, которым командует мистер Роберт Грей. Оно находится в плавании уже девять месяцев. Почти не сомневаясь, что капитан судна был тем человеком, который раньше командовал шлюпом «Леди Вашингтон», я желал увидеть его и послал мистера Паджета и мистера Мензиса к нему, чтобы они собрали такие сведения, которые будут полезны в наших дальнейших предприятиях».

Напомним, что Мирес в своем отчете о плавании указывал, что именно Грей провел свой корабль проливом Хуан-де-Фука. Поэтому Ванкувер, захваченный тогда мыслью об этом проливе, хотел узнать прежде всего о плавании Грея в 1789 г., о котором сообщал Мирес.

Дело в том, что одной из важнейших задач, поставленных в инструкциях Адмиралтейства, было исследование малоизученного пролива Хуан-де-Фука, на северо-западном побережье Америки. «Он расположен, — говорилось в инструкциях, — между 48° и 49° с.ш., и по нему, как сообщают, в 1789 г. прошел шлюп "Леди Вашингтон", который вышел к северу от Нутка-Саунда».

Загадка пролива Хуан-де-Фука волновала многие поколения мореплавателей. Имя его первооткрывателя впервые было упомянуто в книге С. Парчеса, вышедшей в 1625 г. В ней рассказывалось, что Хуан де Фука, грек по национальности (его настоящее имя — Апостолос Валерианос), в юности перешедший на испанскую службу и достигший ранга штурмана, в 1592 г. был послан из Акапулько на поиски Анианского пролива, соединявшего якобы Тихий и Атлантический океаны. Между 47° и 48° с.ш., сообщал Хуан де Фука, он обнаружил широкий пролив, у входа в который находилась огромная каменная колонна, по этому проливу он плыл двадцать дней и достиг Атлантического океана. После книги Парчеса никаких публикаций об этом открытии не было. Сам же Хуан де Фука превратился в легендарную личность, а рассказы о его плавании — в одну из красивых выдумок, которыми полна история мореплавания.

Но знаменитые плавания Б. Беринга и А. Чирикова вызвали интерес к Анианскому проливу. Этим и объясняются строгие указания Адмиралтейства о его поисках.

Любопытно, что, когда наконец пролив Хуан-де-Фука был обнаружен, он оказался именно там, где, по преданию, его нашел греческий штурман. Видимо, в основе истории плавания Хуана де Фука лежит не просто сказка.

Возвратившись с «Колумбии», Паджет и Мензис сообще-

ли Ванкуверу, что капитан судна именно тот человек, который в 1789 г. командовал кораблем «Леди Вашингтон», но что он был страшно удивлен, узнав, что Мирес рассказал о его плавании через пролив Хуан-де-Фука. По словам Грея, он проплыл только 50 миль и вернулся обратно в океан тем же путем.

Так Ванкувер узнал о несостоятельности главного утверждения Д. Миреса еще до подхода к проливу. В своем дневнике он записал, что рассказ Грея «очень существенно отличается от того, что опубликовано в Англии». П. Паджет считал, что «мистер Мирес в этом случае доверился плохой информации». Мензис был более суров в оценке поступка Миреса. «Ничто не может его оправдать», — заявил он. Наиболее достоверную версию, объяснявшую действия Миреса, сообщил Т. Менби, который услышал ее от одного из матросов «Колумбии». Дело в том, что Мирес и Грей были соперниками в пушной торговле и остерегались обмениваться полученной информацией. После того как Мирес с большим успехом продал выдровые меха, «коварный янки, зная, что северо-западный проход — любимый конек его конкурента, в отместку сообщил о своем открытии этого прохода, что вызвало алчную зависть последнего».

Возможно, Мирес впервые услышал о проливе Хуан-де-Фука от капитана Беркли, командовавшего торговым судном «Империял Игл», плававшим под австрийским флагом, чтобы не обращаться за получением соответствующей лицензии в Лондоне. Беркли утверждал, что открыл пролив в 1787 г. Молодая жена Беркли, сопровождавшая его в плавании, вела дневник, в котором в июне 1787 г. записала: «Днем, к нашему величайшему удивлению, мы увидели огромный, открытый с востока вход около шести лиг в ширину, который, насколько хватало глаз, оставался таким же широким, с чистым горизонтом на востоке. Мой муж сразу же определил, что это давно потерянный пролив Хуан-де-Фука, которому он дали имя первого открывателя и который нанес на свою карту». Следует отметить, что несмотря на полученные от Адмиралтейства инструкции, Ванкувер не был убежден в реальном существовании пролива. На своих картах он помечал его как «предполагаемый пролив Хуан-де-Фука».

Грей в разговоре с Паджетом и Мензисом упомянул, что на 46° 10' с.ш. обнаружил реку, но буруны помешали ему войти в нее. Через две недели после встречи с англичанами Грей повторил попытку, которая на этот раз закончилась успешно. Грей дал реке имя своего корабля.

Следуя инструкциям Адмиралтейства, Ванкувер направил-

ся к «предполагаемому проливу Хуан-де-Фука», и 29 апреля его суда вошли в него у мыса Флеттери. Держась южного побережья континента, «Дискавери» и «Чатем» в первую ночь бросили якоря в глубине залива. Несколько индейцев забрались на борт «Дискавери», они вели себя очень приветливо и приглашали англичан остановиться поближе к их деревне. Ванкувер отверг это предложение, так как там была плохая якорная стоянка. 30 апреля корабли двинулись дальше. К вечеру они подошли к низкому берегу, где оказалась хорошая гавань, и корабли остановились здесь на ночь. Незадолго до того как суда вошли в гавань, англичане увидели на северо-востоке гору со снежной вершиной. Ее называли Маунт-Бейкер — в честь третьего помощника капитана на «Дискавери» Д. Бейкера, который первым заметил ее.

Необходимо было срочно найти безопасную бухту, где можно было бы починить суда и на берегу которой расположить обсерваторию, запастись водой и дровами.

2 мая корабли продолжили плавание. К полудню они достигли гавани, вполне удовлетворившей Ванкувера. Он назвал ее Порт-Дискавери — в честь своего судна. Между мысом Флеттери и Порт-Дискавери Ванкувер обнаружил еще одну бухту, которую назвал Де-Лос-Анджелес, очевидно, берега ее являются частью современного города Порт-Анджелес.

Пять дней экспедиция оставалась в гавани. Ремонтировали суда, чинили паруса, сушили порох, заготавливали воду и дрова. 6 мая Ванкувер объявил праздником, работы были прекращены. В этот день на берегу появилась группа местных жителей. Ванкувер описывает их так: «Эти люди по своему облику, виду их каноэ, оружия и т.п. больше всего похожи на обитателей Нутки, хотя тела их менее раскрашены и выглядят они не столь грязными. В ушах они носят украшения, а в носках нет; некоторые из них понимают отдельные слова из языка жителей Нутки; на них надеты шкуры медведей, оленей и некоторых других животных, но главный предмет туалета — одежда из шерстяной ткани, которую они изготавливают весьма искусно... Свои луки и другое оружие они охотно меняют на ножи, безделушки, медь и т.п.; нас чрезвычайно удивило, что они предлагали продать двух детей шести-семи-летнего возраста... Однако я строго запретил это, объяснив им, насколько мог, наше глубокое отвращение к такого рода сделкам».

7 мая Ванкувер предпринял небольшую экспедицию. Сам он в сопровождении Мензиса, двух помощников шкипера и нескольких матросов отправился на шлюпке с «Дискавери», Паджет вел баркас, а Джонстон — катер с «Чатема». Экспеди-

ция была рассчитана на пять дней, но вернулась лишь 15 мая, в четыре часа пополудни. Оставшиеся уже начали тревожиться. За восемь дней экспедицией было сделано немало. Ванкувер обнаружил бухту, названную им Порт-Таунсхенд — в честь одного из лордов Адмиралтейства, подписавшего инструкции, данные Ванкуверу. Был исследован проход, которому Ванкувер дал имя Худа, другого лорда Адмиралтейства, также поставившего свою подпись под инструкциями. Собственно, двухдневная задержка произошла из-за того, что Ванкувер хотел удостовериться, что этот проход, или, как указал он на своей карте, канал Худа, не сквозной. Ванкувер обнаружил также гору, которой дал имя Рейнира — в честь своего друга контр-адмирала П. Рейнира.

Через три дня после возвращения исследовательской партии суда продолжили плавание, причем раздельно. «Чатем» пошел на север, а «Дискавери» — на юго-восток. 19 мая 1792 г. Ванкувер подошел к южной оконечности острова Бейнбридж, находящегося в нескольких милях к востоку от места, где сейчас расположен город Сиэтл. Ванкувер приказал стать на якорь. «Дискавери» находился там до 30 мая. Ванкувер назвал место стоянки Ресторейшен-Пойнт. 29 мая в Англии праздновался день реставрации, т.е. день высадки на берег Кента в мае 1660 г. Карла II и восстановления монархии. Питер Паджет записал в своем дневнике 29 мая 1792 г.: «Семнадцатикратным пушечным салютом была отмечена годовщина счастливой реставрации Карла II».

К югу от Ресторейшен-Пойнта главный проток разделялся, казалось, на два рукава. 20 мая, в 4 часа утра, Ванкувер отправил на двух шлюпках П. Паджета и Д. Уидби произвести тщательное исследование. Паджет пошел по проходу вблизи берега и вошел в обширную бухту, которую исследовал в течение восьми дней.

Группа Паджета вернулась на «Дискавери» 26 мая. Подробности экспедиции освещаются в дневнике Паджета. Он пишет, что его группа взяла с собой небольшой запас провизии и была сильно вооружена. На шлюпках имелись даже две небольшие пушки. 21 мая экспедиция остановилась для отдыха в небольшой бухте. Часть людей приступила к обеду, расположившись на скале, остальные остались охранять шлюпки. Обе группы были вооружены. Поблизости находилось около 30 индейцев. Нескольким из них Паджет дал подарки, что сильно задело остальных. Паджет так описывает дальнейшие события: «Индейцы на трех каноэ направились к шлюпкам, но, увидев, что мы с холма обнаружили их, немедленно отступили на прежнюю позицию. К ним

приближалась еще одна лодка с местными жителями, и, как только она подошла, все они неожиданно выскочили на берег, натягивая луки и, очевидно, готовясь к нападению. Это заставило меня принять самое неприятное решение — стрелять в этих бедных людей, которые, по всей вероятности, не понимали нашего преимущества перед ними, хотя мне и не хотелось этого делать... Поскольку у меня теперь не было уже сомнений относительно их враждебных намерений, мы продолжали стоять на холме, готовые вернуть им их первые выстрелы... Индейцы же оставались на берегу, что-то яростно обсуждая и готовясь послать в нас стрелы... Я подумал, что представляется хорошая возможность показать индейцам наше преимущество, заключающееся не только в ружьях, но и в более сильном оружии, и подал знак выстрелить картечью из пушек, имеющихся на шлюпках. Но вопреки нашим ожиданиям они не выразили ни удивления, ни страха».

После того как обе группы англичан соединились, индейцы, пишет Паджет, похоже, переменили решение и стали предлагать луки и стрелы для продажи. Никакой враждебности они больше не проявляли.

Паджет продолжил исследование и 25 мая достиг бухты, на берегу которой теперь находится город Олимпия, столица штата Вашингтон.

В это время Ванкувер в сопровождении лейтенанта Бейкера на шлюпке пошел на юг, исследовал часть залива и обошел вокруг острова, названного им Уошон — в честь адмирала Дж. Уошона. На «Дискавери» Ванкувер вернулся 29 мая. Он одобрил результаты экспедиции Паджета. В своем дневнике Ванкувер записал: «Таким образом, благодаря нашим совместным усилиям мы завершили исследование каждого поворота этого обширного залива; и в память об усилиях Паджета, особенно в его южной части, я назвал залив Паджет-Саунд».

Пока группа Паджета занималась исследованиями, было сделано еще одно открытие. Корабельный клерк Г. Орчард, гуляя как-то днем вдоль берега, обнаружил находившийся в нескольких милях к западу от стоянки «Дискавери» проток, текущий на северо-запад. Ванкувер послал шлюпки исследовать этот проток, который назвал Порт-Орчард. На берегу его, в Бремертоне (штат Вашингтон), теперь расположена одна из крупнейших военно-морских верфей Соединенных Штатов.

«Чатем» соединился с «Дискавери» 25 мая. Ванкувер перед уходом в экспедицию распорядился, чтобы «Чатем» по возвращении немедленно отправился на изучение северо-восточ-

ной части залива. В результате была исследована и нанесена на карту бухта, на берегу которой сейчас расположен город Сизтл.

У южной оконечности острова Бейнбридж произошел курьезный случай: местные жители обвинили англичан в каннибализме. Вот как это описывает сам Ванкувер: «Около дюжины этих дружественных людей (индейцев) присутствовали на нашем обеде. Двое из них выразили желание перейти начерченную на земле линию, разделяющую нас (высаживаясь на берег, англичане чертили на земле линию, которую индейцы не имели права пересекать. — *К.М.*). Когда им это было позволено, они сели рядом с нами и стали есть без всякого колебания хлеб и рыбу, которые мы им давали. Но когда им предложили куски оленины, они не стали их даже пробовать, хотя видели, что мы едим мясо с большим аппетитом. Взяв у нас куски с большим отвращением, индейцы передали их своим соплеменникам, которые подвергли мясо очень строгой проверке. Они были уверены, что это человеческое мясо... Чтобы убедить наших гостей, что это мясо оленя, мы показали на шкуры животных, валявшиеся рядом. В ответ они стали указывать друг на друга и делать знаки, которые нельзя было истолковать иначе, как уверенность в том, что мясо человеческое. Индейцы бросили его в грязь с брезгливостью и отвращением. И только после того как мы показали оленью ногу, находившуюся в шлюпке, нам наконец удалось убедить их, что они ошибаются. Многие из них принялись за мясо с большим удовольствием». После этого случая Ванкувер понял, что слухи о каннибализме индейцев Северной Америки не справедливы, — во всяком случае, в отношении многих из них.

Закончив исследования, Ванкувер решил, что настало время формально установить власть британской короны над этим районом. Вот что он пишет в своем дневнике: «В понедельник, 4 июня, команды получили самый лучший обед, который мы только могли приготовить для них, с двойной порцией грога и выпили за здоровье Его величества в день его рождения. Я воспользовался этим благоприятным случаем, чтобы осуществить свое давнишнее желание объявить все земли, которые мы исследовали, владениями Его величества и наследников. Чтобы осуществить это, я в сопровождении мистера Броугтона и нескольких офицеров сошел на берег около часу дня, соблюдая обычные в подобных случаях формальности, и под гром королевского салюта с кораблей взял во владение побережье от части Нового Альбиона на 39°20' с.ш. и 236°26' в.д. до... предполагаемого про-

лива Хуан-де-Фука со всеми островами, находящимися в упомянутом заливе, а также к северу и югу от него, и теми островами, расположенными во внутреннем море, которые мы открыли... это внутреннее море я имел честь назвать заливом Джорджия, а континент, примыкающий к упомянутому заливу и простирающийся на юг до 45° с.ш., — Нью-Джорджия — в честь здравствующего монарха. Ответвление в бухте Адмиралтейства получило название Поссешн-Саунд, западный рукав — Порт-Гарднер — в честь вице-адмирала сэра Алана Гарднера, а ее небольшая часть на западе — Порт-Сусан». Последнее название, возможно, дано в честь жены А. Гарднера Сусанны.

Я побывал в краях, которые исследовал Ванкувер, почти два столетия спустя и с энтузиазмом присоединяюсь к тому, что он писал о них: «Описание красот этого района явится благодатной задачей для пера опытного панегирика. Прекрасный климат, бесконечная прелесть ландшафта, изобильное плодородие, которое нетронутая природа даст в будущем, прося лишь благотворного вмешательства человеческого труда, чтобы превратиться в самую прекрасную страну, какую только можно себе вообразить».

Другие члены экспедиции не менее восторженно отзывались об этой земле. Так, А. Мензис писал: «Путешественник с удивлением рассматривает необычные растения, дышит прекрасным, животворным воздухом, полным ароматов окружающих сосновых лесов, а ум его все время занят новыми и новыми предметами, чувства его захвачены чарующим разнообразием окружающего пейзажа, где нежная красота ландшафта гармонически сочетается с чудесным величием романтической дикости, создавая интереснейшую и очень красочную перспективу».

Более практичный человек Д. Уидби позднее в письме одному из друзей предлагал создать торговую компанию со штаб-квартирой в Барклай-Саунде, на острове Ванкувера, с отделениями, расположенными от островов Королевы Шарлотты до реки Колумбии. Узнав, что ссыльная колония в Австралии не имеет перспектив (в то время в Новом Южном Уэльсе было катастрофическое положение), он считал, что каторжников, отбывших срок наказания, «вместо того чтобы возвращать в Англию, где они опять станут бичом общества... отправлять в эту страну и селить на берегу пролива Хуан-де-Фука».

7 июня Ванкувер послал Паджета и Уидби на двух шлюпках исследовать берега, с тем чтобы определить «место следующей стоянки судов». «Дискавери» и «Чатем» продолжали при

слабом ветре медленно идти на север. 8 июня «Дискавери» подошел к западной части острова, названного Ванкувером Кайприс, что значит Кипарисовый. 10 июня Паджет и Уидби возвратились. Корабли пошли дальше, а 11 июня бросили якоря в заливе, в полумиле от берега. А. Мензис записал в своем журнале: «Кроме уже упоминавшихся сосен лес здесь изобилует белыми осинами и черными березами. В честь того, что я первым их обнаружил, место было названо Бёрч-Бей (т.е. Березовый залив. — *К.М.*)». Залив этот находится несколько южнее теперешней границы канадской провинции Британская Колумбия. На берегу соорудили обсерваторию. Кузнецы, плотники и пивовары занялись своими делами.

Когда Ванкувер находился в Бёрч-Бее, он послал Уидби с командой на двух шлюпках исследовать южный берег, а сам вместе с Паджетом 12 июня, в 5 часов утра, также на двух шлюпках отправился в исследовательское плавание в северном направлении. Экспедиция вскоре подошла к месту, где теперь находится город Блейн (штат Вашингтон). Таким образом, Ванкувер пересек 49° с.ш., т.е. теперешнюю границу между западной частью Канады и Соединенных Штатов. Договор об этом участке границы был заключен сторонами 15 июня 1846 г.

Окончательное урегулирование пограничных споров произошло в 1872 г., и сейчас на пограничной линии, недалеко от города Блейн, можно увидеть Арку Мира, символизирующую дружественные отношения между двумя странами. На арке надпись: «Детям общей Матери».

Ванкувер и Паджет исследовали бухту (на ее берегу теперь находятся канадские города Уайт-Рок и Кресент-Бич), дойдя до крайней западной точки, названной Ванкувером Пойнт-Робертс — в честь его друга и предшественника на «Дискавери». Дело в том, что капитан Г. Робертс, опытный моряк, принимавший участие в первом и втором плаваниях Дж. Кука, был назначен командиром «Дискавери» до Ванкувера. Потом назначение было изменено, и Робертс отправился в другое плавание.

От Пойнт-Робертса шлюпки пошли дальше на север и 11 июня, в середине дня, наткнулись на обширную отмель, которую пересекали три водяных потока. Все усилия Ванкувера достичь восточного берега были тщетны. «Вечером, — пишет он, — мы вынуждены были, обойдя отмель, выйти почти на середину залива. Мы решили идти к его западной части, чтобы выбраться на ночь на берег». Но англичане не могли подойти к берегу до часа дня 13 июня. Измучен-

ные, они не решились высадиться на такой крутой и неровной скале и предпочли спать в шлюпках.

Ванкувер не подозревал, что находился у дельты реки Фрейзер, одной из крупнейших рек на Тихоокеанском побережье Северной Америки. Он был сосредоточен на поисках места для стоянки.

На следующий день, в 5 часов утра, Ванкувер пересек залив и в полдень высадился в месте, находившемся в семи лигах от Пойнт-Робертса. Это место он назвал Пойнт-Грей — в честь капитана «Колумбии» Р. Грея. В своем дневнике Ванкувер так описал территорию между Пойнт-Робертсом и Пойнт-Греем: «Все это пространство занимает очень низкая земля, очевидно, заболоченная равнина, простирающаяся на несколько миль, затем она постепенно повышается, переходя в суровые, покрытые снегом горы... Эта низина, очень сильно затопленная, расширяется за Пойнт-Робертсом, чтобы соединиться с другой низиной в заливе, расположенном к востоку, что делает возвышенную, гористую часть, когда смотришь с большого расстояния, похожей на остров; но это не так, ибо имеются два протока между Пойнт-Робертсом и Пойнт-Греем. По ним можно плыть только на каноэ, поскольку отмель идет вдоль берега на расстоянии семи-восьми миль от него».

Эта запись дает возможность определить, где тогда находился Ванкувер. Он видел устье реки Фрейзер, стоя на том месте, где сейчас находится Университет Британской Колумбии. Опять Ванкувер заподозрил что-то странное в развернувшейся перед ним панораме, но он был далек от мысли, что находится в дельте большой реки.

На следующий день Ванкувер исследовал береговую линию залива Баррерд, названного так в честь старого друга Г. Баррерда, плававшего с Ванкувером еще в Карибском море. Этот залив получил впоследствии известность тем, что был избран в 1885 г. конечным пунктом Канадской тихоокеанской железной дороги. Там был основан город Ванкувер, гордость канадцев.

Шел уже восьмой день экспедиции, а продовольствия было захвачено на неделю. Ванкувер, увлеченный исследованием, оставался бы еще дольше, если бы не неожиданное происшествие, заставившее его повернуть назад. Менби, проведя исследования, возвращался на одной из шлюпок к месту стоянки, но спутал проход, ведущий к ней. Поняв, что он заблудился, и видя, что запасы продовольствия кончаются, Менби решил самостоятельно идти к судну. Ванкувер, оставшийся с одной шлюпкой, прекратил работу и тоже направился к «Дис-

кавери». Узнав на корабле, что Менби вернулся еще накануне, он страшно рассердился и изругал его: ведь из-за исчезновения Менби Ванкувер прервал свои исследования. Менби записал в дневнике: «Его приветствие я никогда не забуду, несмотря на то что он взял свои слова обратно, попросив извинения».

Незадолго до возвращения на «Дискавери» у Ванкувера произошла неожиданная встреча. Вот что он сообщает об этом: «Утром в пятницу 22 июня мы шли к Пойнт-Грею, намереваясь там высадиться и позавтракать. К нашему удивлению, увидели стоявшие у берега на якоре два корабля... Это были бриг и шхуна под испанским военным флагом. Я предположил, что у них те же цели, что и у нас; позже это подтвердилось». В этот день Ванкуверу исполнилось тридцать пять лет.

Испанцы рассказали, что их корабли — бриг «Сутил» под командованием дона Д. Галиано и шхуна «Мексикана», капитаном которой был дон С. Валдес, — вышли из Акапулько 8 марта, а 11 апреля прибыли в Нутка-Саунд. 5 июня они покинули порт, чтобы закончить исследование этих мест, которое было начато испанскими офицерами в 1791 г. (очевидно, речь шла об экспедиции, возглавляемой Х.М. Нарваесом). Ванкуверу сообщили, что сеньор Х.Ф. де ля Бодегу-и-Квадра, командующий военно-морскими силами в Сан-Бласе и Калифорнии и испанский уполномоченный по передаче земель в Нутка-Саунде англичанам, ждет его там.

Ванкувер познакомился с конструкцией испанских судов, их внутренним устройством и был удивлен, что они используются для исследовательских целей. «Каждое судно, — писал он, — имеет около 44 тонн водоизмещения и снабжено двумя маленькими пушками. Экипаж — 24 человека, и лишь один лейтенант. В помещениях для команды спальные места расположены вдоль всех стен, в центре находится стол, за которым с большим трудом могут расположиться четыре человека. И во всех других отношениях это очень плохо сделанные суда. Трудно вообразить, как они могут использоваться в подобной экспедиции».

В соответствии с инструкциями Адмиралтейства Ванкувер должен был оказывать любому испанскому судну, выполнявшему ту же работу, что и его корабли, необходимую помощь, а также обмениваться с ними полученными сведениями и картами. Поэтому он ознакомил испанцев с результатами своих исследований, а в конце встречи предложил объединить силы и продолжать исследовательскую работу вместе.

В свою очередь, испанцы сообщили, что где-то в этих местах должна быть большая река. Ванкувер писал: «Они, похоже, были очень удивлены, что мы не нашли упомянутой реки, которая, по их словам, находилась в районе, который мы исследовали». Любопытно, что англичане и испанцы, сами того не подозревая, находились в это время всего в нескольких сотнях метров от входа в северный рукав реки Фрейзер.

Испанцы утверждали, что кто-то из испанских офицеров видел реку, но никаких сведений, подтверждающих это, не сохранилось. Возможно, что Нарваес обнаружил ее во время своего плавания в 1791 г., но об этом нигде не упоминается, так как его судовой журнал не сохранился.

Достоверно известно, что впервые реку увидел А. Маккензи 17 июня 1793 г. во время своего трехлетнего путешествия через Североамериканский континент. В Лондоне сообщение об этом появилось в ноябре 1794 г., т.е. до того, как публика узнала о деталях плавания Ванкувера. В сообщении говорилось: «Сделано открытие большой важности для коммерческого мира. Мистер Маккензи, партнер в "Мактевиш и К°" (Монреаль), недавно вернулся из трехлетнего путешествия, во время которого ему удалось пересечь континент до Тихого океана и достичь места, расположенного между островом Кинг-Джордж и заливом Нутка-Саунд. Это обстоятельство будет иметь величайшее значение для страны, поскольку появится прямое сообщение с Китаем, и, несомненно, приведет к дальнейшим открытиям».

Но, как часто бывало в истории географических открытий, река получила имя другого исследователя. Она была названа в честь С. Фрейзера, который проплыл по реке почти до океана, подвергаясь немалым опасностям. 2 июля 1808 г. он записал в своем дневнике: «На правом берегу мы заметили деревню, называемую индейцами Мискиате; мы направились к ней». Фрейзер высадился недалеко от деревни, а когда собрался плыть дальше, то обнаружил, что отлив выбросил лодки на берег. Индейцы же стали вести себя агрессивнее. Фрейзер так описал ситуацию: «Они появлялись отовсюду, воя, как тысячи волков, и размахивая боевыми дубинками».

Видя враждебность индейцев, Фрейзер счел за лучшее на следующий день повернуть назад. Он записал в дневнике: «Я должен выразить мое глубокое разочарование тем, что не увидел великий океан, находясь от него так близко, что он был почти виден».

На том месте, где Фрейзер повернул назад, сейчас стоит

монумент в память о плавании Фрейзера по реке. От того места, где Ванкувер встретился с испанцами в 1792 г., его отделяет только около трех миль. Так судьба подшутила над обоими путешественниками: Ванкувер, находясь у устья реки Фрейзер, не обнаружил ее, а Фрейзер, дойдя почти до Тихоокеанского побережья, не увидел залива Ванкувер.

22 июня Ванкувер со своей группой, направляясь от Пойнт-Грея к Пойнт-Робертсу, вновь пересек устье реки Фрейзер, не заметив его. Обширную отмель, которая снова привлекла внимание Ванкувера, он назвал Стаджен-Бенк (Осетровая отмель) в память «о полученных от туземцев нескольких пресноводных рыбах... каждая из которых весила от четырнадцати до двухсот фунтов». «Из-за этой отмели, — писал Ванкувер, — нам пришлось сделать круг в 30 миль. Потоки поднимающейся воды шли нам навстречу. Все это вместе со слабым южным бризом, который дул почти постоянно, вынудило нас идти на веслах с 10 часов утра до полуночи. Наконец мы, почти без сил от усталости, достигли места, подходящего для высадки. Здесь мы могли поспать и в воскресенье 23 июня, около 10 часов утра, добрались до наших судов, пройдя на шлюпках более 330 миль».

Перед тем как отправиться на шлюпках в экспедицию на север, Ванкувер поручил Уидби исследовать побережье на юге. Последний, выполняя указание капитана, пошел к тому месту (недалеко от большого залива, названного Беллингхем-Беем — в честь финансового контролера британского военно-морского флота сэра У. Беллингхема; сейчас здесь расположен город Беллингхем), где он незадолго до этого закончил исследования. Уидби тщательно исследовал Беллингхем-Бей. Когда он находился у северного входа в залив, то заметил два испанских судна. Вернувшись на «Чатем», Уидби сообщил об этом Броугтону, который распорядился поднять якорь и идти на встречу с испанскими судами. Встреча произошла поздно вечером в Бёрч-Бее. Мензис в своем дневнике сообщает несколько подробностей этой встречи, в том числе такой любопытный факт: «Испанцы сказали, что в том месте, где их встретил "Чатем", они пытались найти большую реку, но обнаружили только большой мелкий залив, окруженный низменными берегами». Таким образом, испанцам тоже не удалось найти устье реки Фрейзер.

Поскольку Ванкувер не имел специальных инструкций относительно ведения дел, связанных с передачей испанцами земель в Нутка-Саунде (инструкции должны были прибыть на корабле, доставлявшем грузы для экспедиции), он решил

до прихода этого судна продолжать изучение северо-западного берега Америки.

24 июня 1792 г. «Дискавери» и «Чатем» отправились на северо-восток залива Джорджиан-Бей. Корабли прошли западнее Стаджен-Бенк и снова не заметили устье реки Фрейзер. Вскоре к ним присоединились оба испанских судна. Ванкувер записал тогда: «Около двух часов пополудни в воскресенье 24 июня мы объединились с испанскими кораблями, которых приветствовали орудийным салютом. Они дали ответный салют, после чего их уважаемые командиры почтили меня своим присутствием на борту "Дискавери"; и мы продолжили наше плавание в заливе вместе».

Через два дня небольшая флотилия стала на якорь западнее острова Редонда, где оставалась до 13 июля. В течение всего этого времени проводились экспедиции, главным образом на шлюпках. Результаты этой работы видны на карте, составленной Ванкувером. Исследовавшийся район представляет собой лабиринт протоков и островов, картографирование которых весьма сложное дело. Большая часть работы была выполнена англичанами (одну исследовательскую группу возглавляли Д. Джонстон и С. Свейн, другую — П. Паджет и Д. Уидби), меньшая — испанцами.

3 июля Джонстон и Свейн (помощник шкипера на «Чатеме») со своей группой на двух шлюпках отправились исследовать континентальное побережье и проверить, нет ли навигационного прохода на север. Результаты их экспедиции имели серьезное практическое значение. Ванкувер писал: «Мистер Джонстон и его группа были снабжены продовольствием лишь на неделю. Когда она прошла, я начал серьезно беспокоиться, но около 2 часов утра в четверг 12 июля они прибыли, доставив нам удовлетворение как своим благоприятным возвращением, так и тем, что был открыт проход в Тихий океан на северо-западе».

В дневнике Мензиса есть запись, касающаяся экспедиции Джонстона, из которой видно, что им было нелегко: «Погода часто была весьма неблагоприятной, проливной дождь и сильный встречный ветер создавали большие трудности, которые приходилось постоянно преодолевать. Наконец 16 июля, через семь дней после начала экспедиции, ветер разогнал тучи, и люди увидели в северо-западном направлении чистый и ясный горизонт... Сомнений не было: это открытое море почти на 51° с.ш. и в ста милях по прямой от оставленных кораблей». Обратный путь группы Джонстона был опасен и труден. «Поскольку запасы еды были полностью израсходованы, — пишет Мензис, — они плыли день и ночь.

12 июля, около 2 часов утра, измученные голодом и изнурительным трудом люди увидели корабли».

Ванкувер сообщал Галиано и Валдесу обо всех открытиях, сделанных его людьми. Испанцы, видя, что их корабли сильно уступают британским и тормозят работу экспедиции, решили не продолжать совместные исследования. Ванкувер заметил по этому поводу: «Мы заверили друг друга, что получили большое удовлетворение от взаимного общения. После обмена любезностями мы пожелали друг другу счастливого пути».

13 июля «Дискавери» и «Чатем» возобновили плавание, а испанские суда продолжали стоять на якоре.

На следующий день, вскоре после полудня, «Дискавери» и «Чатем» остановились в полумиле от Пойнт-Маджа, названного так в честь первого помощника капитана «Дискавери» лейтенанта З. Маджа, который первым увидел его. Несколько индейцев на лодках подплыли к судам и привезли на обмен рыбу и фрукты. «После обеда, — пишет Ванкувер, — я в сопровождении Мензиса и нескольких офицеров сошел на берег, чтобы нанести визит моим новым друзьям и удовлетворить свое любопытство».

Индийская деревня находилась на вершине скалы. У ее подножия англичан встретил человек, который, очевидно, был вождем. Он подошел к ним свободно и непринужденно. Ванкувер протянул несколько подарков, которые индейцу, по-видимому, очень понравились. Убедившись в добрых намерениях пришельцев, он повел их в деревню по дороге, которая очень круто поднималась вверх метров на тридцать. «Деревня стояла на обрыве, — пишет Ванкувер. — Дома напоминали жилища в Нутка-Саунде, но были меньше, десяти или двенадцати футов высоты. Они были построены в ряд и отделены узкими проходами, по которым мог пройти только один человек. Местоположение деревни было идеальным с точки зрения обороны: с одной стороны ее защищал крутой обрыв, с другой — глубокая расщелина в скале; дальше простирался густой, почти непроходимый лес; единственным средством сообщения был узкий проход, по которому мы прошли. Его легко было оборонять против значительно превосходящих сил. На берегу, у подножия скалы, находилось около семидесяти каноэ небольшого размера, хотя среди них было несколько таких, на которых могли свободно разместиться по крайней мере пятнадцать человек».

Мензис в своем дневнике уточняет рассказ Ванкувера: «Я высадился с капитаном Ванкувером и несколькими офицерами в Норт-Пойнте, который был потом назван мыс

Пойнт-Мадж. Это высокая, обрывистая голая скала, на вершине которой мы обнаружили деревню, состоящую из двенадцати домов... в каждом доме жило несколько семей; всего в деревне было около 350 жителей. Женщины и дети не выказали никакого удивления, увидев нас, хотя, несомненно, мы были первыми европейцами, которых они встретили... ни к нам, ни к нашим кораблям они не проявили особенного любопытства. Женщины выглядели прилично: их одежда была либо сделана из шкур диких животных, либо выткана из шерсти, либо приготовлена из коры американской туи, но многие мужчины были совершенно голыми, при этом они нисколько не желали оскорбить представителей другого пола и не испытывали никакого стыда от своего положения».

14 июля, около 3 часов утра, оба корабля покинули Пойнт-Мадж. Через три часа они стали на якорь в бухте, называемой сейчас Мензис-Бей, и стали ждать возвращения членов экспедиции, которые на шлюпке и катере были посланы вперед для исследования прохода. Вернувшись вечером, они сообщили, что проход, названный ими Дискавери-Пессидж, соединяется с проливом Джонстона. Они также рассказали, что на обратном пути встретили двенадцать каноэ. Находившиеся в них индейцы были настроены весьма дружелюбно. «Индейцы были раскрашены гораздо разнообразнее, чем другие туземцы, которых наши джентльмены встречали до этого. Лица у одних были покрыты белой краской, у других — черной или краской свинцового цвета; у некоторых лица были разрисованы несколькими красками; и у всех волосы украшал пух молодых морских птиц».

Отлив не позволил кораблям уйти из Мензис-Бея. Только в полдень 15 июля они смогли наконец поднять якоря и плыть на север. Когда уже почти стемнело, англичане остановились в маленькой бухте, в шести милях от Мензис-Бея. По всей вероятности, это был залив, называемый сейчас Элк-Бей.

На рассвете следующего дня корабли двинулись дальше и вскоре вошли в пролив Джонстона, миновали место, которое, как писал Ванкувер, он назвал Чатем-Пойнт — в честь «нашего маленького спутника». Во время перехода через пролив англичане впервые попробовали пищу, приготовленную индейцами, например лососей, которых аборигены, казалось, с большим удовольствием бросали на борт английских кораблей, когда те проходили мимо их каноэ.

18 июля, около 6 часов утра, суда подошли к другому

широкому проходу. Ванкувер поручил Броугтону исследовать его. До 27 июля капитан «Чатема» изучал континентальный берег и прилегающие острова. «В память о его открытии, — писал Ванкувер, — я назвал их архипелагом Броугтона». Кстати, один из заливов, исследованных Броугтоном, называемый сейчас заливом Найта, является крупнейшим на побережье канадской провинции Британская Колумбия.

Вечером 19 июля «Дискавери» подошел к очень большой индейской деревне. Теперь сюда съезжается множество туристов посмотреть на огромные тотемы.

В дневнике Мензиса есть такая запись: «Ранним утром 20 июля из деревни приплыло на своих каноэ большое число туземцев. Они предлагали на обмен мех морских животных и семгу. Такой великолепной семги мы никогда до этого не встречали. Страстность, с которой они предавались веселью, получив от нас дары, поразила нас. Средних лет мужчина, назвавшийся вождем, был допущен на борт корабля. Его звали Чеслекис. Он был целиком поглощен наблюдением за обменом между нами и его соплеменниками, при этом он заботился о том, чтобы между нами сохранялись добрые отношения». Чеслекис сообщил, что до Нутка-Саунда всего 60 миль, если добираться по суше, и что путешествие туда занимает четыре дня. Он сказал, что не признает над собой власти вождя Нутка-Саунда Макуинны, но тем не менее считает его великим вождем. Макуинна, по словам Чеслекиса, редко посещает их деревню, и сейчас его здесь нет.

Днем Ванкувер в сопровождении нескольких офицеров и Мензиса посетил деревню. Она состояла из 34 домов, самые большие из которых, как пишет в своем дневнике Ванкувер, «занимали важные люди; они покрывали свои жилища рисунками, изображавшими различные фигуры, которые, очевидно, являлись плодом фантазии. Хотя рисунки были неправдоподобны, индейцы, видимо, вкладывали в изображения, далекие от нашего понимания, определенный смысл... Дома были построены в той же манере, что и жилища в Нутка-Саунде, но казались более чистыми. Жители, несомненно, принадлежали к той же народности, хотя немного отличались одеждой и манерой поведения. Несколько семей жили под одной крышей, но помещения для сна были отдельные; более скромно, чем в Нутка-Саунде, велось домашнее хозяйство».

Ванкувер отметил, что местные женщины не только охотно принимали подарки от пришельцев, но и настой-

чиво требовали их, проявляя при этом удивительную изобретательность. «Хотя я считал себя достаточно нагруженным на такой случай бусами, колокольчиками и другими безделушками, — писал он, — моя сумка и карманы были скоро опустошены. То же произошло и с теми джентльменами, которые сопровождали меня».

Англичан пригласили в дом вождя, но в это время Ванкувер «увидел в руках большой группы индейцев много стрел с железными наконечниками, дубинки, большие ножи и другое оружие, которого у них не было при первой встрече». Хотя вполне возможно, что индейцы не собирались нападать на англичан, а просто хотели показать им свое богатство — оружие — и поразить их, последние сочли за лучшее вернуться на берег.

Надо сказать, что англичане обнаружили почти во всех домах по два-три мушкета испанского производства, а у Чеслекиса — даже восемь, и все в хорошем состоянии. У индейцев было также много различных европейских изделий, которые они, по всей вероятности, приобрели в Нутка-Саунде в обмен на меха морских животных.

Ванкувер отмечал в своем дневнике: «Они были хорошо осведомлены о принципах торговли и вели ее очень честно и достойно. наших людей больше всего интересовали меха морских животных. Они их приобретали почти по две сотни в течение дня. Мистер Мензис сообщил мне, что меха продавались теперь на сто процентов дороже, чем раньше, когда он посещал это побережье».

Перед тем как покинуть деревню, Ванкувер оставил Чеслекису два письма для Квадры, который находился в Нутка-Саунде. Одно было от Галиано, другое — от самого Ванкувера.

21 июля корабль направился к острову Хэнсон, где стал на якорь, дожидаясь прихода «Чатема». Последний прибыл через неделю, и оба судна пошли к островам Королевы Шарлотты. 17 августа, когда корабли стояли там на якоре, к ним подошел британский бриг «Венус» под командой капитана Шеферда. Лейтенант Бейкер, побывавший на «Венусе», сообщил Ванкуверу, что бриг недавно был в Нутка-Саунде и Шеферд видел Квадру, который с нетерпением ждет Ванкувера. Шеферд также сообщил, что «Деделас», судно с грузами для экспедиции, уже прибыл в Нутка-Саунд, но с печальными известиями. На гавайском острове Оаху были убиты капитан судна лейтенант Хергест, астроном Гуч и один из матросов. Это сообщение потрясло Ванкувера: Хергест был его близким другом.

Ванкувер решил прервать исследование побережья и идти прямо в Нутка-Саунд. 28 августа оба судна были уже там. В гавани стоял «Деделас», еще одно британское судно — «Три Бразерс» из Лондона, а также двенадцатипушечный испанский бриг «Активa» с флагом Квадры.

С 1 мая по 19 августа экспедиция Ванкувера прошла 475 миль, скрупулезнейшим образом изучая весьма сложную конфигурацию северо-западного побережья Северной Америки от пролива Хуан-де-Фука и почти до современной границы канадской провинции Британская Колумбия с Аляской.

В Нутка-Саунде Ванкувер послал Паджета на берег сообщить испанцам о своем прибытии. Он также просил передать им, что произведет приветственный орудийный салют при условии, что испанцы ответят тем же. Договоренность была достигнута, что открыло дорогу к переговорам с испанцами.

Ванкувер встретился с Квадрой. И сразу же между ними установились самые дружеские и доверительные отношения.

Квадра был на семнадцать лет старше Ванкувера. Он родился в Лиме в 1740 г. Впервые на северо-западном берегу Америки Квадра побывал в 1775 г., будучи капитаном небольшого судна «Сонора», входившего в состав испанской исследовательской экспедиции, которая достигла залива Аляска.

Поскольку ни Ванкувер, ни Квадра не владели никакими иностранными языками, то на «Дискавери» в качестве переводчика был приглашен помощник штурмана с «Деделаса» Т. Добсон, свободно говоривший по-испански.

Квадра произвел на англичан самое приятное впечатление. В своих дневниках они с восторгом отмечали его необычайное гостеприимство, дружелюбие, светскость, благородство манер. Его расположение распространялось не только на членов экспедиции Ванкувера, но и на экипажи всех находившихся в заливе судов. Он, например, снабжал все находившиеся в Нутка-Саунде суда горячими булочками, свежим молоком и овощами. Квадра любил шумные компании. Офицеров со всех судов, стоящих в порту, он регулярно приглашал к себе на обед. Ванкувер и его офицеры, впервые попав за стол к Квадре, были поражены изысканностью пиршества, совершенно неожиданной в этом отдаленнейшем уголке планеты. Ванкувер записал в дневнике: «Обед из пяти блюд, великолепно приготовленных, из лучших продуктов. Стол сервирован с большой эlegant-

ностью. Когда провозглашались тосты за здоровье суверенов Англии и Испании, был дан королевский салют, семнадцатизалповый салют прогремел за успех экспедиции «Дискавери» и «Чатема». И такой прием был оказан Ванкуверу вовсе не потому, что он представлял британскую корону и был уполномочен вступить во владение районом Нутка-Саунда. Квадра так принимал всех мореходов, попадавших к нему на обед.

Например, помощник капитана с американского судна «Колумбия», побывавший у Квадры раньше Ванкувера и его офицеров, писал в своем дневнике: «Квадра устроил нам большой прием в своем доме, на котором присутствовали все офицеры флота; пятьдесят четыре человека сели обедать, и тарелки из чистого серебра менялись пять раз, таким образом, их было всего 270; блюда, ножи, вилки и все прочее было из серебра и тоже менялось».

На первом обеде в честь Ванкувера был вождь индейцев Нутка-Саунда Макуинна. За день до этого Макуинна пытался войти на борт «Дискавери», но дежурный офицер, не зная о его высоком положении, не пустил его. Уязвленный, Макуинна пожаловался Квадре. Тот всячески старался успокоить разбушевавшегося вождя.

Между тем англичане продолжали исследовательские работы. На берегу залива была установлена обсерватория, и стали вестись астрономические наблюдения. «Чатем», получивший во время плавания в проливе Королевы Шарлотты повреждения в днище, был поставлен на ремонт.

Дружеские отношения Ванкувера и Квадры создавали, конечно, благоприятную обстановку для переговоров о передаче Нутка-Саунда Англии. Но само проведение их было нелегким делом. Напомним, что Р. Гигедо, вступивший в сентябре 1789 г. в должность вице-короля Испанской Америки, был ярым сторонником военного укрепления района Нутка-Саунда, считая его важнейшим опорным пунктом Испании на северо-западном побережье Америки. Он послал в Нутка-Саунд нового коменданта — Элиса, приказав ему возвести там оборонительные укрепления и создать постоянное поселение. Элису было поручено также осуществить исследование побережья от пролива Хуан-де-Фука до залива Кука на Аляске.

Королевские приказы, сообщавшие о заключении конвенции о Нутка-Саунде, были получены вице-королем Мексики весной 1791 г. Мадрид предписывал установить границы испанских владений в Северной Америке на 48° с.ш. так,

чтобы Нутка-Саунд был поделен между Испанией и Англией. В конвенции не были установлены четкие границы испанских владений на севере, в ней лишь весьма туманно говорилось о «побережье, уже оккупированном Испанией». Испанское правительство требовало возобновить переговоры по поводу этого пункта договора, надеясь, что британский уполномоченный примет условия Испании. Королевским приказом Квадра назначался испанским уполномоченным на переговорах в Нутка-Саунде.

Р. Гигедо, организовавший исследования побережья, располагал лучшими сведениями о нем, чем испанское правительство. По мнению вице-короля Испанской Америки, было бы гораздо лучше провести пограничную линию до пролива Хуан-де-Фука, ибо установление границы по 48° с.ш. отдаст его в руки Англии. Вице-король рекомендовал провести границу от входа в пролив и до 60° с.ш. Испанское правительство, не вдаваясь в подробности, согласилось с ним.

Инструкции, полученные Квадрой от Р. Гигедо в октябре 1791 г., отражали взгляды вице-короля Испанской Америки. В них говорилось, что в проливе Хуан-де-Фука должно быть выбрано место для порта, в котором был бы сосредоточен гарнизон, равный британскому гарнизону в Нутка-Саунде. Это распоряжение противоречило духу статьи V конвенции. Но Квадра разделял мнение вице-короля о необходимости создания опорного пункта на пути британской экспансии на западном побережье Северной Америки. Перед отплытием в Нутка-Саунд в конце февраля 1792 г. он сообщал вице-королю, что видел английскую карту, на которой граница между британскими и испанскими владениями на западном побережье Северной Америки проходила непосредственно у Сан-Франциско.

За месяц до прихода в пролив Хуан-де-Фука экспедиции Ванкувера туда прибыл испанский корабль «Принцесса» под командой лейтенанта С. Фидальго. В пяти милях к востоку от мыса Флеттери он создал поселение, названное Нунес-Гаона. Оно должно было служить барьером на пути продвижения англичан на юг.

В то же время испанские власти хотели бы свести к минимуму ущерб, наносимый им конвенцией о Нутка-Саунде. Они надеялись, что во время переговоров с британским уполномоченным уже на месте им удастся заменить ее новым соглашением.

Поджидая Ванкувера в Нутка-Саунде, Квадра старался собрать как можно больше сведений, которые помогли бы

ему отстаивать позицию Испании. Он получил письменное заявление капитана судна «Ифигения» о хорошем обращении с ним Мартинеса во время пребывания корабля в Нутка-Саунде. Капитан также сообщил, что в порту в 1789 г., когда туда прибыл Мартинес, не было никаких британских строений. Два американских капитана — Грей с «Колумбии» и Ингрехэм с «Леди Вашингтон», — присутствовавшие при аресте Колнетта, передали Квадре совместное заявление относительно инцидента в Нутка-Саунде. Их версия совпадала с сообщением Мартинеса и отличалась от того, что утверждал Мирес в своей записке в палату общин. Американские капитаны утверждали, что, торгуя с индейцами в этом районе в течение девяти месяцев, они никогда ни от кого не слышали, что Мирес купил у индейцев участок земли.

Таким образом, к прибытию в Нутка-Саунд Ванкувера Квадра собрал сообщения очевидцев, подтверждавшие версию Мартинеса о происшедшем инциденте.

В Нутка-Саунде Ванкувер получил от капитана «Деделаса» инструкции Адмиралтейства, датированные 20 августа 1791 г. К инструкциям была приложена копия приказа премьер-министра Испании графа Ф. Бланки испанскому уполномоченному на переговорах передать англичанам все строения и земельные участки, принадлежавшие британским подданным в Нутка-Саунде в апреле 1789 г. Ванкуверу предписывалось «передать испанскому офицеру, командующему в этом порту, вышеупомянутую копию приказа графа Ф. Бланки и получить от него строения и землю, которыми подданные Его величества владели в упомянутый выше период». Далее в инструкциях говорилось, что «Деделас» после выполнения своей миссии — снабжения экспедиции Ванкувера всем необходимым — должен направиться в Новый Южный Уэльс.

29 августа Ванкувер получил официальное письмо от Квадры, к которому были приложены заявления де Виана, Грея и Ингрехэма. В своем письме Квадра остановился на событиях в Нутка-Саунде, начиная с открытия его испанцами в 1774 г. Инцидент в порту в 1789 г. он изложил в интерпретации Мартинеса, а претензии Д. Миреса назвал «химерическими». Поэтому, писал Квадра, Испании нечего передавать Англии. Однако в целях установления прочного и постоянного мира Англии будут переданы «без ущерба законным правам Испании» здания и земельные участки в Нутка-Саунде, принадлежащие испанцам. Затем Квадра, выполняя указание вице-короля Испанской Америки о том,

что пролив Хуан-де-Фука должен остаться во владении Испании, заявил, что северная граница испанских владений должна проходить в Нутка-Саунде и британские суда не должны заходить южнее пролива Хуан-де-Фука. Квадра сообщал также, что после передачи англичанам испанской собственности в Нутка-Саунде он переедет в Нунес-Гаону.

Письмо Квадры озадачило Ванкувера. В инструкциях Адмиралтейства годовой давности ничего не говорилось о возобновлении переговоров, касающихся положений конвенции о Нутка-Саунде. Он даже не имел представления, что делать с полученной от испанцев землей, хотя и был знаком с планами создания британской ссыльной колонии на американском северо-западном побережье. У него была копия письма лорда Гренвиля генерал-губернатору Нового Южного Уэльса А. Филлипу по этому поводу. Впоследствии в книге «Плавание на "Дискавери" в северной части Тихого океана и вокруг света» Ванкувер писал, что был уверен в создании ссыльного поселения именно в Нутка-Саунде и до тех пор, пока не получит специальных указаний, предполагал оставить «Чатем» для охраны порта.

В ответном письме Квадре от 6 сентября Ванкувер указал, что не считает себя вправе вступать в обсуждения прав и претензий обеих стран и уполномочен только получить земли, подлежащие передаче Испанией согласно статье I конвенции. Что касается испанского порта, созданного в мае 1792 г. при входе в пролив Хуан-де-Фука, то он, подчеркнул Ванкувер, должен быть свободным для судов обеих стран, так же как все другие порты, которые могут быть основаны к северу от Сан-Франциско — самого северного владения Испании на западном побережье Северной Америки.

В воскресенье, 2 сентября, Ванкувер высадился на берег, чтобы посетить обсерваторию, и встретил Квадру. Как потом писал Ванкувер, Квадра «выразил величайшее удовлетворение от того, что должен вести дела по передаче имущества в Нутке с таким человеком, как я, и что он одобряет все сделанные мною предложения. Он сообщил, что останется на берегу до тех пор, пока плотники не закончат сооружение дополнительного помещения для него на борту его небольшого брига; после этого он либо будет сопровождать нас в нашем исследовательском плавании на юг и проведет в любой испанский порт, который мы пожелаем посетить, либо будет ждать моего прибытия в любом месте, которое я укажу, но считал наиболее подходящими для этой цели Сан-Франциско или Монтерей».

Во время этой встречи Ванкувер заявил, что хочет оставить «Чатем» для охраны порта. Это не вызвало негативной реакции Квадры.

На следующее утро Квадра, завтракая с Ванкувером на борту «Дискавери», предложил нанести совместный официальный визит Макуинне в его резиденции, расположенной в 21 миле от Нутка-Саунда, в местечке, называвшемся Тахшейс. Вечером того же дня Ванкувер получил новое письмо от Квадры, но оно не было вовремя переведено из-за болезни Добсона.

4 сентября, около 8 часов утра, Ванкувер и Квадра в сопровождении испанских и английских офицеров и матросов на четырех шлюпках отправились в Тахшейс. В два часа пополудни они были на месте. Э. Белл, офицер с «Чатема», находившийся в этой группе, пишет в своем дневнике: «Макуинна принял нас с радушием и гостеприимством и, казалось, был весьма доволен оказанной ему честью. Мы прошли в конец дома, где нас посадили на длинные скамьи, покрытые чистыми циновками. Его жены (он имел не менее четырех) и дети, чисто одетые, сидели поблизости, готовые прислуживать нам, а со всех сторон стояли его подданные... Дом Макуинны был удивительно большой, однако жилая его часть, имеющая крышу, была тридцати ярдов в длину и восемнадцати в ширину, крыша находилась в десяти или двенадцати футах от земли и была сделана из длинных еловых балок, концы которых лежали на бревнах, что позволяло при надобности их сдвигать. Но размер бревен был столь велик, что мы не могли себе представить, как индейцам удавалось их устанавливать и укреплять. В этом доме было три таких бревна... Мы измерили одно из них, и оно оказалось в длину шестнадцать морских саженей, а в окружности — двенадцать футов».

Индейцы устроили целое представление для гостей. Мензис записал в дневнике: «Туземцы нарядились у себя дома и теперь собрались у двери вождя; эта группа гротескных фигур... имитировала людей различных стран. Одни представляли европейцев, вооруженных мушкетами, другие — китайцев, некоторые — жителей Сандвичевых островов, вооруженных дубинками и стрелами, остальные — воинов или охотников их собственной нации». Индейцы пели свои песни и танцевали. Ванкувер решил показать им английские народные танцы и попросил нескольких матросов их исполнить.

Поздно вечером гости покинули индейскую деревню. Про-

плыв несколько миль на юг, они остановились на ночлег в удобном месте и поставили палатки, захваченные с собой. На следующий день они вернулись в Нутка-Саунд, сожалея лишь о том, что это продолжалось так недолго.

На обратном пути Квадра попросил Ванкувера в память об этой встрече дать их имена какой-нибудь местности или острову. Ванкувер выбрал один остров и предложил назвать его островом Квадры и Ванкувера. Это название фигурировало на географических картах до середины XIX в., когда оно было заменено на более короткое — остров Ванкувера, — сохранившееся до сих пор, а именем Квадры назван остров, расположенный в верхней части Джорджиан-Бей.

6 сентября Макуинна с двумя женами и несколькими родственниками посетил британские корабли. Ванкувер записал в дневнике: «Вскоре по их прибытии на борт корабля я имел все основания считать своих королевских гостей самыми большими попрошайками, которых я когда-либо видел... Они требовали каждую вещь, которая поражала их воображение... Я был, однако, доволен тем, что имел под рукой все предметы, привлечшие внимание Макуинны и его группы».

По окончании визита высоких гостей был сделан фейерверк, который произвел на них огромное впечатление.

Ванкувер распорядился перевести на «Деделас» двух серьезно заболевших членов экипажа «Дискавери» — врача А. Кренстоуна и боцмана Хауза, а также плотника Филлипса, содержавшегося под арестом. Это позволяло доставить всех их в Англию через Сидней.

Ванкувер попросил Мензиса взять на себя обязанности врача. Тот после некоторого колебания согласился, но оставил за собой право продолжать работу ботаника.

Как уже говорилось, вследствие болезни Добсона письмо Квадры от 3 сентября Ванкуверу было переведено лишь через восемь дней. Его содержание поразило Ванкувера.

В письме Квадра вновь повторял положения, о которых шла речь в его первом послании, говорил о том, что желательно сообщить о сложившейся ситуации правительствам обеих стран и просить их дать дополнительные инструкции. До получения ответа Квадра предлагал оставить все имущество в Нутка-Саунде под ответственность Ванкувера.

Ванкувер ответил, что согласен запросить дополнительные указания от своего правительства, но требовал, чтобы здания и земли, определенные в статье I конвенции и приказе

Ф. Бланки, были незамедлительно переданы в собственность британской короны.

Несмотря на возникновение официальных противоречий, личные дружеские отношения между испанцами и англичанами сохранялись. Почти каждый день Ванкувер и его офицеры обедали у Квадры. После одного из таких обедов Квадра попросил Ванкувера встретиться с ним в присутствии лишь переводчика и одного офицера. Ванкувер согласился. Квадра во время этой встречи опять говорил о том, что этот вопрос должен быть решен правительствами, что он намерен передать всю власть в порту Ванкуверу, что испанский флаг будет спущен и поднят британский и при этом будет произведен обмен артиллерийскими салютами.

Но на следующее утро Ванкувер получил еще одно письмо от Квадры, в котором тот соглашался передать англичанам лишь тот участок, который принадлежал Миресу, в то время как все испанское поселение в Нутка-Саунде должно оставаться в руках испанцев до решения обоих правительств.

Ванкувер незамедлительно ответил отказом. Он писал, что не считает возможным даже обсуждать вопрос о поднятии британского флага над столь ничтожным клочком земли. Честь и достоинство Британии пострадают, если ее флаг будет развеиваться над маленьким участком, в то время как испанский — над находящейся рядом обширной территорией.

Обмен посланиями продолжался. И Квадра и Ванкувер настаивали на своем.

15 сентября Ванкувер прервал переговоры с Квадрой, заявив последнему, что будет считать Нутка-Саунд испанским портом до получения новых указаний от своего правительства, после чего возобновит переговоры. В тот же день в порт вошел торговый корабль «Фенис и Сент-Джозеф» под португальским флагом. Среди экипажа судна находился некий Даффин, который был в Нутка-Саунде вместе с Миресом в 1788 г. и в 1789 г. на «Аргонавте» был захвачен Мартинесом.

По просьбе Ванкувера Даффин сделал следующее письменное заявление: «Зная о различных мнениях относительно прав мистера Миреса на владение Нутка-Саундом, я свидетельствую правдивость отчета Миреса, касающегося упомянутого порта... Когда мы прибыли в Нутка-Саунд, а это произошло в мае 1788 г., вожди Макуинна и Коликам отсутствовали. По их возвращении, то ли 17-го, то ли

18-го числа того же месяца, мистер Мирес, сопровождаемый мною и мистером Робертом Фантером, вторым помощником капитана, высадился на берег и договорился с упомянутыми вождями о передаче всей земли в Нутка-Саунде Его британскому величеству. Мирес купил у них эту землю за 8 или 18 кусков меди и несколько других предметов торговли. Туземцы были вполне удовлетворены этим соглашением... Был поднят британский флаг и выполнены все необходимые в таких случаях формальности... Взяв земли на берегах залива в собственность Его британского величества, мистер Мирес распорядился о строительстве дома... Вожди сказали, что уйдут со своими подданными из района залива и поселятся в месте, называемом Тахшейс, а Нутка-Саунд оставят в полное наше распоряжение как собственников всего залива и прилегающих к нему земель». Далее Даффин заявлял, что построенный Миресом дом имел три комнаты для офицеров и соответствующие помещения для матросов, а также молитвенную комнату. Были построены также складские помещения.

Таким образом, в руках Ванкувера оказался документ, свидетельствовавший в пользу англичан. Квадре было ясно, почему родилась версия Даффина, так же как Ванкуверу и его офицерам было понятно, что представленные Квадрой показания американских капитанов имели целью дискредитировать англичан. Дело в том, что в ту пору между англичанами и американцами, плававшими в районе северо-западного побережья Америки, отношения были откровенно неприязненными.

Позиции обоих уполномоченных оставались непримиримыми, какой-либо компромисс исключался. В своем дневнике Ванкувер писал: «По зрелом размышлении я решил, что передача собственности на условиях, предложенных Квадрой, никогда не должна состояться; по крайней мере порт Нутка-Саунд целиком должен был стать объектом реституции (в международном праве — возвращение одним государством другому незаконно захваченного имущества. — *К.М.*). Если бы я принял предложение Квадры, то действовал бы в прямом противоречии с моими обязанностями и убеждениями».

Несмотря на все это, личные отношения уполномоченных по-прежнему оставались великолепными. 21 сентября, за день до отплытия Квадры из Нутка-Саунда в Калифорнию, Ванкувер записал в дневнике: «Квадра оказал мне честь, приняв приглашение на обед... день прошел в высшей

степени приятно и весело. Было решено, что следующий раз мы встретимся в Монтерее».

Квадра не только принял предложение Ванкувера, но и немедленно распорядился о подготовке эвакуации Нунес-Гаоны, что, конечно, не могло не обрадовать Ванкувера, хорошо понимающего положительное значение этого шага для Великобритании.

Ванкувер сделал некоторые перестановки офицеров на своих судах. Капитаном «Деделаса» стал лейтенант Хаусон, первый помощник капитана «Чатема». На место Хаусона был назначен Джонстон, шкипер на «Чатеме». Его место занял Свейн, помощник шкипера на «Дискавери», но затем он был опять возвращен на «Дискавери» в качестве третьего помощника капитана, а на его место был назначен Менби, другой помощник штурмана на «Дискавери».

Главной задачей Ванкувера тогда было изыскание наилучшего способа передачи в Лондон сообщения о его переговорах в Нутка-Саунде. Он договорился с капитаном «Фенис и Сент-Джозеф» о том, что тот доставит первого помощника капитана «Дискавери» Маджа, которому Ванкувер передаст необходимые документы, в Китай, откуда тот направится в Англию. «Фенис и Сент-Джозеф» покинул Нутка-Саунд 30 сентября. Забегая вперед, скажем, что Мадж благополучно добрался до Лондона и передал сообщения Ванкувера.

Аналогичное поручение Ванкувер дал капитану «Чатема» Броугтону, который несколько позднее на испанском судне «Активa» прибыл в Сан-Блас, а оттуда по суше добрался до испанского порта Веракрус, на Атлантическом побережье Мексики, и сел на корабль, шедший в Лондон. Пока же Броугтон продолжал командовать «Чатемом».

12 октября «Дискавери», «Чатем» и «Деделас» покинули Нутка-Саунд, взяв курс на Калифорнию.

По пути Ванкувер намеревался еще раз исследовать побережье и проверить правильность проведенного ранее картографирования калифорнийского побережья, детально исследовать залив Грея и реку Колумбия. Вначале погода благоприятствовала плаванию. Корабли достигли залива Грея в один из ясных дней, какие иногда бывают на этом побережье в октябре. Но вскоре погода испортилась. Ванкувер, оставив для продолжения исследований «Чатем» и «Деделас», повел «Дискавери» в Сан-Франциско.

Броугтон сумел ввести «Чатем» в устье реки Колумбия и пройти по ней 15 миль. Затем многочисленные мели сделали невозможным дальнейшее продвижение суд-

на; Броугтон решил идти дальше на шлюпке, а «Чатем» оставил на якоре. Взяв с собой недельный запас продовольствия, Броугтон прошел по реке около сотни миль до места, находившегося в нескольких милях от нынешнего города Ванкувер, в американском штате Вашингтон. Он назвал это место Пойнт-Ванкувер и вернулся на корабль. Броугтон убедился в том, что река несудоходна и не является северо-западным проходом.

«Деделас» в течение нескольких дней исследовал залив Грея, а затем пошел к Монтерею, который был заранее определен как место встречи.

Пока Броугтон исследовал Колумбию, «Дискавери» продолжал плавание вдоль американского побережья. Миновав Мендосино, Ванкувер максимально приблизился к берегу, чтобы расширить зону исследований береговой линии к югу. Погода несколько улучшилась, но англичан ждала неприятность. У шестерых членов экипажа обнаружились симптомы цинги. Ванкувер надеялся получить свежее продовольствие в Сан-Франциско, в то же время ему хотелось закончить исследование побережья и ничего не пропустить. Это затягивало плавание. «Дискавери» подошел к Сан-Франциско ночью 14 ноября и остановился в двух милях от входа во внутреннюю гавань. С наступлением дня на берегу показалась группа людей, делавших знаки прислать за ними шлюпку. Вскоре на борту корабля появились испанский сержант и францисканский миссионер, которые приветствовали прибывших и предложили им свою помощь. Оказалось, что в темноте с «Дискавери» не заметили форта, и он вошел в залив значительно дальше, чем это делали испанские суда. Днем на борт «Дискавери» поднялись комендант форта Х. Саль и глава францисканской миссии, которые также обещали свою помощь. Прибывшие сообщили, что вице-король дал указание оказывать экспедиции Ванкувера дружественный прием и снабжать ее всем необходимым. Надо сказать, что иностранным судам в портах Калифорнии испанцы никогда не устраивали такого приема. Саль предложил, чтобы «Дискавери» подошел ближе к форту и пополнил запасы питьевой воды и дров, которые здесь хорошего качества.

У Ванкувера быстро сложились очень хорошие отношения с Салем, его женой и офицерами форта. Осматривая форт, Ванкувер обнаружил, что он лишь частично построен, мал, невзрачен, лишен удобств и почти совершенно незащищен. Последнее обстоятельство поразило Ванкувера, ибо он считал Сан-Франциско главным оплотом,

защищавшим испанские поселки, расположенные к югу от него.

Ванкувер посетил находившуюся неподалеку францисканскую миссию. Во время беседы он выразил желание побывать в миссии Санта-Клара, расположенной недалеко от южной оконечности залива Сан-Франциско, в 55 милях от форта. Саль с большим удовольствием дал разрешение и обещал на следующее утро прислать проводников и лошадей.

Рано утром Ванкувер и несколько английских офицеров в сопровождении шести испанских солдат отправились в путь; к вечеру они достигли миссии.

Со дня основания миссии никто из иностранцев не заходил так далеко в глубь страны. Миссионеры встретили англичан очень приветливо, и те провели два весьма приятных дня. Земля была прекрасна, сады роскошны, миссионеры производили зерна гораздо больше, чем потребляли.

Вернувшись в Сан-Франциско, Ванкувер увидел в заливе стоящий на якоре «Чатем», который прибыл после исследования реки Колумбия. «Дискавери» был почти готов к отплытию в Монтерей, находившийся в 80 милях к югу. Испанцы уже успели доставить скот, овощи, яйца. Ванкувер хотел расплатиться, но Саль, к его удивлению, отказался взять деньги. Квадра, сказал он, предупредил его, что сам сочтется с Ванкувером в Монтерее. В конце ноября Ванкувер был в Монтерее, который тогда был столицей Калифорнии; и там он обнаружил «Деделас», прибывший на четыре дня раньше.

После выполнения обычных формальностей и обмена орудийными салютами Ванкувер возобновил свои дружественные отношения с Квадрой, ожидавшим его приход почти месяц. Квадра сообщил Ванкуверу, что получил приказ задерживать все корабли, занимающиеся торговлей на американском побережье, кроме тех, которые принадлежат испанцам и англичанам. Распоряжение, как поняли Ванкувер и Квадра, свидетельствовало о том, что между правительствами обеих стран достигнуто окончательное соглашение относительно Нутка-Саунда. Ванкувер искал способ как можно скорее доставить свой отчет о результатах переговоров с Квадрой в Лондон. Из Нутка-Саунда он сообщил Адмиралтейству о своем намерении послать «Чатем» в Англию после посещения Калифорнии. Одновременно он просил Адмиралтейство передать Броугтону новые инструкции и отправить его назад на лучшем судне,

чем «Чатем», предпочтительно на 44-пушечном корабле. В Монтерее же Ванкувер понял, что если он пошлет Броугтона через Мексику в Англию, то его отчет попадет в Адмиралтейство значительно быстрее, а «Чатем» можно будет использовать для продолжения исследований. Квадра целиком поддержал эту идею и обеспечил быстрое ее осуществление.

Он разрешил установить на берегу обсерваторию и предложил даже помощь своих людей. На «Дискавери» и «Чатем» были перенесены предназначавшиеся для них припасы с «Деделаса». Начались необходимые ремонтные работы. Организовав все это, Ванкувер смог вернуться к наблюдению жизни испанцев в Монтерее.

Одним из первых был его визит в миссию Сан-Карлос, находившуюся в двух милях от форта. Ванкувер и сопровождавшие его офицеры были радушно встречены главой католических миссий в Калифорнии Ф.Ф. де ля Суэном.

Квадра дал Ванкуверу лошадей, и англичане получили возможность совершать прогулки по окрестностям. Т. Менби записал в дневнике: «Мы часто уезжали на весь день... Великолепные просторы этого места Калифорнии действительно превосходят все известное в мире».

В конце декабря «Деделас» покинул Монтерей. На борт «Деделаса» было погружено 36 овец для нужд британской колонии Новый Южный Уэльс. По пути судно должно было зайти на ряд тихоокеанских островов. В Сидней «Деделас» прибыл через четыре месяца, доставив в колонию лишь четыре овцы, все остальные погибли.

Когда Ванкувер спросил Квадру, сколько он ему должен заплатить за скот и продовольствие, испанец отказался даже обсуждать этот вопрос, галантно заявив, что он делал это с единственной целью удовлетворить все нужды Ванкувера и его людей.

Видя такую любезность, Ванкувер решился попросить Квадру дать ему четырех коров, четырех овец и несколько баранов. Все это Ванкувер хотел привезти жителям Гавайев, где он предполагал провести зиму. Квадра охотно выполнил эту просьбу.

«Дискавери» и «Чатем» были готовы выйти в море в первую неделю января 1793 г. Но отплытие было отложено на неделю из-за дезертирства с «Чатема» пушкаря и матроса. До этого, в декабре сбежал матрос с «Дискавери», и на его розыски был послан отряд моряков. Скоро стало известно, что он скрывается в одной из католических миссий. Несколько миссионеров попросили Ванкувера

простить беглеца, но все, что он обещал — это не наказывать матроса, пока «Дискавери» находится в Монтерее. Посланная за дезертиром группа матросов доставила его на корабль, где он был закован в кандалы. Позже он был наказан 60 ударами плетью — это было самым тяжелым наказанием, которое применил Ванкувер в продолжение всей экспедиции.

Три человека сбежали также с «Деделаса», и Квадра предложил трех своих моряков.

Когда дезертировали два человека с «Чатема», Ванкувер обещал награду в 25 долларов тому, кто их найдет. Квадра и комендант форта, в свою очередь, также объявили о денежной награде.

В течение нескольких дней солдаты рыскали по окрестностям, но без всякого успеха. Английские офицеры считали, что сами испанцы их прячут. Подозревали также, что пушкаря сманили испанские офицеры, обещав большое жалованье.

Как бы там ни было, но не прошло и двух месяцев после ухода экспедиции, как вице-королю было направлено сообщение, что все пятеро дезертиров находятся в Монтерее. Моряки объясняли дезертирство тем, что трое из них были католиками и им было запрещено посещать мессы, а двое других хотели перейти в католичество.

Вице-король, получив это сообщение, распорядился при первой возможности передать дезертиров Ванкуверу, получив от него плату за расходы, связанные с содержанием беглецов. Переход в католичество двум морякам был запрещен.

Других случаев дезертирства за все время экспедиции не было. Дезертирство в Монтерее, вероятно, было вызвано тем, что британские моряки неожиданно для себя попали в «райские» условия. Гостеприимство испанцев произвело на некоторых членов экипажей судов столь сильное впечатление, что они решились на этот поступок, совершенно не представляя себе, какой будет их жизнь под властью испанцев.

Распорядившись вернуть беглецов Ванкуверу, вице-король Испанской Америки Р. Гигедо дал понять, что не поддерживает дезертирства. Надо сказать, что последующие визиты Ванкувера в Калифорнию проходили не в столь дружественной обстановке и желание дезертировать у членов экипажей судов исчезло.

После шести дней бесплодных поисков дезертиров Ванкувер стал готовиться к отплытию. Он передал свои материалы Броугтону, который вместе с Квадрой отправлялся

на испанском судне «Активa» в Сан-Блас. Вместо него командиром «Чатема» Ванкувер назначил своего первого помощника на «Дискавери» лейтенанта Паджета. Серьезной потерей для экспедиции было исчезновение пушкаря, который одновременно был и кузнецом на «Чатеме», причем единственным. Но Квадра и на этот раз выручил Ванкувера, предложив ему местного кузнеца. Ванкувер писал, что принял предложение испанца с большой неохотой и сделал это только из-за того, что положение было безвыходным. Паджет в своем дневнике сообщает причину такой позиции Ванкувера. Дело в том, что кузнец ни за что не хотел служить на корабле и был доставлен туда под стражей.

Итак, у Ванкувера установились с испанцами самые дружеские отношения, которые он всячески культивировал. Никаких столкновений его людей с испанцами не было ни в Нутка-Саунде, ни в Монтерее. Его отношение к испанцам — теплота и внимание к ним — разительно отличалось от строгого, холодноватого, несколько отчужденного отношения к членам своей экспедиции.

Ванкувер явно стремился завоевать расположение испанцев, чего и добился. Без этого он не смог бы выполнить тот пункт инструкции Адмиралтейства, в котором ему предписывалось как можно тщательнее изучить «число, размеры и расположение всех поселений, находящихся между 30° и 60° с.ш.». Выполняя это предписание, Ванкувер оставил и Адмиралтейству, и далеким потомкам детальнейшее описание жизни испанцев в Калифорнии. Он был первым, кто сорвал завесу, скрывавшую действительное положение в испанских поселениях на западном побережье Северной Америки. Ванкувер подчеркивал в своей книге «Плавание на "Дискавери"», что испанцы не смогли экономически закрепиться на американском берегу, установить устойчивые торговые отношения с местным населением. Их форты были слишком слабы, чтобы являться действительными форпостами Испании в этом районе, они фактически лишь осуществляли охрану католических миссий.

Пробыв в Монтерее почти два месяца, «Дискавери» и «Чатем», сопровождаемые испанскими судами «Активa», где находились Квадра с Броугтоном, и «Аранзаду», в середине января 1793 г. покинули порт. Первые несколько дней флотилия шла на юг, затем «Активa» повернула на юго-восток, к Сан-Бласу, а Ванкувер пошел дальше на юг, к Гавайским островам.

Несколько дней спустя на «Дискавери» пропал помощник

плотника. Это была вторая смерть за время экспедиции. Скорее всего он покончил с собой, бросившись в море. Другого объяснения не было. Пропавший хорошо плавал, море в это время было спокойно, и если б он по какой-либо причине упал за борт, то безусловно выплыл и был бы поднят на борт.

Идя после расставания с Квадрой на юг, Ванкувер стремился не только достичь Гавайев, но и выполнить задание Адмиралтейства — исследовать острова Лос-Махос, обозначенные на старых испанских картах почти на 10° к востоку от Гавайев. После третьего плавания Кука было много разговоров о том, что открытые им Сандвичевы острова и есть острова Лос-Махос. Среди участников экспедиции Ванкувера было немало людей, также считавших, что это одни и те же острова.

Французский мореплаватель Ж.Ф. Лаперуз в отчете о своем плавании в 1785—1788 гг. впервые предположил, что острова Лос-Махос являются Гавайскими островами, найденными Куком. Но он считал, что испанцы могли раньше Кука обнаружить этот архипелаг, например испанский капитан Гайтон, посланный в экспедицию из Мексики в 1542 г. При этом Лаперуз ни в коей мере не стремился принизить значение открытий Кука, которого он называл «Колумбом Тихого океана», открывшим «берега Аляски и почти все острова Южного моря».

В отчет английского капитана Дж. Энсона о плавании в Тихом океане в 1740—1744 гг. была включена карта, захваченная на одном из испанских галионов. На этой карте была показана группа островов, расположенных к востоку от Гавайев. Они были на той же широте, что и Гавайи, но по долготе — почти посредине между Гавайями и Мексикой на современных картах.

Дж. Барней, ходивший с Куком в его третье плавание в 1778 г., опубликовал книгу «Хронологическая история путешествий и открытий в Южном море», в которой сообщал о грубых ошибках, обнаруженных им на карте Энсона. Оригинальная испанская карта Тихого океана была на двух листах, и воспроизведение ее на одном листе в книге Энсона привело к громадным искажениям. Барней ссылаясь на карты, опубликованные в Маниле в 1754 г., на которых острова Лос-Махос помещены на 10° к востоку от Гавайев.

Барней, так же как и Лаперуз, считал, что Гавайи и Лос-Махос — одни и те же острова. Ошибка же в обозначении долготы возникла вследствие того, что в старину

штурманы галионов не имели возможности достаточно точно определить долготу или же не делали по незнанию поправок на океанские течения, относившие их корабли на запад.

Это мнение было широко распространено до 1916 г., когда шведский географ Э. Далгрэн опубликовал книгу «Были ли Гавайские острова открыты испанцами до их открытия капитаном Куком в 1778 году?». Автор ответил на поставленный вопрос отрицательно. Изучив испанские архивные документы, касавшиеся открытий испанских капитанов, он не обнаружил ничего, что могло бы ассоциироваться с Гавайями. «Нет исторических фактов, — заключил Далгрэн, — которые бы доказывали, что испанцы когда-либо посещали и даже видели Гавайские острова до их открытия капитаном Куком в 1778 г.». Казалось, что Далгрэн сказал последнее слово по этому вопросу.

Но в его работе есть очевидные противоречия. Далгрэн утверждал, что в старину испанские штурманы галионов не могли определить долготу во время плавания, но вместе с тем допускал, что они достаточно хорошо ориентировались в океанских течениях. В то же самое время он неоднократно подчеркивал, что испанцы не были знакомы с течениями и именно это приводило к ошибкам в определении расстояния между Акапулько и Манилой. В нескольких случаях, указывал Далгрэн, ошибки в определении расстояния, допущенные на ранних картах, происходили от влияния северного экваториального течения, которого испанцы не знали.

Когда Кук попал на Гавайи, его поразило то, что островитяне знакомы с использованием железа и что они прежде всего старались выменять ножи. Он предположил, что куски железа могли быть ими извлечены из обломков кораблей, потерпевших крушение, или сняты с бочек, выбрасываемых волнами на берег. Далгрэн и другие разделяли это мнение Кука. Но в нем есть одно уязвимое место. Железо в те времена в течение даже непродолжительного пребывания в соленой воде так ржавело, что не могло быть использовано человеком, особенно островитянином, никогда до того не видавшим его.

Кук также утверждал, что если бы испанцы знали о существовании Гавайских островов, то последние, конечно, стали бы местом пополнения запасов воды, дров и продовольствия. Это серьезный аргумент в пользу того, что Гавайи впервые открыл Кук. Но и он может быть оспорен. В трюмах галионов, плывших в Манилу, находились дра-

гоценности, полученные в Испанской Америке. Они представляли собой богатейший приз для пиратов. Галионам надо было как можно быстрее достичь Манилы. Путь из Акапулько к Гуаму, где они всегда делали остановку, занимал только два месяца, климатические условия были идеальными. Галионы обычно проходили в трех-четыре сотнях миль к югу от Гавайев, менее чем через месяц после того, как покинули Акапулько, когда они имели еще достаточные запасы воды, дров и продовольствия. Этот путь был хорошо изучен ими.

И тем не менее нельзя исключить, что за столетия постоянных плаваний из Акапулько в Манилу и обратно испанские мореходы видели Гавайи или даже побывали на них. Но, безусловно, знакомство европейцев с архипелагом произошло после 1778 г., и Кук по праву считается его первооткрывателем.

Когда в 1793 г. Ванкувер направился к островам Лос-Махос, они по-прежнему обозначались на картах на 10° к востоку от Гавайев. Отчет о плавании Лаперуза был опубликован лишь в 1797 г., а перевод его на английский язык — в 1798 г. Таким образом, Ванкувер не знал ничего о плавании французского капитана.

В январе и феврале 1793 г. «Дискавери» и «Чатем» в течение десяти дней при ясной погоде плавали в районе, где должны были находиться острова Лос-Махос, но никакой земли не обнаружили. Надо сказать, что и на следующий год Ванкувер искал острова, проходя на этот раз на несколько миль южнее прежнего маршрута, и опять ничего не обнаружил. Таким образом, экспедиция Ванкувера подтвердила то, что острова Лос-Махос и Гавайи — одно и то же.

Менее чем через месяц после выхода из Монтеррея «Дискавери» и «Чатем» подошли к острову Гавайи. Здесь Ванкувер разделил корабли. «Чатем» был направлен исследовать южное побережье острова и должен был прийти в залив Кеалакеуа. «Дискавери» же проводил исследование северного побережья.

Никаких особых событий во время плавания обоих судов не произошло. Лишь когда «Дискавери» бросил якорь у западного побережья острова, недалеко от его северной оконечности, Ванкувер встретил там Кеааумоку, тестя Камеамеа — короля острова. Кеааумоку прежде всего попытался выменять у Ванкувера мушкеты, но тот категорически отказался от этого, и торговля пошла обычным своим порядком. Кеааумоку попросил доставить его с женой

в залив Кеалакекуа. При слабом ветре «Дискавери» медленно шел вдоль побережья. Вскоре его нагнал «Чатем», и остальной путь суда прошли вместе.

За день до прихода судов в залив Кеалакекуа на борту «Дискавери» появился Камеамеа, заявивший, что хочет сопровождать Ванкувера до якорной стоянки недалеко от его родной деревни. Но Ванкувер, хотя и принял Камеамеа с почестями, не разрешил ему остаться на борту судна на ночь, ибо все еще подозревал островитян в намерении захватить корабли экспедиции.

Когда на следующее утро «Дискавери» и «Чатем» достигли места стоянки, их окружили многочисленные каноэ, наполненные празднично настроенными островитянами. Сразу же после того как корабли стали на якорь, от берега отошли одиннадцать больших каноэ. В самой большой лодке с 36 гребцами находился сам король, на котором был роскошный, украшенный желтыми перьями плащ. Эта небольшая флотилия в образцовом порядке прошла вокруг британских судов. Затем десять лодок, сопровождавших каноэ короля, выстроились по прямой линии у кормы «Дискавери». Королевская лодка мощным рывком подошла к кораблю и резко остановилась в шаге от его борта. Камеамеа по трапу поднялся на палубу. Он с большой экспрессией приветствовал англичан и выразил надежду, что между ними установятся самые дружественные отношения. Церемония встречи прошла весьма торжественно и пышно. Камеамеа, объединивший в конце концов под своей властью весь архипелаг и ставший наиболее крупной личностью в истории Гавайев, «Наполеоном Тихого океана», мог позволить себе это.

Камеамеа подарил Ванкуверу несколько украшенных перьями головных уборов и снабдил его таким большим количеством разнообразной провизии, что ее не удалось погрузить на «Дискавери» за один раз. Щедрость короля, возможно, объяснялась тем, что Ванкувер передал Камеамеа привезенный из Калифорнии скот. Когда Ванкувер просил Квадру дать ему скот для жителей Гавайев, он имел в виду интересы не только островитян, но и европейцев, которые в дальнейшем будут посещать архипелаг. Ванкувер был уверен, что в благоприятных климатических условиях Гавайев при заботливом уходе маленькое стадо быстро увеличится. Ему доставило большое удовольствие наблюдать, с каким интересом относился к животным Камеамеа, называвший овец большими свиньями и лично следивший за погрузкой их на каноэ и доставкой на берег.

Кееаумоку и Каиана, в отношении которых у Ванкувера возникли, как указывалось выше, подозрения при посещении архипелага год назад, также пожелали участвовать в торговом обмене с англичанами, предложив Ванкуверу свиней. Но Ванкувер уже решил сделать ставку на Камеамеа. Полагая, что всякие отношения с другими вождями будут раздражать Камеамеа, он отказал и Кееаумоку и Каиане.

И понял, что не ошибся. Когда Каиана вошел в капитанскую каюту и в присутствии Камеамеа сделал свое предложение, Ванкувер увидел то зверское выражение на лице короля, которое он хорошо запомнил еще со времени своего первого посещения архипелага в экспедиции Кука пятнадцать лет назад. Ванкувер отказывался торговать, Каиана настаивал. Камеамеа хранил молчание. Вдруг он неожиданно вмешался в беседу, категорически заявив, что имеет большие возможности снабжать англичан свиньями и всем прочим, когда у них иссякнут запасы. Это положило конец разговору и укрепило дружеские отношения между Ванкувером и Камеамеа.

На службе у Камеамеа находились два белых человека: И. Дэвис со шхуны «Феа Америкен», захваченной одним из вождей на севере острова Гавайи, и Д. Янг, боцман с корабля «Элеонора», находившегося в то время в заливе Кеалакекуа. Последний появился на берегу вскоре после захвата шхуны и был задержан по приказу Камеамеа, заподозрившего, что капитан «Элеоноры» послал его на остров, чтобы узнать о судьбе «Феа Америкен».

Позднее Камеамеа взял этих людей на службу, и, хотя они находились на положении пленников, их приравняли к вождям и они стали советниками короля. Янг обычно сопровождал Камеамеа при его посещениях «Дискавери» и «Чатема». Он и Дэвис наблюдали за торговлей островитян с англичанами и поддерживали порядок.

Камеамеа предложил Ванкуверу участок земли для размещения обсерватории. Для сохранения дружественных отношений, возникших с первой встречи, Ванкувер и Камеамеа договорились о мерах, регулирующих поведение англичан и островитян в порту. Камеамеа просил, чтобы англичанам было запрещено посещать священные места гавайцев, бродить по острову, чтобы Ванкувер не допускал на борт своих кораблей никого, кроме наиболее крупных вождей. Ванкувер, сочтя эту просьбу резонной, согласился с ним и добавил несколько собственных установлений. Опасаясь, что его люди не устоят от соблазна продать островитянам что-либо из огнестрельного оружия, обладать которым те

так жаждают, или гавайцы попросту его украдут, Ванкувер разрешил им появляться на берегу только с карманными пистолетами, которые позволялось пускать в ход лишь в случае самообороны. Он запретил гардемаринам выходить на берег без офицеров. Несмотря на дружелюбное отношение островитян к нему и его людям, Ванкувера не оставляли подозрения, и поэтому он высадил на берег для охраны обсерватории группу вооруженных матросов, а суда поставил так, чтобы они могли огнем своих пушек прикрыть обсерваторию в случае опасности.

Десять дней спустя Ванкувер решил посетить место, где был убит Кук. Он убедился в том, что гибель Кука осталась в памяти гавайцев как великое событие в их истории.

Ванкувер хотел использовать это посещение для демонстрации могущества Британии, намереваясь поразить островитян.

Был воскресный день. Команды судов в парадной форме выстроились на берегу. Затем торжественным маршем они прошли мимо Камеамеа, окруженного вождями острова. Нужный Ванкуверу эффект был достигнут.

В свою очередь, Камеамеа пригласил британских офицеров присутствовать на военной игре своих подданных, назначенной на следующий день. Игра заключалась в том, что две группы островитян бросали друг в друга затупленные дротики. Наиболее опытные воины выходили вперед, привлекая всеобщее внимание. В них бросали дротики. Одни они отбивали своим дротиком, находившимся в левой руке, другие — ловили правой. Камеамеа тоже принял участие в игре, и ни один из шести дротиков, брошенных в него почти одновременно, не попал в цель. Три он поймал, два отбил дротиком, а от одного ловко увернулся. Игра длилась дотемна. Ванкувер закончил встречу фейерверком, который очень нравился островитянам.

Ванкувер был человеком своего времени, верой и правдой служившим британской короне. Завязывая дружественные отношения с Камеамеа, он имел в виду договориться с ним о передаче острова под власть Великобритании. Для этого сначала Ванкувер постарался восстановить мир на архипелаге. Он предложил главным вождям островов собраться и обсудить пути к прекращению междоусобных войн, но, увидев непримиримость враждующих сторон, отказался от этой идеи и прямо предложил Камеамеа передать остров Гавайи под власть британского монарха. Камеамеа соглашался обсуждать условия сделки только в том случае,

если Ванкувер оставит один из своих кораблей для защиты острова от нападения врагов. Неблагодарно, сказал он, приняв остров, оставить его без защиты, потом добавил: «Можно ли ожидать, что гавайцы станут действительно сражаться за свою страну, если они будут опрометчиво брошены теми, кто должен их защищать?»

Ванкувер, конечно, был совершенно не готов оставить один из кораблей экспедиции для защиты острова. Все дальнейшие переговоры с Камеаеа и его советниками ни к чему не привели. Камеаеа явно стремился использовать интерес Ванкувера к архипелагу для получения британской помощи в борьбе за объединение островов под своей властью. Поэтому Ванкувер решил не форсировать события, не нажимать на Камеаеа, а возобновить переговоры после нового посещения архипелага через год.

Ванкувер уже почти две недели находился в заливе Кеалакекуа. Он решил пройти всю цепь островов. Суда были полностью готовы к отплытию. При расставании Ванкувер щедро одарил Камеаеа. Некоторые из подарков имели чисто практическое применение. Для украшения королевской лодки Ванкувер подарил красочную окантовку парусов, британский флаг «Юнион Джек» и вымпел. Камеаеа выразил глубокую признательность за этот подарок, но сказал, что для укрепления его позиций было бы лучше дать ему для каноэ несколько небольших пушек. Ванкувер признал справедливость его слов, но напомнил о «табу» британского короля Георга III, не позволявшего это сделать.

Камеаеа, в свою очередь, подарил Ванкуверу плащ с красными и желтыми перьями, а в качестве специального презента для британского монарха — свой огромный плащ с желтыми перьями, в который он был одет во время первой официальной встречи с Ванкувером.

Покинув залив Кеалакекуа, Ванкувер направился к острову Мауи для встречи с Каекили и Каео. Одновременно он хотел исследовать южное и западное побережья острова.

Когда «Дискавери» шел вдоль западного побережья острова, на его борту появился посланец Каекили. Он осведомился, чей это корабль и каковы намерения капитана, не послан ли он для расследования убийства капитана «Деделаса» Хергеста и его людей на острове Оаху. Ванкувер заверил посланца, что у него нет намерения прибегать к крутым мерам, но он очень хочет встретиться с Каекили, чтобы найти убийц, а также узнать его мнение о прекращении междоусобной войны на архипелаге.

За первым визитом последовал второй. На этот раз прибыл Камоомо, младший брат Каекили, который сообщил, что лучшая якорная стоянка находится у деревни Лааина, в северо-западной части острова. На вопрос Ванкувера об убийствах на Оаху, которые произошли год назад, он ответил, что ни Каекили, ни Каео совершенно к этому непричастны. Каекили уже казнил трех человек за участие в этом преступлении.

Но Ванкувер был уверен, что в убийстве англичан с «Деделаса» замешаны не три человека, а больше, и решил самым тщательным образом расследовать все это дело. Тем не менее, прибыв в Лааину, он не спешил начать переговоры с Каекили. Он подождал, пока Уидби закончил изучение побережья на шлюпке, а Мензис вернулся после ботанической экскурсии в глубь острова.

Положение на Мауи было бедственным, что являлось следствием бесконечных междоусобных войн, заставлявших Каекили держать на острове большую армию, которая не принимала участия в обработке земли, но для которой требовалось много продовольствия.

В книге «Плавание на "Дискавери"» Ванкувер писал, что, прекратив войны, можно было бы быстро добиться изобилия продуктов на архипелаге. Но это не были мечты альтруиста. И в этом случае Ванкувер исходил не из интересов островитян, а из интересов Великобритании.

Менби в своих записках был предельно откровенен на этот счет: «Если Великобритания когда-нибудь попытается колонизовать северо-западное побережье Америки, эти острова дадут достаточное количество продовольствия, легко будет также наладить производство рома и сахара».

И на Мауи и на Кауаи Ванкувер настойчиво внушал вождям мысль о необходимости всеобщего примирения, убеждал, что Камеамеа имеет самые лучшие намерения и жаждет мира. Но Ванкуверу не верили. Каекили утверждал, что Камеамеа ждет случая вернуться на Мауи и захватить остров, и он был прав. Смерть настигла Каекили в 1794 г. Началась борьба за власть между его преемниками. Камеамеа неожиданно напал и в течение года захватил не только Мауи, но Оаху и все другие острова, расположенные между островами Гавайи и Мауи.

Каео оказался более гибким. Он сказал Ванкуверу, чтобы тот на следующий год по прибытии на архипелаг остановился прежде всего у Мауи, где Каео сядет на «Дискавери» и отправится вместе с Ванкувером на остров

Гавайи для встречи с Камеамеа и подписания мирного соглашения.

Обследование днища «Чатема» показало, что судну требуется существенный ремонт, который на Гавайях сделать было невозможно. Поэтому Ванкувер отправил корабль в Нутка-Саунд, где можно было выполнить эти работы, а сам на «Дискавери» отправился к острову Оаху, чтобы завершить расследование убийств и наказать виновных.

В середине марта корабли разошлись у острова Мауи, и «Чатем» направился в Нутка-Саунд, по пути он провел исследование северного побережья острова Молокаи. При благоприятной погоде плавание до Нутка-Саунда заняло всего три недели.

Вместе с Ванкувером на Оаху отправился и Камоомо. По пути к Оаху «Дискавери» исследовал южное побережье Молокаи. Ванкувер предполагал идти вокруг Оаху к деревне на северо-западе острова, где произошло убийство. Но Камоомо утверждал, что виновные в преступлении живут сейчас на берегу залива Ваикики, поэтому «Дискавери» стал на якорь в этом заливе, и Ванкувер сразу же приступил к расследованию, которое показало следующее.

Прибыв к острову Оаху в 1792 г., «Деделас» остановился недалеко от селения Ваимеа, в северо-западной части острова. Капитан корабля Хергест, астроном Гуч и небольшая группа матросов высадились на берег. Пока матросы занимались поисками пресной воды, Хергест и Гуч пошли погулять. Они подошли к деревне, где были весьма радушно встречены ее жителями.

В это время между матросами, набравшими воду, и островитянами возникла стычка, в ходе которой один из англичан был убит. Когда сообщение об этом достигло деревни, настроение жителей мгновенно изменилось. Они убили Хергеста и Гуча — главным образом потому, что опасались мести Хергеста за убийство своего матроса.

Когда «Дискавери» находился в заливе Ваикики, на борт судна поднялся Дж. Колемен, американский моряк, который год назад был на острове Кауаи, а теперь служил у Каекили. Он привел с собой островитянина, знающего английский, который был с Хергестом на «Деделасе», чтобы тот изложил свою версию инцидента. Островитянин заявил, что не советовал Хергесту высаживаться в этом месте, поскольку вождь отсутствовал, а в таких случаях

нельзя поручиться за лояльное поведение его людей. Он также сказал, что человек, убивший Гуча и ранивший Хергеста, а также два других виновника убийства схвачены и казнены по приказанию Каекили. Колемен сказал, что слышал эту версию много раз и что другие свидетели могут подтвердить достоверность этого рассказа.

На следующее утро Камоомо появился на «Дискавери» вместе с Колеменом и сообщил, что у него в каноэ сидит человек, убивший Хергеста, и двое других, подозреваемых в убийствах. Все трое были доставлены на борт корабля. Местный вождь указал на главного убийцу, и Колемен немедленно подтвердил, что островитяне считают его одним из убийц Хергеста, но сказал, что ничего не знает о двух других.

Главный вождь острова, сказавшись больным, прислал человека сообщить, что подтверждает виновность всех троих.

На следующий день трое островитян были застрелены из пистолета их собственным вождем. Ванкувер был уверен в справедливости своих действий. Но, по всей вероятности, эти люди были невиновны, вожди принесли их в жертву, чтобы поскорее избавиться от опасного гостя, который мог доставить им много неприятностей.

Перед отплытием Ванкувер получил сообщение о том, что в юго-западной части острова находится обширная бухта, в которую по узкому и извилистому каналу могут войти и крупные суда. Д. Уидби был послан исследовать канал и бухту. Он обнаружил песчаную отмель, блокирующую вход в канал, но дальше по ходу канала нашел две бухты длиной около мили, образующие уютную и спокойную небольшую гавань. «К сожалению, — сообщал он, — отлив делает возможным проход лишь очень маленьких судов».

Это было одно из самых ранних сообщений европейцев о Перл-Харборе, получившем печальную известность в годы второй мировой войны.

От Оаху Ванкувер направился на остров Кауаи. По пути туда англичане встретили самое большое каноэ, которое они когда-либо видели в этих местах. Лодка, сделанная из ствола одного дерева, была 61 фута в длину. Ванкувер был уверен, что дерево это с северо-западного побережья Америки и на Кауаи принесено океанским течением. Позднее он узнал, что к берегам острова подплывает много таких деревьев.

Ванкувер недолго пробыл на Кауаи и 30 марта 1793 г.

направился в Нутка-Саунд. На Гавайских островах он провел семь недель.

26 апреля стал виден мыс Мендосино, а 2 мая «Дискавери» бросил якорь в заливе, открытом Квадрой во время экспедиции 1775 г. и названном им Порто-де-ла-Тринидад. Три дня корабль простоял в заливе. За это время были доставлены свежая вода и дрова. На берегу залива Ванкувер посетил индейскую деревню, состоящую из пяти домов, в которых проживало до 60 человек. Но в первый же день на берегу собралось большое количество индейцев, быстро узнавших о пришельцах по «местному телеграфу» — сигнальным кострам.

Начался оживленный обмен товарами. Индейцы предлагали мех выдры, луки и стрелы (единственное их оружие), причем стрелы были сделаны весьма искусно, их наконечники были изготовлены из кости, агата или кремня.

Ванкувера поразила внешность индейцев: «Все зубы у представителей обоих полов в результате какого-то процесса росли книзу, горизонтально деснам; женщины особенно старались довести этот стиль до крайности».

5 мая «Дискавери» покинул залив и направился к Нутка-Саунду. Через две недели англичане были на месте, но они не застали «Чатема», который за два дня до этого направился, как заранее условились, в исследовательское плавание. Необходимый ремонт корабля прошел успешно.

В тот же день в Нутка-Саунд прибыло испанское судно «Сан-Карлос». На его борту находился новый губернатор Нутка-Саунда дон Р. Сааведра, который заменил на этом посту С. Фидальго. «Сан-Карлос» доставил письма Ванкуверу от Р. Гигедо и от Квадры из Сан-Бласа, но из Англии по-прежнему писем не было.

Тон посланий был самым дружественным. Вице-король заверил Ванкувера, что всегда готов оказать помощь и поддержку в его работе. Ванкуверу также сообщили, что испанцы сделали все для того, чтобы Броугтон скорее добрался до Англии. Его коротко известили о деятельности Броугтона в Англии и о том, что тот не сможет возобновить свое участие в экспедиции.

По прибытии в Лондон в июне 1793 г. Броугтон был послан в Мадрид, чтобы помочь в достижении окончательного соглашения по Нутка-Саунду. То обстоятельство, что Франция объявила в феврале 1793 г. войну Англии, а в марте — Испании, привело к такому сближению двух стран, которого не было уже много лет. Одним из проявлений этого было быстрое заключение соглашения по вопросу

о компенсации за захваченную в Нутка-Саунде британскую собственность, стоимость которой была оценена в 210 тыс. испанских долларов.

Но соглашение по Нутка-Саунду было подписано лишь в феврале 1794 г. Денежная же компенсация была отправлена в Англию немедленно. Только настырный Мирес был неудовлетворен размером компенсации и в июне 1793 г. обратился с письмом к британскому правительству, в котором призвал его потребовать дополнительных денег, но получил резкий ответ: «Правительство точно и полностью выполнило свои обязанности в отношении вас».

После участия в переговорах с испанцами Броугтон в составе другой исследовательской экспедиции отправился на Тихий океан, но с Ванкувером он не встретился, так как последний пошел в Англию.

Ванкувер на этот раз пробыл в Нутка-Саунде только два дня: он спешил соединиться с Паджетом. Тем не менее он обратил внимание на то, что в течение зимы испанцы укрепили Нутка-Саунд, построив на одном из островов, контролирующих вход в залив, форт, в котором было установлено девять пушек. Это свидетельствовало о том, что испанцы не собирались отдавать порт. Ванкувер также заметил, что американцы вопреки приказу Квадры свободно передвигаются вдоль северо-западного побережья Америки, ведя активную торговлю.

Позднее Ванкувер узнал от Паджета, что Фидальго, будучи губернатором Нутка-Саунда, сказал ему, что получил от Квадры предписание лишь не допускать американцев в Нутка-Саунд и сообщать об их передвижениях вице-корюлю.

После короткого визита в Нутка-Саунд Ванкувер направился на север. 25 мая «Дискавери» достиг мыса Скотт, а на следующий день произошла встреча обоих судов экспедиции.

Ванкувер по своему обыкновению возобновил исследование побережья, послав Джонстона на двух шлюпках заканчивать работу, начатую в прошлом году, а сам на двух лодках с «Дискавери» отправился исследовать побережье к северу. За десять дней он обследовал берег до места, расположенного недалеко от Милбенк-Саунда. После его возвращения оба корабля направились к этому месту. Джонстон и помощник шкипера с «Дискавери» Берри были отправлены на двух шлюпках продолжать исследования. Изучение побережья на лодках было делом весьма трудоемким, требовавшим много времени. Но оно было необ-

ходимо, так как только в результате детального изучения берега можно было вполне определенно ответить на вопрос, существует или нет легендарный северо-западный проход.

По прошлогоднему плаванию у американского побережья Ванкувер знал, что в это время начинаются сильные дожди, поэтому, находясь еще в южных широтах, распорядился сделать навесы на всех шлюпках. Каждая шлюпка имела непромокаемые укрытия, где могли поместиться все находившиеся в ней люди. Продовольствие и запасная одежда были уложены в брезентовые мешки. Это было очень кстати, поскольку дождь лил почти ежедневно.

Во время второй экспедиции Джонстона несколько матросов зажарили и съели содержимое раковин, найденных в заливе. Все они заболели, и один из них умер. Это была третья смерть во время экспедиции.

Надо заметить, что экспедиция Ванкувера не была единственной в этом районе. Когда в начале мая Ванкувер плыл вдоль северо-западного побережья Америки, другая британская экспедиция шла к Тихому океану из внутренних районов континента. 9 мая десять человек покинули Форт-Форк и двинулись на одном каноэ по реке Пис. Группу вел шотландец А. Маккензи, о котором уже говорилось. Преодолев большие трудности, экспедиция 20 июля достигла тихоокеанского берега. Маккензи и его спутники были первыми белыми людьми, пересекшими большую часть Северной Америки.

На следующий день они встретили три каноэ с индейцами, которые рассказали Маккензи, что недавно здесь были «такие же люди, как он». Лишь около месяца назад это место посетил Ванкувер.

22 июля экспедиция Маккензи направилась в обратный путь. Но до этого он сделал на огромной скале видную издалека надпись: «Александр Маккензи из Канады достиг этого места по суше 22 июля 1793 года», а также объявил открытую им землю собственностью британского монарха, повторив аналогичный акт, совершенный ранее Ванкувером. Здесь сейчас стоит памятник. В наши дни во время летних круизов корабли специально подплывают поближе к берегу, чтобы пассажиры могли взглянуть на это историческое место.

Интересно, что старший брат Ванкувера, Чарлз, в ту пору добивался от правительства разрешения совершить экспедицию, подобную той, которой руководил Маккензи. Он предполагал пройти от Квебека до реки Колумбия и по ней

на шлюпке до Тихого океана. Он даже встречался с Бэнксом и обсуждал с ним свой план, но экспедиция так и не состоялась.

Ванкувер ничего этого, естественно, не знал. Летом 1793 г. он усиленно занимался изучением северо-западного берега Америки.

В июле, когда корабли экспедиции вошли в бухту около Чатем-Саунда, они встретили судно «Баттерворт» из Лондона, сопровождаемое двумя шхунами — «Принц Ли Бу» и «Яколл». Капитан «Баттерворта» Браун рассказал, что они находятся в этих местах уже несколько недель, занимаясь скупкой мехов. Он предложил Ванкуверу, чтобы одна из его шхун привела «Дискавери» и «Чатем» к очень удобной стоянке. Это место расположено недалеко от границы, которая теперь разделяет канадскую провинцию Британская Колумбия и Аляску. Там оба судна приготовились к продолжительной стоянке, и на берегу впервые в этом сезоне была установлена обсерватория.

С «Дискавери» были спущены две шлюпки, куда был погружен двухнедельный запас продовольствия. Ванкувер, Паджет, Мензис, лейтенант Свейн и два помощника шкипера, Сайкен и Питт, отправились для продолжения исследования побережья. Прошло уже более трех недель с начала экспедиции. Однажды Ванкувер решил высадиться на острове, который был назван им островом Ревилла Гигело, в честь вице-короля Испанской Америки.

Когда шлюпка Ванкувера подходила к острову, показалось несколько каноэ. Ванкувер сошел на берег, чтобы уточнить местонахождение, а Паджет остался в шлюпке. Другая шлюпка находилась недалеко от берега.

Каноэ окружили стоявшую у берега лодку. Индейцы, казалось, были настроены дружелюбно. Паджет не проявлял беспокойства. Когда Ванкувер вернулся к лодке, один из индейцев неожиданно схватил мушкет, лежавший в ней, а другие натянули луки. Тогда Ванкувер взял мушкет и встал на носу шлюпки. На берегу появился местный вождь и жестами показал Ванкуверу, что индейцы уберут луки и чтобы он опустил ружье. Каноэ отошли от шлюпки. На какой-то момент напряжение спало. Но затем индейцы опять окружили шлюпку. Другая шлюпка стояла от места событий на расстоянии пистолетного выстрела.

Индейцы начали выхватывать из шлюпки все, что там находилось. Несколько стрел было пущено в англичан. Ванкувер приказал открыть огонь по индейцам с обеих шлюпок. Около десяти индейцев было убито. Остальные

оросились к берегу и скрылись в лесу, унеся с собой три ружья и пару пистолетов. Но ящик с оружием, находившийся в шлюпке, оказался нетронутым.

Это была вторая серьезная стычка с индейцами в ходе экспедиции. Сначала Ванкувер думал, что она была спровоцирована кем-то из его людей, пока он находился на берегу. Но его убедили, что ничего такого не было. Паджет откровенно сказал, что был совершенно покорен и обезоружен дружественным поведением индейцев. Ящик с оружием, говорил он, был завален мешками с продовольствием. То оружие, которое удалось стащить индейцам, лежало под розгами. Ванкувер объяснил происшествие потерей европейцами бдительности, являвшейся следствием обычного дружелюбия жителей этого района.

Но вскоре он понял, что дело обстоит гораздо серьезнее. Европейские торговцы зачастую продавали индейцам испорченное оружие, которое взрывалось при выстреле. Ванкуверу рассказали об этом гавайские вожди. Это рождало подозрительно-враждебное отношение индейцев к европейцам.

Ванкувер позднее писал: «Я должен со всей решительностью заявить, что многие торговцы из цивилизованного мира не только придерживались линии поведения, диаметрально противоположной справедливым принципам законности в своих коммерческих делах, но и усиливали разлад, разжигали споры между различными племенами, чтобы поднять цену на их разрушительное оружие».

Шлюпки вернулись к кораблям без каких-либо происшествий. Ванкувер со своей группой отсутствовал 23 дня, пройдя за это время 700 миль. Но картографирование побережья продвинулось лишь на 60 миль по прямой от якорной стоянки судов. Этот факт — еще одна иллюстрация того, что исследовательские работы были весьма трудоемкими и утомительными.

Некоторое время Ванкувер проводил исследования побережья с особой тщательностью. Но, несмотря на изрезанность побережья, никакого прохода через континент обнаружить не удалось. Приближался сентябрь — период штормов. Ванкувер повернул свои корабли на юг. На обратном пути он исследовал западное побережье островов Королевы Шарлотты. Ванкувер рассчитывал, что в Нутка-Саунде его ждут письма из Англии, но их не было. Не было и сообщений о «Деделасе» или каком-нибудь другом корабле с грузами, необходимыми экспедиции.

Подождав три дня, Ванкувер направился в Калифорнию.

Для капитана «Деделаса» он оставил записку, в которой просил его следовать за ним.

Ванкувер надеялся встретиться с Квадрой либо в Сан-Франциско, либо в Монтерее и закончить переговоры о Нутка-Саунде.

В Сан-Франциско Ванкувер узнал о положении дел в Европе. Революция во Франции приближалась к своему апогею. 21 января 1793 г. был казнен Людовик XVI. События во Франции вызвали подъем борьбы против абсолютизма и феодальных отношений почти во всех европейских странах. Против Франции выступили все реакционные силы Европы. С 1792 г. Франция вела войну с Австрией и Пруссией. Продвижение французских революционных армий на восток и симпатии к ним населения Бельгии и западных германских земель привели к образованию первой коалиции реакционных европейских государств, окончательно сложившейся к весне 1793 г. В коалицию вошли Англия, Австрия, Пруссия, Голландия, Италия, Сардиния, Неаполь, мелкие немецкие государства.

Комендант форта Сан-Франциско Х. Саль прибыл на борт «Дискавери», чтобы предложить Ванкуверу свою помощь. Но атмосфера в Сан-Франциско, на первых порах показавшаяся англичанам дружественной, очень изменилась. Уже на следующее утро по прибытии в порт Ванкувер получил два письма от Салы. В одном он просил Ванкувера сообщить, как долго экспедиция намерена оставаться в Сан-Франциско, а в другом объявлял, что никому, кроме самого Ванкувера, не разрешается сходить на берег, кроме как для погрузки на суда воды и дров; Ванкувер мог посещать форт в сопровождении офицера или гардемарина.

Эти ограничения были сделаны по приказу капитана Х.Х. де ля Арриллага, который был помощником губернатора Калифорнии, а в апреле 1792 г. стал исполняющим обязанности губернатора. В сентябре вице-король назначил его в Монтерей, куда тот прибыл в июле 1793 г. Вице-король приказал ему ограничить помощь иностранцам до минимума и не допускать их знакомства с состоянием испанских вооруженных сил в Калифорнии, которые были очень слабы. Именно поэтому он запретил англичанам сходить без особой надобности на берег, распорядился ограничить снабжение экспедиции, приказал британским судам поскорее покинуть Сан-Франциско и запретил им останавливаться в каких-либо других испанских портах.

Ванкувер не высказал неудовольствия по поводу пред-

ложенных ему условий, а решил через три дня идти к Монтерее, чтобы выяснить причины столь суровых мер, принятых испанскими властями, ибо понимал, что Саль исполнял приказание сверху.

Вскоре после того как экспедиция покинула Сан-Франциско, к ней присоединился «Деделас». Оказалось, что он покинул Новый Южный Уэльс на четыре месяца раньше срока и прибыл в Нутка-Саунд вечером того дня, когда Ванкувер ушел оттуда.

Поскольку считалось, что «Деделас» находится на службе у колонии Новый Южный Уэльс, его капитану Хэнсону было приказано сразу же после передачи грузов Ванкуверу возвращаться назад, но при этом ему предписывалось доставить в колонию скот из Калифорнии в лучшем состоянии, чем в прошлом году, Ванкувер же должен был содействовать в приобретении и погрузке скота на судно.

В Монтерее после обмена традиционными орудийными салютами Ванкувер и Хэнсон получили официальное приглашение посетить Арриллагу. С ними был и Паджет, который уже успел побывать у Арриллагы. Дело в том, что «Чатем», потерявший в тумане связь с другими судами, прибыл в Монтерей на день раньше «Дискавери» и «Деделаса».

Визит был коротким, формальным и холодным. Арриллага повторил Ванкуверу условия, изложенные в письме Саля. Ванкувер просил разрешения посетить Сан-Диего, где надеялся получить сообщения из Англии, произвести необходимый ремонт судов, пополнить запасы продовольствия, воды и дров и дать отдохнуть экипажам после тяжелой работы в течение лета. Арриллага отказал, заявив, что все это можно сделать в Монтерее.

К вечеру того же дня Ванкувер получил два письма от Арриллагы. В одном из них исполняющий обязанности губернатора просил сообщить ему о цели экспедиции и продолжительности пребывания ее в Монтерее, поскольку он не получал приказа принимать иностранные суда. В другом он сообщал Ванкуверу, что лишь капитанам иностранных судов разрешается сходить на берег и только в сопровождении одного-двух членов команды.

На следующий день Ванкувер послал ответное письмо, в котором подробно объяснил цели своей экспедиции и указал на ее чисто научный характер. Он писал, что передаст испанским властям документы и карты для отправки в Англию, где они будут опубликованы для пользы самой Испании, а копиями этих документов снаб-

дит испанских офицеров, как сделал год назад. Он сообщал, что получил весьма гостеприимный прием в прошлом году и рассчитывает на такое же дружественное отношение сейчас. Его визит в Монтерей связан с необходимостью отремонтировать суда, перенести на них грузы, доставленные «Деделасом», сделать астрономические наблюдения, установив обсерваторию на берегу, собрать ботаническую коллекцию, провести учения и дать отдых экипажам судов после утомительного плавания.

Через два дня Ванкувер получил ответ, написанный, по его словам, в «насмешливой, запретительной и грубой манере». Арриллага писал, что удовлетворен «изысканно любезным» объяснением причин посещения, которые были ему и так хорошо известны. Он сообщал, что знает, какой прием был оказан англичанам в прошлом году, но не уверен, что вице-король ожидал повторного визита Ванкувера. У него нет санкции испанского монарха на посещение Ванкувером портов Калифорнии, как это было с экспедицией Лаперуза. Он предложил временно сложить грузы с «Деделаса» на складе, а ключ от склада передать Ванкуверу. Склад ночью могут охранять только два англичанина, но под наблюдением испанцев. Обсерваторию разрешается установить недалеко от склада, но работы в ней могут вестись лишь в дневное время, когда обсерватория видна с форта. Офицеры могут проводить учения днем на виду у испанцев. Ночью же все члены экипажей, кроме двух, охраняющих склад, должны быть на борту своих кораблей. Ванкуверу рекомендовалось поскорее закончить все работы и покинуть порт.

Ванкувер отверг все эти условия. Ни один британский капитан того времени не принял бы их. Паджет записал в своем дневнике: «Принять объявленные Арриллагой условия было невозможно, ибо это совершенно несовместимо с характером британского офицера».

Ванкувер прекратил дальнейшую переписку с Арриллагой и решил идти к Гавайям, где рассчитывал встретить более радушный прием.

Покинув Монтерей, Ванкувер вопреки запрещению Арриллагы посещать другие порты Калифорнии продолжал исследование побережья, уточняя и поправляя испанские карты, имевшиеся в его распоряжении. Первая остановка после Монтерея была сделана в порту Санта-Барбара. Местный комендант дон Ф. Гойкохеа весьма сердечно принял англичан, снабдив их продовольствием, водой, дровами и позволив экипажам отдохнуть на берегу. Он тоже

получил аналогичный приказ от Арриллагы, но решил не следовать ему, коль скоро англичане будут вести себя прилично. Через несколько дней священник миссии Сан-Бузнавентуро, находившейся в нескольких милях от берега, прислал десять овец и двадцать мулов с грузом свежих овощей для англичан. Он сказал, что совершил много морских путешествий и понимает, что значат свежие овощи для моряков.

Продолжая плавание, корабли экспедиции подошли к небольшому поселку Лос-Анджелес, «сельскому городку ангелов», как назвал его Ванкувер. Теперь это огромный город Соединенных Штатов, унаследовавший свое название от встреченной Ванкувером деревеньки.

Сан-Диего экспедиция достигла в ноябре 1793 г. Его комендант дон Антонио Грахеро ожидал англичан. Он тоже получил приказ Арреллагы ограничить визит англичан. Не нарушая открыто этот приказ, содержащий также запрещение вывозить какой-либо скот из Калифорнии, он и его офицеры сделали все, чтобы визит прошел как можно приятнее и дружественнее. Испанцы открыто выражали свое несогласие с приказом Арреллагы и обещали, что сообщат об отношении его к Ванкуверу вице-королю.

В Сан-Диего Ванкувер не нашел никаких писем из Англии. В течение недели, проведенной там, были подготовлены документы и карты для отправки в Лондон и в Сан-Блас для Квадры.

Покинув Сан-Диего, Ванкувер двинулся дальше на юг, продолжая исследование американского побережья. За два сезона он картографировал береговую линию на протяжении 1700 миль по прямой, но в действительности длина исследованного побережья, учитывая его сильную изрезанность, была во много раз больше.

Закончив исследовательскую работу, экспедиция направилась к Гавайям, где, как позднее писал Ванкувер, он мог «твердо рассчитывать на искренность Камеаеа и расположение остальных наших примитивных нецивилизованных друзей на этих островах, которые встретят нас сердечно и гостеприимно и предоставят все, что позволят их скромные возможности, без каких-либо унижительных ограничений, с которыми мы встретились, когда находились у цивилизованного губернатора в Монтерее».

Используя океанские течения, корабли экспедиции достигли острова Гавайи на двадцать пятый день плавания. В прошлом году Камеаеа упомянул о хорошей гавани, находившейся на северо-восточном побережье острова. Пом-

ня это, Ванкувер по прибытии к месту, где теперь расположен город Хило, послал Уидби на шлюпке проверить, возможен ли заход в гавань кораблей экспедиции. В это время на борту «Дискавери» появился Камеамеа. Он опасался, что Ванкувер предпочтет остановиться в Хило.

Но Уидби, вернувшись, сказал, что гавань очень плохо защищена от ветров, и Ванкувер решил идти в знакомый залив Кеалакекуа. Он предложил Камеамеа плыть вместе с ним, но тот отказался, объяснив, что должен обязательно присутствовать на религиозных церемониях в этой местности. Ванкувера это не устраивало. Он считал, что разгрузка «Деделаса» должна происходить в присутствии Камеамеа, чтобы избежать возможных неприятностей с островитянами. Поэтому он решил напугать Камеамеа, заявив, что в таком случае направится в Мауи к Каекили, главному сопернику Камеамеа. Угроза оказала нужное действие. Камеамеа нашел предлог, чтобы уклониться от участия в церемонии, и отправился с Ванкувером.

Тем временем Ванкувер узнал, что Камеамеа расстался со своей любимой молодой женой Кааиману. Она была заподозрена в любовных отношениях с Каианой. Предложение Ванкувера быть посредником в этом семейном деле было решительно отвергнуто Камеамеа.

В середине января 1794 г. корабли экспедиции благополучно прибыли в залив Кеалакекуа. Камеамеа обещал дать своих людей для охраны склада с грузами, доставленными на «Деделасе», а также помочь в переносе грузов с корабля на берег. Он также сказал, что обеспечит экспедицию необходимым продовольствием, водой и дровами. Камеамеа явно старался не допустить контактов Ванкувера с другими вождями острова, так сказать, монополизировать отношения с англичанами.

Наблюдательный Паджет записал в своем дневнике: «Я, конечно, как и все, восхищался поведением короля в этом отношении, но расходился с другими в оценке мотивов его поступков. Он очень ревниво относился к любому проявлению внимания к другому вождю и стремился всеми силами препятствовать получению им каких-либо выгод от нашего визита».

Ванкувер согласился на предложение Камеамеа, и продовольствие в большом количестве начало поступать на все три корабля. Камеамеа принял строгие меры, ограничивавшие контакты островитян с англичанами, и предупредил Ванкувера, что у него есть на острове несколько

врагов среди вождей, которые могут попытаться причинить им беспокойство.

Ванкувер, в свою очередь, ограничил выход на берег офицеров, а гардемаринам разрешил появляться на суше только в сопровождении офицеров.

Одним из первых актов Ванкувера по прибытии в залив было распоряжение выгрузить на берег быка, двух коров и двух овец, привезенных из Калифорнии. Животные, доставленные на остров в прошлом году, вполне акклиматизировались. Позднее на встрече с Камеамеа и вождями острова Ванкувер объявил о десятилетнем табу на убийство любого из доставленных им на остров животных. Таким образом, он вполне может быть признан отцом гавайского животноводства.

Работы по переносу грузов с «Деделаса» шли своим ходом. На берегу под руководством Уидби была поставлена обсерватория. Мензис и несколько офицеров, сопровождаемые одним из местных вождей, отправились в глубь острова. Паджет с группой моряков посетил близлежащую деревню, где встретился с человеком, который, как говорили, первым нанес удар капитану Куку.

Ванкувер тем временем старался осуществить свою идею о прекращении междоусобицы на архипелаге и установлении над ним власти Великобритании. Но опять у него ничего не выходило. Вражда между вождями была непримиримой.

К концу первой недели февраля все основные работы были закончены, но Ванкувер задержался на острове еще на полмесяца. Он все еще надеялся претворить в жизнь свою идею. «Деделас» же пошел в Новый Южный Уэльс. На нем Ванкувер отправил двух гардемарinov с «Дискавери» — Т. Питта и Т. Кларка — и моряка с «Чатема» А. Гранта. Гардемарины были списаны с корабля за недисциплинированность. Из Нового Южного Уэльса их должны были отправить в Англию. Списание Питта имело для Ванкувера роковые последствия, о чем будет рассказано в главе «С сильным не борись...».

Воспользовавшись тем, что отплытие задерживается, Мензис и несколько офицеров совершили восхождение на самую высокую гору острова Моана-Лоа. Мензис поразительно точно для своего времени определил ее высоту — 13634 фута. Сейчас она определяется в 13680 футов.

Ванкувер продолжал свои политические интриги. Ему все-таки удалось соединить Камеамеа с отвергнутой им же-

ной. На борту «Дискавери» часто появлялся отец Кааиману, и они совместно разработали план примирения королевской четы. Согласно этому плану Ванкувер пригласил на корабль королеву с членами ее семьи и одарил их всех подарками. Во время беседы с королевой он спросил ее, желает ли она воссоединения с мужем. Получив положительный ответ, Ванкувер послал на берег как дар королю тщательно завернутый в ткань местного изготовления клочок бумаги. Нанесенные на бумагу знаки должны были сказать Камеамеа о чувствах королевы. Камеамеа принял этот знак любви и бросился на «Дискавери», где встретился с Кааиману. Камеамеа понял, конечно, всю подоплеку событий, но разыграл величайшее удивление, обнаружив на корабле свою жену, с которой тут же помирился. Ванкувер был в восторге от своего столь успешно закончившегося предприятия. Но одно обстоятельство омрачало его радостное настроение. Когда чета покидала корабль, королева попросила Ванкувера взять с мужа торжественное обещание не бить ее по возвращении домой.

Ванкувер проявлял большой интерес к повседневной жизни островитян. В этом ему помогали белые советники короля Янг и Дэвис. Он предложил им отправиться вместе с ним в Англию, но те предпочли остаться.

На острове у местных вождей находилось еще семь бывших матросов. Они называли себя американцами, но Ванкувер подозревал, что все они — британские подданные. Во время пребывания на Гавайях Ванкувер получил письмо от капитана судна «Баттерворт» Брауна, в котором тот писал о небольших бандах бывших матросов на островах Оаху и Кауаи. Состоя на службе местных вождей, они разжигали межплеменные распри, организовывали нападение на европейские и американские суда.

Ванкувер прекрасно понимал, какую опасность представляют собой эти люди, и пытался увести их с острова. Но ни Камеамеа, ни вожди и слушать не хотели об этом: они нуждались в их знаниях, особенно по части огнестрельного оружия. Ванкувер вынужден был смириться, ибо забрать этих «рыцарей удачи» с острова силой значило поссориться с его вождями.

События на архипелаге разворачивались таким образом, что Камеамеа вынужден был сам завести с Ванкувером разговор о передаче власти над островом Великобритании. Ванкувера это и обрадовало и озадачило одновременно. Он прекрасно понимал, что действовать надо как можно быстрее, ибо ширившиеся торговые контакты островитян

с представителями других держав могли вскоре привести к захвату Гавайев одной из них.

Чтобы не допустить этого, Ванкувер хотел прежде всего обосновать британские претензии на острова для последующего их захвата. В книге «Плавание на "Дискавери" в северной части Тихого океана и вокруг света» Ванкувер так объяснял свою позицию: «Долголетняя практика всех цивилизованных наций, претендующих на установление суверенитета и территориальных прав над открываемыми странами, основывалась на праве первооткрытия... Таким образом, Великобритания имела приоритет в своих претензиях на Гавайские острова. Но кроме того, я считал, что передача этих территорий под власть Великобритании, совершенная на основании свободно выраженной воли короля и народа, будет, возможно, средством установления незыблемых прав Великобритании и предотвратит любые споры с другими странами в будущем».

Исходя из этого, Ванкувер попросил Камеамеа собрать всех вождей острова. Официальная встреча произошла на борту «Дискавери». Камеамеа произнес речь, в которой обосновал передачу острова Гавайи под власть Великобритании. Он перечислил государства, корабли которых посетили остров в последние годы, и подчеркнул, что островитяне недостаточно сильны, чтобы оказать сопротивление при нападении чужеземцев. По этой причине было бы желательно отдаться под покровительство одного из тех народов, который наиболее известен жителям острова. Другие вожди в своих выступлениях поддерживали Камеамеа. Все выступавшие, как писал позднее Ванкувер, настойчиво подчеркивали, что установление британской власти не должно ни в коей мере привести к вмешательству в «их религию, управление и местную экономику... что Камеамеа, вожди и священники будут, как и прежде, продолжать выполнять свои обязанности». Обсуждение закончилось заявлением Камеамеа, что «они больше не гавайцы, а британцы».

Над островом был поднят британский флаг, проведена официальная церемония установления власти Великобритании, произведен артиллерийский салют. В доме Камеамеа была установлена медная плита с надписью: «25 февраля 1794 г. Камеамеа, король гавайцев, с главными вождями острова собрались на борту шлюпа Его британского величества "Дискавери" в заливе Кеалакекуа и в присутствии Джорджа Ванкувера, командира указанного шлюпа, лейтенанта Питера Паджета, командира сопроводительного судна Его британского величества "Чатем", и других офицеров

с "Дискавери" после должного обсуждения единодушно передали упомянутый остров Гавайи Его британскому величеству и объявили себя подданными Великобритании.

Немедленно после этой церемонии «Дискавери» и «Чатем» покинули залив Кеалакекуа. Ванкувер посетил все острова архипелага. Последняя остановка была у острова Ниихау, после чего в середине марта 1794 г. экспедиция направилась к американскому побережью для продолжения исследований.

Неписанный договор Ванкувера с Камеамеа о передаче острова Гавайи под власть Великобритании открыл эру борьбы за архипелаг великих держав, растянувшуюся на все девятнадцатое столетие.

Договариваясь с Ванкувером, Камеамеа и вожди острова хотели, несомненно, достичь лишь одного: использовать мощь Англии для защиты от врагов. Из записок самого Ванкувера следует, что гавайцы надеялись, что Англия пришлет военные корабли и, возможно, солдат для этой цели. Ванкувер не замедлил их в этом уверить.

Камеамеа и в голову не приходило, что этот договор может как-то ограничить его собственную власть над островом. Через год после указанных событий он захватил весь архипелаг, кроме островов Кауаи и Ниихау, и объявил себя королем Гавайских островов Камеамеа I. Хотя договор с Ванкувером касался лишь острова Гавайи, Камеамеа объявил, что он распространяется на весь архипелаг. В 1810 г. в письме королю Георгу III Камеамеа подтверждал свою верноподданность британской короне. Капитаны иностранных судов, заходившие в то время в гавайские воды, уведомлялись об особых отношениях Гавайев с Великобританией, взявшей острова под свою защиту.

Самостоятельность действий Ванкувера в отношении Гавайев объяснялась просто. Он поступил вполне в духе своего времени, объявив британским владением «ничейную» землю, которая нужна, по его соображениям, родине. Он отлично понимал значение Гавайев как с коммерческой, так и со стратегической точки зрения, ибо знал о намерении британского правительства создать каторжные поселения на северо-западном побережье Америки.

Сообщение Ванкувера о приобретении Гавайев тем не менее не произвело впечатление в Лондоне. Не то было время. Англия находилась в состоянии войны с Францией, и ее правительству некогда было думать о малоизвестных, затерявшихся в просторах Великого океана островах.

Но после разгрома Наполеона британское правительство

вспомнило о соглашении Ванкувера с Камеамеа. В 1822 г. во исполнение обещания Ванкувера на Гавайи было отправлено военное судно, построенное в Новом Южном Уэльсе, как дар британского правительства гавайскому королю. Принимая этот дар, Камеамеа II, правивший Гавайями с 1819 г. после смерти своего отца Камеамеа I, подтвердил протекторат Великобритании над архипелагом. В следующем году Камеамеа II и его жена были приглашены посетить Англию. При этом британское правительство исходило из особых отношений с Гавайями, которые находятся под британским покровительством.

Король с королевой умерли в Англии, и их тела были отвезены на Гавайи в 1825 г. на фрегате «Блонд», которым командовал лорд Д. Байрон, кузен великого поэта. Он получил секретные инструкции быть готовым отстаивать права Англии на Гавайские острова. Вскоре после прибытия Байрона в Гонолулу регент Караймоку объявил, что власть Великобритании по-прежнему распространяется на архипелаг, и просил Байрона разработать законы и правила для жителей островов. Байрон ответил, что они сами должны устанавливать для себя законы, ибо «лучше знают, как управлять своим собственным народом. Что же касается защиты их от иностранного вмешательства, то они могут положиться на дружбу с Великобританией».

Ответ Байрона вполне отражал позицию, которую занимало британское правительство в то время. Оно не хотело прямо аннексировать архипелаг, но в то же время было готово отстаивать свои «права» на Гавайи в случае, если какая-либо страна попытается захватить их.

В исторической литературе упоминается о том, что Ванкувер склонял Камеамеа принять христианство, обещая прислать миссионеров из Англии. Но ни в его дневниках и книге, ни в дневниках участников экспедиции нет никаких сведений на этот счет. Сохранилось, правда, письмо американца Э. Таунсенда, отправленное в августе 1798 г. с Ниихау, в котором, в частности, говорится: «Капитан Ванкувер очень хотел обратить в христианство этот народ... Король Камеамеа предложил Ванкуверу пойти с ним на самую высокую гору и вместе прыгнуть с ее вершины, каждый моля своего бога о сохранении жизни. И если бог капитана Ванкувера спасет его, а Камеамеа не будет спасен своим богом, то его люди поступать так, как скажет Ванкувер».

Это было написано через четыре года после посещения Ванкувером архипелага. Таунсенд скорее всего слышал этот

рассказ от местных жителей, еще хорошо помнивших Ванкувера. Конечно, было бы интересно знать, что ответил Ванкувер на предложение Камеама, но Таунсенд ничего об этом не сообщает, сам же Ванкувер в своих дневниках вообще не упоминает об этом случае.

В начале апреля 1794 г. экспедиция подошла к американскому побережью. На этот раз Ванкувер решил завершить исследование северо-западного побережья Аляски. В то время Аляска была владением России. Ее территория составляла 580 тыс. квадратных миль и превышала территорию Франции, Германии, Великобритании, вместе взятых. 18 октября 1867 г. Россия продала Соединенным Штатам подвластную ей землю за 7,2 млн. долларов. Это была самая крупная земельная сделка во всемирной истории. Если разделить полученную сумму на размеры проданной территории, то выйдет, что за акр земли Россия получила около двух центов.

Экспедиция занималась исследованиями всю весну и лето. 22 августа Ванкувер повернул на юг, к Нутка-Саунду, куда прибыл 2 сентября.

Во время исследования побережья англичане неоднократно встречали русских. Так, Ванкувер посетил русский форпост на восточной стороне залива Кука. Большой бревенчатый дом, в который вошел английский капитан, был, по его словам, теплым и относительно комфортабельным, но его «приветствовала самая исступленная вонь... о которой я никогда даже не подозревал». Тем не менее он нашел, что русские весьма умело организовали свои торговые отношения с индейцами, и те, видимо, были вполне довольны русскими и весьма дружелюбно расположены к ним.

Недалеко от входа в залив Кука Ванкувер несколько дней ждал встречи с А. Барановым, в то время руководившим торговыми операциями в этом районе, а впоследствии ставшим управляющим Российско-Американской компании. Несколько раз Ванкувер получал сообщения, что Баранов вот-вот придет, но тот так и не появился.

Высадившись в Нутка-Саунде, Ванкувер встретился с новым губернатором — генералом доном Х. Алава, который прибыл лишь на день раньше Ванкувера. Он должен был заменить Квадру, умершего в марте. Известие о смерти Квадры сильно опечалило англичан.

Ожидалось, что Алава станет испанским представителем на завершающем этапе переговоров о Нутка-Саунде, но инструкции на этот счет он ожидал получить, самое

позднее, в середине октября. Не было у него и писем, адресованных Ванкуверу.

Отсутствие писем из Англии очень огорчило Ванкувера, и он решил дожидаться их в Нутка-Саунде, тем более что предстояло много работы, связанной с возвращением экспедиции на родину.

С испанским судном, направлявшимся в Калифорнию, Ванкувер послал письмо Адмиралтейству, в котором сообщал о завершении исследований. Тяготило Ванкувера и то обстоятельство, что у него не было инструкций из Англии. В письме своему лондонскому агенту Дж. Сайкесу Ванкувер писал, что с нетерпением ждет возвращения в Англию, чтобы принять активное участие в войне. Ванкувер так и не получил никакого ответа на свои письма, посланные в Лондон с Маджем и Броугтоном, о чем он с горечью писал Сайкесу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наступило 16 октября, но ни одного корабля не прибыло из Мексики. «Дискавери» и «Чатем» направились в Монтерей. С ними на «Принцессе» отбыл и Алава.

Вскоре после того как корабли вышли из Нутка-Саунда, на море опустился густой туман, и корабли потеряли друг друга. «Дискавери» пошел на юг, держась ближе к берегу, и за мысом Мендосино попал в сильнейший шторм. В Монтерей судно пришло 6 ноября. Там уже стоял «Чатем», прибывший на четыре дня раньше. Он шел дальше от берега и не попал в шторм.

Арриллагы не было в Монтерее, и его обязанности исполнял комендант форта. Он передал Ванкуверу письмо от вице-короля, датированное октябрём прошлого года. Ванкувер был удовлетворен: теперь у него было доказательство того, что Р. Гигедо ожидал прихода английских кораблей в Монтерей во второй раз и потому именно сюда послал свое письмо, а Арриллага его тогда обманул.

Инструкций для Алавы не было и в Монтерее, не было ни слова из Англии для Ванкувера. Комендант форта послал специального курьера в Сан-Диего в надежде, что, может быть, там что-нибудь есть. Поездка в Сан-Диего и обратно занимала десять-двенадцать дней. Пока Ванкувер дожидался возвращения курьера, в Монтерей из Мехико прибыл новый губернатор Калифорнии — дон Д. Борка. Вместе с семьей он проделал весь путь верхом на лошадях, затратив на это восемь месяцев. В тот же день пришла почта, доставившая Алаве инструкции. Ванкувер же опять не получил ничего.

Алава сообщил Ванкуверу, что дело с Нутка-Саундом улажено на условиях, близких к тем, какие Ванкувер предлагал Квадре. Он также сказал, что британское правительство создало новую комиссию и по возвращении в Англию Ванкувер узнает обо всех подробностях.

Спор о Нутка-Саунде, грозивший трагическими последствиями, закончился фарсом. В январе 1794 г. в Мадриде была подписана Конвенция о взаимном отказе от Нутка-Саунда, согласно которой земля, принадлежавшая людям Миреса в 1789 г., формально передавалась уполномоченному английского правительства. После этого поднимался британский флаг как знак того, что земля принадлежит Англии. После совершения церемонии оба уполномоченных уводили подданных своих стран из порта, который становился открытым для судов обоих государств. Стороны договорились, что не будут никогда ни оккупировать этот район, ни претендовать на владение им.

В марте 1795 г. лейтенант Т. Пирс и Х. Алава провели указанную выше церемонию, и после этого Нутка-Саунд был, в сущности, покинут европейцами. Туда лишь редко заходили торговые корабли. Нутка-Саунд перешел во владение индейцев. Сейчас это небольшое местечко, жители которого занимаются рыболовством и лесозаготовками. О том, что в течение ряда лет о Нутка-Саунде знали во всех европейских дворах, свидетельствуют памятник, поставленный в 1903 г. Историческим обществом Вашингтонского университета на месте встречи Ванкувера с Квадрой, и памятная доска, установленная в 1924 г. Канадским советом по историческим местам и памятникам.

В Монтерее испанцы показали Ванкуверу шестерых дезертиров, но он признал только трех: двух — с «Чатема» и одного — с «Деделаса». Остальные же не были англичанами, и Ванкувер отказался их забрать. Ему был вручен счет на сумму 425 испанских долларов, потраченных на содержание дезертиров. Но поскольку Ванкувер не имел никаких инструкций на этот счет, а кроме того, у него не было испанских денег, он отказался платить и обещал передать счет в Адмиралтейство по прибытии в Лондон. Испанцы с этим согласились.

К концу ноября 1795 г. погрузка на суда продовольствия, воды, дров была закончена, и в начале декабря «Дискавери» и «Чатем» покинули Монтерей и направились на родину.

Маршрут обратного пути экспедиции был таким: от Монтерея до мыса Сан-Лукас, от него к острову Кокос, островам Хуан-Фернандес, затем в Вальпараисо, куда Ванкувер прибыл почти четыре месяца спустя, в конце марта 1795 г.

Вальпараисо был городом европейского типа, последний раз англичане видели такой город почти четыре года

назад, когда покидали Кейптаун. Местный губернатор дон Л. Алава, брат губернатора Нутка-Саунда, встретил их очень гостеприимно и сказал, что попросит разрешения капитан-генерала в Сантьяго дона Амброзио О'Хиггинс де Валленара оказать экспедиции помощь. Посланный в Сантьяго курьер должен был возвратиться через четыре дня, на это время для англичан не было установлено никаких ограничений, и они свободно разгуливали по городу, а на корабли доставлялись все необходимые продукты. Это было очень кстати, так как на обоих судах более тридцати человек болело цингой.

В письме, полученном из Сантьяго, давалось разрешение обеспечить наилучшее снабжение и ремонт кораблей экспедиции. Ванкувер и его офицеры были приглашены в Сантьяго, чем англичане не замедлили воспользоваться.

Ванкувер и его спутники были тепло встречены капитан-генералом, который отвел им комнаты в своем дворце. Начались пышные приемы и балы. Англичане чувствовали себя неловко в своих поношенных одеждах среди ослепительно нарядных испанцев. Дон Амброзио, заметив их смущение, объяснял всем, какую замечательную работу они проделали и какие великие трудности преодолели.

Ведя светскую жизнь, Ванкувер не потерял свойственной ему наблюдательности. Он отметил большую работу, проделанную властями для укрепления города от внешнего нападения и улучшения условий жизни населения. Были построены дамбы, защищающие город от наводнений. Стихли междоусобные войны индейцев. Ванкувер нашел, что местное войско не уступает европейскому и что в течение суток может быть собрана армия в восемь тысяч человек для защиты города в случае нападения на него с моря.

Англичане приятно проводили время в Сантьяго и не спешили возвращаться в Вальпараисо.

Прибыв туда через полмесяца, они обнаружили, что, несмотря на ремонт, суда экспедиции продолжают оставаться в плохом состоянии. Поэтому Ванкувер вопреки инструкциям, обязывавшим его провести исследование побережья Чили, решил идти прямо к мысу Горн и оттуда к острову Святой Елены. Исследование чилийского берега, скалистого и изрезанного многочисленными бухтами, как и северо-западного побережья Северной Америки, было делом тяжелым и длительным. Плохое состояние кораблей и крайняя усталость экипажей не позволяли заняться этой работой.

В начале мая корабли вышли в море. Дальнейшее

плавание показало правильность решения Ванкувера. Когда корабли достигли мыса Горн, там бушевали штормы. Команды страдали от пронизывающего холода и снежных бурь. Когда экспедиция огибала мыс Горн, на «Чатеме» было всего пять человек, способных нести службу, остальные болели. Когда же суда вышли в Атлантический океан и двинулись к северу, погода изменилась к лучшему. При переходе к острову Святой Елены экспедиция потеряла еще одного человека: волна смыла с палубы матроса Р. Джонса. Спасти его не удалось.

В июне 1795 г. корабли подошли к острову Святой Елены. Научная часть экспедиции была завершена. Ванкувер, как уже говорилось, узнав о войне Англии с Францией, жаждал принять в ней участие. Случай представился ему уже на этом острове.

При первом посещении губернатора острова Р. Брука Ванкуверу удалось выяснить, что среди врагов Англии оказалась Голландия. Франция оккупировала Голландию зимой 1794/1795 г. и захватила ее флот, стоявший во льдах у острова Тексел. Тогда же Англия объявила войну Голландии.

Увидев, что в гавань острова вошел голландский корабль, Ванкувер послал офицера с матросами на борт судна для его захвата.

Это действие Ванкувера исключало для него возможность получить от французского правительства патент на беспрепятственный проход в Англию, на что он рассчитывал, возвращаясь домой. Национальная ассамблея Франции декрета об этом не издала, хотя капитан одного из судов, пришедших на остров с мыса Доброй Надежды через неделю после захвата голландского корабля, уверял Ванкувера в существовании такового. Лишь один англичанин — капитан М. Флиндерс — получил в 1801 г. такой патент. Но и ему это, как известно, пользы не принесло: французские власти на острове Маврикий задержали Флиндерса, и он находился в плену девять лет, хотя никаких враждебных актов против Франции и ее союзников никогда не предпринимал.

Через несколько дней после прихода экспедиции Ванкувера к острову Святой Елены туда прибыло судно «Сфинкс» с мыса Доброй Надежды с депешами от вице-адмирала сэра Дж.К. Элфинстона, впоследствии лорда Кейта, командовавшего военной экспедицией, посланной для захвата у голландцев Кейптауна. Депеши были адресованы генерал-майору Кларку, находившемуся тогда с войсками в Сальва-

доре (Бразилия). В них Элфинстон приказывал ему плыть к мысу Доброй Надежды, ибо положение англичан там становилось тяжелым.

Вслед за «Сфинксом» к острову пришел военный корабль «Арнистон» с аналогичными распоряжениями Элфинстона. Именно капитан этого судна сообщил Ванкуверу о французском патенте на свободный проход в Англию. Но Ванкувер считал себя уже втянутым в военные действия. Он предложил губернатору Бруку послать «Дискавери» для доставки депеш в Сальвадор. Но Брук отказал ему из-за плохого состояния судна.

Кроме депеш, адресованных генералу Кларку, на «Арнистоне» находились письма в Лондон, которые Элфинстон просил Брука немедленно доставить туда. Ванкувер предложил тогда послать в Сальвадор «Чатем» с депешами к Кларку, а письма в Лондон взялся доставить сам. Брук принял это предложение. Через две недели ремонт «Чатема» был закончен, и он опять отправился в плавание.

Ванкувер же не стал дожидаться кораблей сопровождения и направился на «Дискавери» в Англию. Через месяц после того, как он покинул остров Святой Елены, к «Дискавери» присоединился военный конвой, проводивший судно до британских берегов. Но когда 13 сентября 1795 г. суда подошли к западному побережью Ирландии, командир конвойя капитан Эссингтон попросил Ванкувера отправиться в Лондон по суше, чтобы скорее доставить письма Элфинстона.

Ванкувер прибыл в Лондон через несколько дней. Последнюю часть пути «Дискавери» вел лейтенант Бейкер. 20 октября «Дискавери» был в Дентфорде, на Темзе. Там Ванкувер встретил его, чтобы закончить дела экспедиции.

Что касается «Чатема», то он прибыл в Сальвадор в конце июля. Там «Сфинкс» и двенадцать других британских судов готовились отплыть к мысу Доброй Надежды с солдатами генерала Кларка. Депеши Элфинстона были уже получены, и миссия «Чатема» оказалась излишней. После трехнедельного пребывания в порту «Чатем» направился без сопровождения в Англию, куда прибыл без всяких приключений почти одновременно с «Дискавери». 16 октября «Чатем» бросил якорь в Плимуте.

Возвращение экспедиции в Англию прошло почти незамеченным. Внимание британского общества было сконцентрировано на событиях в Европе, приобретающих для Англии

все более угрожающий характер. Об экспедиции Ванкувера было лишь несколько коротких сообщений в газетах. В «Энньюал реджистер», например, 24 сентября 1795 г. была помещена заметка, в которой сообщалось: «"Дискавери", военный шлюп под командой капитана Ванкувера, прибыл в Лаймрик 13-го сего месяца в сопровождении судов ост-индского флота, успешно завершив свою экспедицию и сделав несколько важных открытий на северо-западном побережье Америки. Суда покинули Англию со 150 людьми на борту, и благодаря заботам офицеров лишь несколько человек умерло в ходе весьма изнурительного плавания в течение четырех с половиной лет. Все, кто принимал участие в экспедиции, очень хорошо отзываются о жителях Сандвичевых островов, которые оказали им самый дружелюбный и чуткий прием».

И больше ни слова об этом удивительном, во многом уникальном в истории навигации плавании. Экспедиция продолжалась четыре года и шесть с половиной месяцев, «Дискавери» прошел 65 тыс. миль (на 10 тыс. миль больше, чем «Резолюшен» во время второго плавания Кука). К этому надо добавить исследования на шлюпках, во время которых было пройдено около 10 тыс. миль, преимущественно на веслах. Экипажи кораблей почти полностью обеспечивали себя всем необходимым. Лишь дважды за все время плавания им были доставлены грузы на «Деделасе», да в Нутка-Саунде, Калифорнии и Вальпараисо экспедиция получала помощь от испанцев. Но во всех этих местах не было доков для ремонта судов. Паруса и канаты на кораблях заменялись только из имевшихся запасов, которые тщательно сберегались. Постоянно велось наблюдение за состоянием судов, систематически проводились ремонтные работы, причем только своими силами. Благодаря всему этому столь длительное плавание прошло успешно.

В заботе о здоровье своих людей Ванкувер не имел себе равных. Во время экспедиции была лишь одна серьезная вспышка цинги, да и то потому, что были нарушены предписания Ванкувера. За время плавания «Дискавери» потерял шесть человек: один умер от болезни, другой отравился, третий, очевидно, покончил с собой, еще трое погибли в результате несчастных случаев. На «Чатеме» не погиб ни один человек.

К концу октября Ванкувер закончил все дела, связанные с экспедицией. 3 ноября он был переведен на половинное жалованье. Два месяца он провел в Лондоне, а в январе

1796 г. переехал в курортное место на берегу моря, недалеко от Бристоля. Во время плавания Ванкувер постоянно ощущал недомогание, особенно в последний год экспедиции. По прибытии на родину здоровье его ухудшилось. Джон, брат Ванкувера, помогавший ему в подготовке дневников для публикации, писал: «Состояние его здоровья было плохим, очевидно, организм был сильно ослаблен трудной службой, на которой он находился с ранней юности. Брат постоянно вспоминал своих друзей по плаванию, но не очень надеялся на то, что пробудет среди них еще много лет».

Отпуск Ванкувера был омрачен письмом из Адмиралтейства, в котором его спрашивали, почему он отказался заплатить испанцам за содержание дезертиров в Монтерее в 1794 г. Письмо вызвало возмущение Ванкувера: ведь он уже три раза сообщал лордам Адмиралтейства об этом.

Тем не менее Ванкувер еще раз подробно изложил суть дела. Его объяснения, очевидно, удовлетворили Адмиралтейство, поскольку оно уплатило по счету и больше не требовало от Ванкувера объяснений.

В конце марта 1796 г. Ванкувер вернулся в Лондон, намереваясь начать подготовку к изданию своих дневников. Он попросил Адмиралтейство вернуть все его материалы и заплатить за копирование составленных им карт. Адмиралтейство согласилось, но по каким-то непонятным причинам Ванкуверу не было об этом сообщено в течение нескольких месяцев.

Тем временем Ванкувер искал место, где бы можно было спокойно заниматься работой. Он выбрал маленькую деревню Питерсхэм на Темзе, в нескольких милях от Лондона, где находились дома многих известных семейств Англии. Ванкувер остановился в старинном отеле «Стар и Гартер», расположенном на склоне Ричмондского холма. Это был самый фешенебельный отель в Англии. Сохранилось предание, что, придя в отель, Ванкувер сказал: «За время всех моих путешествий я никогда не видел более прекрасного уголка, чем этот. Здесь я хотел бы жить и здесь хотел бы умереть».

В июле Ванкувер получил письмо Адмиралтейства, в котором сообщалось, что стоимость копирования карт и гравирования иллюстраций должна быть включена в общие расходы по экспедиции. Ванкувер ответил, что в составе его экспедиции не было ни художника, ни астронома, как это было у Кука. И тем не менее последний получил

300 фунтов стерлингов на расходы, связанные с изданием отчета о его третьем плавании. Ванкувер просил и ему выделить денежные средства на публикацию его труда. Он напоминал, что не получал денег на личные нужды с декабря 1790 г., а в течение плавания у него были значительные расходы, связанные с приемами испанских официальных лиц. Когда же он обратился в министерство внутренних дел о возмещении этих расходов, то получил отказ. Лорды Адмиралтейства согласились оплатить работу граверов и художников, но подчеркнули, что сами решат, какие именно иллюстрации должны быть изготовлены.

С СИЛЬНЫМ НЕ БОРИСЬ...

Читатель, наверное, не забыл, что Ванкувер, находясь на Гавайях в 1794 г., отослал за недисциплинированность двух гардемарин с «Деделаса» в Сидней, откуда молодые моряки должны были направиться в Англию. Один из гардемарин, Т. Питт, был сыном барона Кэмелфорда, который приходился двоюродным братом У. Питту — британскому премьер-министру и первому лорду Адмиралтейства. Т. Питт состоял также в родстве с британским министром иностранных дел лордом Гренвилем.

Отослав Т. Питта, Ванкувер нажил себе злейшего врага: Питт с того времени только и думал о мщении.

«Деделас» прибыл в Сидней в августе 1793 г. Там Питт узнал, что год назад умер его отец и он унаследовал титул барона Кэмелфорда. Отправившись в Индию, Питт на полуострове Малакка был включен в экипаж судна «Резистенс» в качестве лейтенанта, но, поссорившись с капитаном Э. Пекенхэмом, в ноябре 1795 г. был списан с корабля. В Англию барон Кэмелфорд попал в октябре 1796 г. и уже через неделю послал Ванкуверу вызов на дуэль.

Очень больной и занятый работой над книгой, Ванкувер ответил Кэмелфорду, что во всем случившемся тот должен винить лишь самого себя. Принятые в отношении его меры были необходимы для поддержания дисциплины на корабле, который находился далеко от родины. Ванкувер предлагал передать дело на рассмотрение какого-либо из флаг-офицеров, и, если тот установит неправильность его действий, он признает справедливость вызова и даст Кэмелфорду удовлетворение.

Кэмелфорд отклонил корректное предложение Ванкувера и начал клеветать на своего бывшего капитана и угрожать ему расправой.

В январе 1798 г. Ванкувер в сопровождении брата Джона приехал в Лондон, чтобы встретиться со своим издателем

Стокдейлом, контора которого находилась на Пиккадили. На обратном пути они встретили Кэмелфорда, который, размахивая тростью, набросился на Джорджа Ванкувера. Джон старался утихомирить буяна, но это ему удалось сделать лишь с помощью прохожих.

Кэмелфорд продолжал преследовать Ванкувера и в Питерсхэме, где у него был собственный дом. Ванкувер вынужден был обратиться к лорду-канцлеру Лоугбороу за защитой. Когда Ванкувер с братом Чарлзом шел к лорду-канцлеру, неистовый барон снова набросился с тростью на своего бывшего капитана. Чарлз загородил брата, отбивая предназначавшиеся ему удары.

После этого случая лорд-канцлер вызвал Кэмелфорда к себе домой. Он принял барона в библиотеке, где, кроме них, никого не было. Кэмелфорд вел себя столь угрожающе, что жена Лоугбороу попросила друга их дома стать у двери и в случае необходимости без всяких церемоний войти в комнату и утихомирить разбушевавшегося визитера. Лорд-канцлер лишь пожурил барона, что не остановило его безобразий.

Принадлежность к могущественной семье надежно защищала Кэмелфорда от наказания. В 1798 г. он был отдан под суд за убийство лейтенанта, служившего с ним на одном корабле, но, несмотря на то что преступление Кэмелфорда было доказано, его оправдали. В 1799 г., обидевшись на то, что его не назначили командиром корабля, он подал в отставку. Последние пять лет его жизни были заполнены авантюрами, скандалами и дуэлями, сделавшими его имя одиозным. В марте 1804 г. Кэмелфорд был убит на очередной дуэли.

Барон завещал похоронить себя на острове на Женевском озере в Швейцарии, где он провел бóльшую часть своего детства. Война в Европе не позволила это сделать; тело барона было забальзамировано и помещено в церкви Святой Анны до окончания войны. Но когда наконец стало возможным перевезти тело в Швейцарию, его не оказалось на месте. Оно бесследно исчезло и никогда так и не было найдено.

О Кэмелфорде можно было бы вообще не упоминать, если бы его поведение не отразилось роковым образом на здоровье Ванкувера, и без того подорванном годами тяжелой службы.

Несмотря на вздорность Кэмелфорда и его необузданный нрав, стали распространяться слухи о жестокости Ванкувера, — очевидно, не без содействия могущественного

семейства. Никаких документов о привлечении Ванкувера к суду или каком-то расследовании его дела не сохранилось. Но биограф Кэмелфорда, его современник, упоминает о том, что «дело было передано на разбирательство в судебном порядке». В письме Ванкувера из Питерсхэма, написанном в марте 1797 г., когда он был настолько болен, что за него писал брат, упоминается о расследовании, в котором капитан не сможет участвовать, ибо «должно пройти несколько месяцев, прежде чем он будет в состоянии посетить Лондон».

Ко всему этому Адмиралтейство докучало мелочными придирками. В течение 1797 г. Ванкувер вел переписку с Адмиралтейством по поводу жалованья, которое он не получал с начала плавания на «Дискавери» и вплоть до октября 1797 г. Наконец ему заплатили из расчета шесть шиллингов шесть пенсов за день. 19 октября Ванкувер обратился в Адмиралтейство с просьбой увеличить эту сумму до восьми шиллингов, поскольку он был не только капитаном, но и казначеем корабля. На его обращении, написанном, по-видимому, Джоном Ванкувером, имеются пометки: «Были ли подобные прецеденты? Капитану Блау* была выплачена такая сумма?» — «Сэр, капитан Блай получил по восемь шиллингов за день приказом от 20 марта 1794 г. Это единственный случай» — «Заплатить из расчета по восемь шиллингов».

Несмотря на тяжелую болезнь, незаслуженные обиды и огорчения, Ванкувер продолжал упорно трудиться. Пять из шести книг, которые он хотел написать, были им закончены и готовы для опубликования. Шестая была сделана наполовину. После смерти Ванкувера ее завершили Джон и Паджет, которые использовали дневники капитана.

Ванкувер слабел с каждым днем. Жизнь покидала его. Он умер в Питерсхэме 12 мая и был похоронен в ограде церкви Святого Петра. Никаких сведений о причинах его смерти нет. В приходской книге регистраций смертей содержится такая запись: «Капитан Джордж Ванкувер, офицер королевского военно-морского флота, 40 лет, из этого прихода. Похоронен 18 мая 1798 г.»

* У. Блай был штурманом судна «Резолюшен» во время второго плавания Кука. Впоследствии командовал кораблем «Баунти», на котором 28 апреля 1789 г. вспыхнул мятеж. Мятежники высадили Блая и 18 оставшихся верными ему людей в шлюпку, и те, пройдя на ней 4 тыс. миль, добрались до острова Тимор, откуда их доставили в Англию. В 1805—1806 гг. Блай был губернатором Нового Южного Уэльса. Он умер в Лондоне в 1817 г. в чине адмирала.

Внутри этой старинной церкви, на северной стене, находится памятная доска, установленная «Хаусон-Бей компани» много лет спустя. По мнению церковных властей, в этом заключена большая доля иронии. Дело в том, что компания до своего краха в 1858 г. всячески препятствовала освоению западного побережья Северной Америки, исследованию которого Ванкувер посвятил всю свою жизнь. Она любыми средствами устраняла своих конкурентов в торговле пушниной, приносящей ей огромный доход.

Могила Ванкувера, совсем простая, в течение многих лет была заброшена. Его имя было запятнано «делом Кэмелфорда». Могущественное семейство делало все, чтобы очернить Ванкувера как при жизни, так и после смерти. Конечно, нельзя не учитывать и то, что на протяжении семнадцати лет после смерти Ванкувера война поглощала все внимание англичан. Широкая публика не обратила внимание на выход в 1798 г. его книги «Плавание на "Дискавери" в северной части Тихого океана и вокруг света». В 1805 г. в «Неви кроникл» было опубликовано письмо следующего содержания: «Мистер редактор, недавно во время прогулки по прекрасным лугам, расположенным у Ричмонда, я посетил церковь в Питерсхэме, чтобы посмотреть место, где похоронен Ванкувер, один из последних наших капитанов, совершивших кругосветное путешествие. После долгих поисков я, к моему величайшему удивлению, обнаружил лишь совершенно простую могильную плиту, на которой имеется короткая надпись: "Капитан Джордж Ванкувер умер в 1798 г." Ни дня его смерти, ни того, что он был офицером флота Его величества, не упомянуто. Эта незаметная могила находится в южной стороне церковного двора».

Специалисты, однако, сразу же приняли книгу Ванкувера очень хорошо. Так, в рецензии, помещенной в «Неви кроникл» в 1799 г., говорилось: «Много лет у нас не появлялось такого описания плавания, как в предлагаемых читателю томах. Как по форме, так и по содержанию книга может быть поставлена в один ряд с такими работами, которые считаются морской классикой».

«Энньюал реджистер», посвятивший двадцать страниц разбору книги Ванкувера, подчеркивал важность его исследований.

В Англии второе издание книги появилось в 1801 г. Немецкое издание было выпущено в 1799—1800 гг., шведское — в 1800 г., французское — в 1802 г., русское — в 1827—1828 гг. Экземпляры всех этих изданий имеются

в библиотеке Вашингтонского университета в Сиэтле, расположенном рядом с канадским городом Ванкувером, у американо-канадской границы.

Очень высоко оценивали исследования Ванкувера те мореплаватели, которые имели случай проверить его работу. Так, Ч. Уилкес, возглавлявший американскую морскую экспедицию в Тихом океане в 1838—1842 гг., в течение которой был вновь исследован Паджет-Саунд, восхищался тщательностью работы, проведенной Ванкувером. По его словам, заливы и берега описаны необычайно точно, даже трудно себе представить, что это было сделано полвека назад. Дж. Дэвидсон, сотрудник Калифорнийского университета, в течение сорока лет исследовавший Тихоокеанское побережье Северной Америки, писал: «Я прошел каждый фут, исследованный Ванкувером на этом побережье, и хочу сказать, что он был великим человеком». У. Далл, изучавший в последнее тридцатилетие XIX в. побережье Аляски, заявил, что исследования Ванкувера «не превзойдет ни один мореплаватель» и что он остается величайшим авторитетом в вопросах, касающихся вод, омывающих Аляску.

Однако подавляющее большинство английских историков первой половины XIX в. совершенно игнорировали исследования Ванкувера, которые, по их мнению, не шли ни в какое сравнение с деятельностью его предшественника — Дж. Кука.

Р. Керр, например, в восемнадцатитомной истории плаваний и путешествий, опубликованной им в 1811—1824 гг., не упомянул ни имени Ванкувера, ни его плавания. Материалы для своей работы Керр получал от Д. Бэнкса, испытывающего глубокую антипатию к Ванкуверу и, вероятно, соответствующим образом настроившего его.

Историки и географы XX в. более благосклонны к Ванкуверу. Так, английский ученый Э. Хевуд в книге «Географические открытия в семнадцатом и восемнадцатом столетиях», выпущенной в 1912 г., писал, что работа Ванкувера самая трудоемкая из всех, которые были проделаны каким-либо мореплавателем. Изучением деятельности Ванкувера занимался и американский исследователь Э. Мини. Его работа «Открытие Ванкувером Паджет-Саунда» была опубликована в начале нашего столетия и переиздана в 1957 г. Интересно, что Э. Мини был одним из пионеров заселения штата Вашингтон. Он прибыл туда в 1877 г. пятнадцатилетним юношей и в течение полувека был профессором истории Вашингтонского университета

в Сиэтле. Большую известность приобрело фундаментальное исследование Дж. Годвина «Жизнь Ванкувера», вышедшее в Лондоне в 1930 г. Оно пронизано глубоким уважением как к деятельности, так и к самой личности Ванкувера: «Двадцать два года из сорока были им проведены на море; он редко чувствовал себя здоровым и, лишь умирая, узнал что-то о радостях жизни. Власти никогда не покровительствовали ему, никогда не награждали, никогда не одобряли его деятельности, — возможно, потому, что он никогда не искал этого. Так уж устроен мир».

В книге американского контр-адмирала Б. Андерсена, выпущенной в 1960 г., говорится: «Тучи, нависшие над Ванкувером со времени столкновения с неисправимым Кэмелфордом, лишили его признания, которого он заслужил, и привели к почти полному забвению его имени. А ведь он проделал огромную исследовательскую работу, выполненную им, несмотря на очень слабое здоровье. Его энергия, дисциплинированность и дотошное отношение к деталям, т.е. те качества, которые свойственны добросовестному офицеру, вызывали уважение большинства его офицеров и матросов, так же как и современных исследователей морских путешествий».

Во второй половине XIX в. имя Ванкувера не только вышло из небытия, но и стало широко известно. Наибольший энтузиазм проявляли жители тех мест, где проходила основная работа экспедиции Ванкувера. Жители Британской Колумбии разыскивали могилу Джорджа Ванкувера и посадили около нее саженцы деревьев, привезенных с тихоокеанских берегов. Шли годы, молодые деревца росли, и теперь его могила уже не была заброшенной. Ежегодно много людей приходит в питерхэмскую церковь почтить память Ванкувера. На их средства старая церковь была реставрирована. Но могила капитана осталась такой же скромной. У семьи Ванкувера были средства, чтобы установить хороший памятник, но этого сделано не было. По-видимому, такова была его посмертная воля. И сейчас на могиле стоит небольшая плита с короткой надписью: «Капитан Джордж Ванкувер. Умер в году 1798, 40 лет».

Недоброжелатели Ванкувера, хулители и клеветники навсегда канули в лету. А на берегу Тихого океана, в том месте, где когда-то с лодки Ванкувер взирал на лесистый, безлюдный берег, теперь раскинулся красавец город его имени, известный всему свету. Недалеко от него, но уже на территории Соединенных Штатов, находится другой город Ванкувер, небольшой и долгое время мало кому

известный. Но вот полвека назад там приземлился самолет, впервые в истории человечества пролетевший из Москвы в Америку через Северный полюс. Чкаловскую тройку первыми приняли в свои объятия ванкуверцы. Название их города получило всемирную известность.

Сито истории безжалостно. Всякая мелочь просеивается и исчезает, смешиваясь с ненужным хламом. В памяти человечества остаются те, кто действительно этого заслуживает. В могучей плеяде первооткрывателей имя капитана Джорджа Ванкувера, многократно увековеченное на географических картах, заняло достойное место.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНЦИДЕНТ В НУТКА-САУНДЕ.....	5
С КУКОМ ВОКРУГ СВЕТА	20
К БЕРЕГАМ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ	27
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	110
С СИЛЬНЫМ НЕ БОРИСЬ	118

Научно-художественное издание

Малаховский Ким Владимирович

В НОВОМ АЛЬБИОНЕ

Редактор *И.В.Королева*

Младший редактор *Л.В.Исаева*

Художник *В.В.Локиин*

Художественный редактор *Б.Л.Резников*

Технический редактор *Г.А.Никитина*

Корректор *С.Р.Кандибур*

ИБ № 16521

Сдано в набор 26.09.89. Подписано к печати 24.01.90

Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура таймс

Печать офсетная. Усл. п.л. 6,72. Усл. кр.-отт. 6,93

Уч.-изд. л. 7,3. Тираж 30000 экз. Изд. № 6740

Зак. № 141. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Книги

Главной редакции восточной литературы
издательства "Наука" можно предварительно заказать
в магазинах Центральной конторы "Академкнига",
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации

Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:

- 117393 Москва, ул. академика Пилюгина, 14, корп. 2,
магазин № 3 ("Книга — почтой") Академкниги;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин "Книга —
почтой" Северо-Западной конторы "Академкнига" или
в ближайший магазин "Академкниги", имеющий от-
дел "Книга — почтой";
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 ("Книга — почтой");
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 ("Книга — почтой");
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 ("Книга — почтой");
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 ("Книга — почтой");
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга — почтой");
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 ("Книга — почтой");
277012 Хишинева, пр. Ленина, 148 ("Книга — почтой");
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 ("Книга —
почтой");
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 ("Книга — почтой");
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;

199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 ("Книга — почтой");
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 ("Книга — почтой");
142284 Протвино Московской обл., "Академкнига";
142292 Пущино Московской обл., МР "В", 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга — почтой");
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 ("Книга — почтой");
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Зорге, 10 ("Книга — почтой");
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 ("Книга — почтой");
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 ("Книга — почтой").

